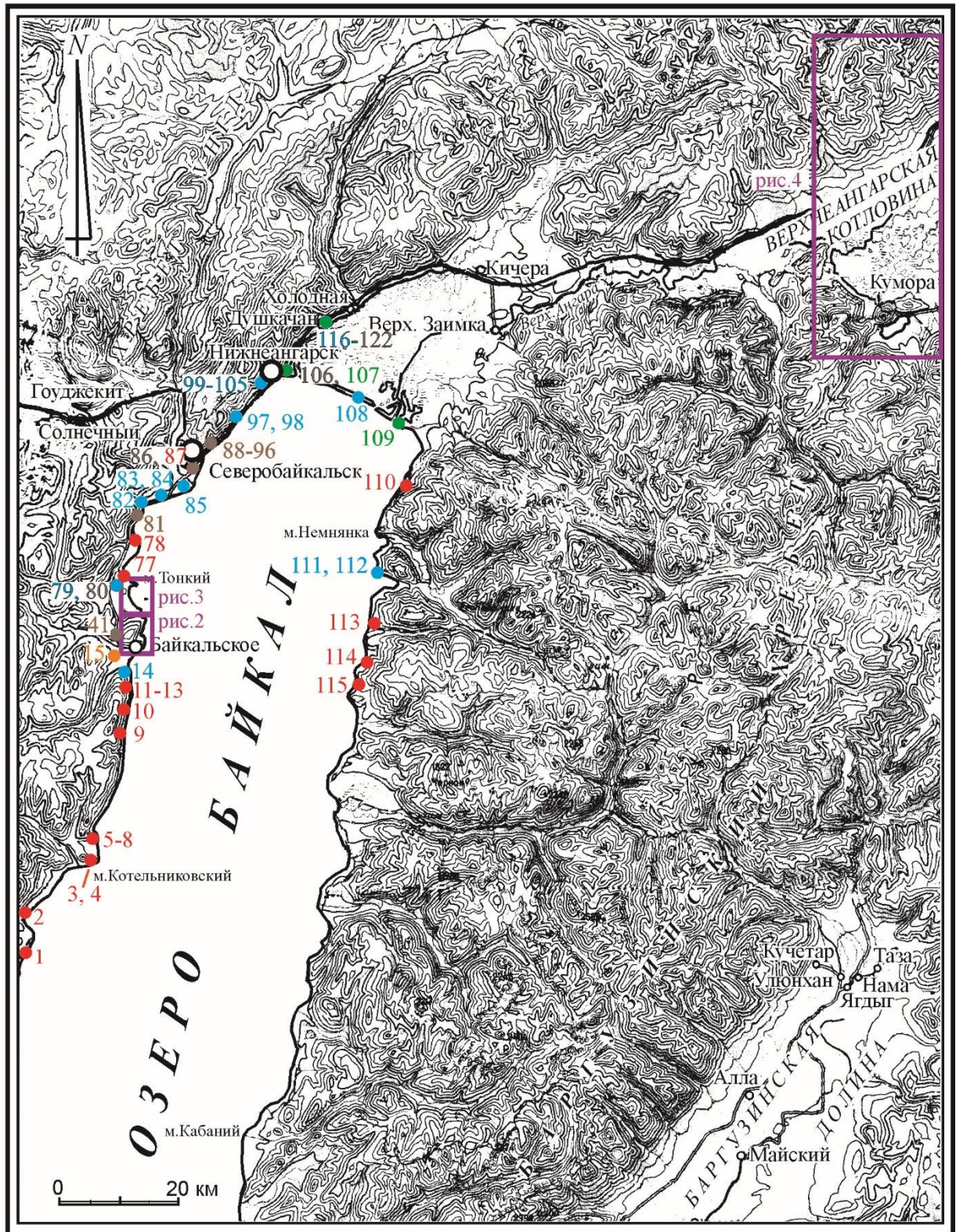

ИЗ ИСТОРИИ СЕВЕРОБАЙКАЛЯ

Сборник исследовательских работ учащихся
МБОУ «Лицей №6» г. Северобайкальска
и Центра развития дополнительного
образования детей Иркутской области.

Археологический объект, обнаруженный в период

● 47 - с 1901 по 1962 гг. ● 56 - с 1963 по 1974 гг. ● 33 - с 1975 по 1985 гг.
 ● 25 - с 1986 по 1998 гг. ● 59 - с 1999 г.

Рис. 1. Карта расположения археологических объектов в Северобайкальском районе Бурятии

В сборнике представлены исследовательские работы учащихся археологической группы МБОУ «Лицей №6» города Северобайкальска и Центра развития дополнительного образования детей Иркутской области.

Северобайкалье является уникальным местом, которое еще в каменном веке было освоено человеком. «Следы» прошлого встречаются повсеместно по всему побережью от горы Кивиля (в 4 км от с. Байкальское, бывшая деревня Талая) до Душкачана. Особенно богат археологическими памятниками мыс Лударь и Лударская губа. В переводе с эвенкийского языка «лударь» означает «врезаться».

Живописные Лударские скалы не могли не заметить и древние художники. Наскальными рисунками богаты отвесные скалы как южного конца мыса Лударь, так и северной его стороны – Лударская губа. Здесь также расположены 5 городищ, которые являлись священными центрами (I тыс. до нашей эры – I тыс. нашей эры). Вероятно, вершины гор, на которых располагались святилища, воспринимались как сакральная площадка, на которой возможен контакт между представителями людей и божествами. Стараясь оградить эти священные центры от всевозможного «вредоносного» влияния, древние жители огораживали их фортификационными сооружениями.

Наибольший вклад в изучение нашего края вносят археологи Иркутска под руководством доктора исторических наук, профессора ИрГТУ Харинского А. В. На протяжении более 30 лет ежегодно в июле-августе археологический отряд иркутян ведет раскопки в окрестностях села Байкальское (42 км от г. Северобайкальск).

С 2002 года учащиеся Лицея № 6 стали принимать участие в раскопках. За это время были вскрыты стоянки древних охотников и рыбаков неолитической и бронзовой эпох (Байкальское III, Красный Яр II). В них нашли каменные топоры, тесла, молоток, составной крючок, гарпуны, ножи, наконечники стрел, многочисленные фрагменты керамики, костей животных. Не менее уникальны изделия из погребений Красный Яр I, Релка I, Байкальское VII, VIII, Байкальское XXVII, XXXI, XXXIII. Среди них пуговицы, пряжка, нож, топор, игла, а также различные украшения, сделанные из металла: бронзовый браслет, серебряная серьга, золотые пластины. Участвуя в открытиях вместе с археологами, дети постигают основы теории и практики этой науки, бережнее относятся к памятникам природы и истории. Так у них пробуждается любовь к родному краю. Дети знакомятся с историей не только за школьной партой - у них появляется возможность потрогать своими руками предметы быта тех людей, которые жили в далеком прошлом. Извлекая из земли артефакты, ребята искренне удивляются, делают открытия. Кроме того, ребята учатся жить в коллективе, соотносить свои поступки с действиями других, заботиться о товарищах, помогать друг другу.

Незабываемые впечатления остаются у ребят от общения с археологами. Часто с нами работают не только ученые из Иркутска, но и из Канады. Общение со сверстниками и увлеченными своим делом взрослыми обогащает детей духовно. Каждый прожитый день участники археологического отряда по-своему осмысливают в стихах и прозе.

Работа в лагере начинается с его обустройства. Это помогает формировать компетентность в бытовой сфере. Ребята устанавливают столы в кухне, в столовой, натягивают тенты, строят туалеты, делают погреб, выгребную яму, постигая при этом первые житейские премудрости. Кто-то из них впервые берёт в руки молоток и топор. Ребята учатся разжигать костер в различную погоду, и многие из них к концу смены умеют это делать при помощи одной спички даже в дождь. Школьники во время дежурства сами готовят пищу на костре, и каждый дежурный стремится приготовить так, чтобы все остались довольны едой. Радость при этом получают и те, кто готовит, и те, кто ест. Несмотря на конкурс «Лучший дежурный», ребята на

кухне всегда помогают друг другу. Рабочий день в отряде обычно длится всего три часа, однако многие ребята предпочитали уходить на дальний раскоп Красный Яр II, расположенный в 4,5 км от с. Байкальское, на целый день. Это Колосова Т., Иванова А., Акимова Д., Кильянов С., Васин Е., Киреев И., Ларьков В. и многие другие. Стоянка богата находками: кремневые отщепы, пластины, стрелы, тесло, фрагменты керамики – всё это стало предметом изучения археологов из Иркутского государственного технического университета.

Даже если никто из школьников не выберет профессию археолога или историка, в лагере дети приобретают необходимые жизненные навыки, которые пригодятся им в будущем. Они учатся быть самостоятельными, планировать каждый день в службах самоорганизации, строить отношения с взрослыми, а также с ребятами разного возраста, поскольку в составе группы бывают дети с 5 по 11 классы - старшие ребята ухаживают за младшими, а младшие помогают старшим. Опыт моей работы показывает, что ребята – участники летнего археологического лагеря - меньше болеют, у них появляется уверенность в своих силах и возможностях. Каждый из детей раскрывается здесь по-особому: кто-то начинает петь, кто-то играть на гитаре, у многих проявляются артистические способности, а у кого-то открывается талант к написанию исследовательских работ. Многие ребята, проведя хотя бы один сезон в археологическом лагере, приезжают сюда вновь. Ежегодно все участники экспедиций встречаются 15 августа, в день археолога. У них возникает чувство привязанности к родному краю, любовь к Отечеству. Одним из важных моментов в своей деятельности я считаю создание ситуации успешности для каждого из моих учеников, предоставление им возможности пережить радость от достигнутого результата, почувствовать веру в себя, тем самым способствуя их дальнейшему продвижению в учебно-познавательной деятельности. В этом плане я на протяжении 15 лет работаю над методической проблемой «Проектно-исследовательская деятельность учащихся». Проектно-исследовательская деятельность – это учебное исследование, включающее в себя обоснование актуальности избранной темы, обозначение задач исследования, обязательное выдвижение гипотезы с последующей ее проверкой, обсуждение полученных результатов.

Исследовательская работа формирует умения и навыки, необходимые выпускнику для успешной учебы в ВУЗе и научной карьеры. Опыт такой работы приучает к оформлению текстов аналитического характера (резюме, отчеты, обзоры и т.д.), что в современной ситуации востребовано на любом интеллектуальном поприще.

С 5-го класса начинаю привлекать к исследовательской работе прежде всего тех учащихся, которые в ходе пребывания в профильном археологическом лагере заинтересовались той или иной проблемой. К примеру, бронзовый кельт, найденный Киреевым Игорем при раскопках на горе Релка I, комплекс 5, побудил его начать поиски по культурной принадлежности этого артефакта. Занимаясь данной проблемой с 2005 года, Игорь не только определил, что его оставили представители населения культуры «плиточных могил», но попутно выявил ряд других проблем. Экскурсия в деревню Талая (точнее, то, что-то неё осталось) заинтересовала Грищука Дмитрия, ученика 6 класса, тем, почему деревня прекратила свое существование. Встречаясь с живыми свидетелями, собирая информацию в архивах города и района, Дмитрий восстановил план деревни, список жителей на 1967 год, особенности быта.

От стихийных интересов ребята в 7-8 классах переходят к осознанному выбору будущих исследований. В начале учебного года они определяются с темами, в ноябре проходят предварительные слушания в рамках клуба «Эрудит», в декабре на зимней сессии лучшие работы отбираются на городские, республиканские и

всероссийские конференции. С января по март проходит представление работ на конференциях, а в апреле подводятся итоги на лицейской научно-практической конференции и намечаются планы на следующий год. Завершенные работы мы отдаем в печать, в местную газету «Северный Байкал».

Темы детских работ разные: от археологии до истории современности.

2003 год – Межрайонная научно-практическая конференция «Шаг в будущее» - Куц Михаил, диплом 1 степени за работу «Глазковское захоронение на мысе Красный Яр».

Мясникова Анастасия, диплом 2 степени за работу «Монумент первопроходцам БАМ».

2004 год – Межрайонная научно-практическая конференция «Шаг в будущее» - Пунько Елена, диплом 2 степени за работу «Археологические объекты Северобайкалья».

2006 год – Всероссийская научно-практическая конференция «Шаг в будущее. Юниор!» - Киреев Игорь, «Плиточные могилы Бурятии», специальный приз от организаторов.

Всероссийский конкурс «Человек в истории. Россия-20 век» - Грищук Дмитрий «История деревни Талой», свидетельство участника.

2008 год – Республиканская научно-практическая конференция «Сибирская весна» - Киреев Игорь, диплом 2 степени за работу «Погребения эпох бронзы и раннего железа на Северном Байкале».

2011 год – Всероссийская конференция «Национальное достояние России» - Ледянкина Ирина, диплом 1 степени, серебряный крест за работу «Наскальные рисунки северо-западного побережья Байкала».

2012 год – Межрегиональная конференция школьников «Историко-культурное и природное наследие Сибири» - Лебедев Владимир, диплом Лауреата за работу «Керамика Писаного Камня».

2013 год – Межрайонная конференция «Шаг в будущее, Юниор!» - Стаценко Ульяна, диплом 1 степени за работу «Удивительный мыс Лударь».

2014 год – Межрайонная конференция «Шаг в будущее» - Евсеенко Ульяна, диплом 1 степени за работу «Археологические объекты мыса Красный Яр».

2015 год - Межрегиональная конференция школьников «Историко-культурное и природное наследие Сибири» - Стаценко Ульяна», диплом Лауреата за работу «Удивительные места Северобайкалья».

2016 год – Международный форум «Интеграция на «Великом чайном пути» - Стаценко Ульяна, диплом 3 степени.

2016 год - Межрайонная конференция «Шаг в будущее, Юниор!» - Юдин Даниил, диплом 2 степени за работу «Каменные наконечники стрел».

2017 год – Межрайонная конференция «Шаг в будущее» - Евсеенко Ульяна, диплом 1 степени за работу «Тайны мыса Писаный Камень».

Каримова М.Н., учитель высшей квалификационной категории, Почетный работник общего образования РФ.

Погребальные обряды на Северном Байкале в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

(Из дипломной работы: «Погребально-поминальные комплексы на Северном Байкале в эпоху поздней бронзы и раннего железа» студентки НГУ **Каримовой Дианы Венеровны**. 2008 год). Выпускница МБОУ «Лицей № 6» 2003 года.

Археологические исследования на Северном Байкале ведутся с начала XX века. С начала прошлого столетия были обследованы многие археологические памятники: городища, стоянки, могильники, петроглифы.

Погребальному обряду в археологических исследованиях всегда уделялось достаточно внимания. Локальное своеобразие и консервативность, проявляющиеся в погребальном ритуале, использовались исследователями при построении культурных, хронологических или этнических схем прошлого. Наличие на смежных территориях сходного погребального обряда воспринимается многими из них как свидетельство проживания на них близких по мировоззрению групп населения.

Исчезновение одних погребальных обрядов и появление других определяло наступление нового этапа в культурной жизни края, сопоставимое со становлением новой культуры. Изучение процесса смены погребальных и поминальных обрядов на Северном Байкале в период перехода от бронзового века к железному, а также их взаимное влияние друг на друга является актуальным для археологии Центральной Азии.

На сегодняшний день на территории Северного Байкала известно 7 могильников, которые принадлежат к периоду конца II тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.: Курла II, Богучанская XII, Байкальское XXVII, Байкальское XXXI, Рёлка I, Рёлка II, Байкальское VII. В статье рассмотрены результаты археологических раскопок шести из семи могильников.

Исследования на Северном Байкале погребений и поминальных комплексов конца II тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. позволили выделить среди них три основных типа. Разные способы оформления надмогильной кладки, а также различное положение умершего являлись особенностями погребального обряда.

Таблица 1.

Надмогильные кладки погребально-поминальных комплексов на Севере Байкала.

Название объекта и номер кладки	Форма кладки	Размер кладки в метрах (м)	Ориентировка	Структура
Курла II, к. №1	определить не удалось	?	?	?
Курла II, к. №2	определить не удалось	?	?	?
Курла II, к. №3	прямоугольная	?	?	плоская 1-слойная
Богучанская XII	определить не удалось	?	?	плоская 1-слойная
Байкальское XXVII, к. 1	кольцевая	диаметр 2 м	?	?
Байкальское XXVII, к. 2	овальная	2,5 x 5 м	З-В	плоская 1-2 -слойная
Байкальское XXVII, к. 3 и к.4	овальная	0,7 x 1,2 м	З-В	забутована

Байкальское XXVII, к. 5	кольцевая	диаметр 3,5 м	З-В	плоская слоиная	1-2
Байкальское XXVII, к. 6	кольцевая	диаметр 3,5 м	З-В	плоская слоиная	1-2
Байкальское XXVII, к. 7	овальная	3,4 х 4 м	З-В	плоская слоиная	1-2
Байкальское XXVII, к. 8	первоначально прямоугольная	2,4 х 3,8 м	СЗ-ЮВ	плоская слоиная	1-2
Байкальское XXVII, к. 9	кольцевая	диаметр 2,8 м	СЗ-ЮВ	плоская	
Байкальское XXVII, к. 10	шатрового типа	1,7 х 2,6 м	С-Ю	высотой 0,6 м	
Байкальское XXVII, к. 11	прямоугольная	2,1 х 3,0 м	СЗ-ЮВ	плоская слоиная	1-
Байкальское XXVII, к. 12	овальная	4 х 2 м	З-В	плоская слоиная	1-2
Байкальское XXVII, к. 13	овальная	2 х 0,8 м	СЗ-ЮВ	плоская слоиная	1-2
Байкальское XXVII, к. 14	кольцевая	диаметр 1,3 м		плоская	
Байкальское XXXI, к. 1	овальная, кольцевая	2,2 х 3,5 м	СЗ-ЮВ	плоская слоиная	1-
Байкальское XXXI, к. 2	8-образная	4 х 4,5 м	С-Ю	плоская слоиная	1-
Байкальское XXXI, к. 3	овальная, кольцевая	2,2 х 3,4 м	СЗ-ЮВ	плоская слоиная	1-
Байкальское XXXI, к. 4	овальная	1,6 х 2,7 м	СЗ-ЮВ	плоская слоиная	1-
Байкальское XXXI, к. 5	овальная	0,7 х 1,7 м	СЗ-ЮВ	плоская слоиная	1-
Байкальское XXXI, к. 6	овальная	1,3 х 2,0 м	СЗ-ЮВ	плоская слоиная	1-
Байкальское XXXI, к. 7	овальная	1,6 х 2,8 м	СЗ-ЮВ	плоская слоиная	1-
Байкальское XXXI, к. 8	овальная	1,6 х 3,0 м	СЗЗ-ЮВВ	плоская слоиная	1-
Байкальское XXXI, к. 9	овальная	2,6 х 3,0 м	СЗ-ЮВ	плоская слоиная	1-
Рёлка I, к. 1	четырёхугольная	4 х 2,6 м	С-Ю	плиточная могила	
Рёлка I, к. 2	четырёхугольная	3 х 3,25 м	СЗ-ЮВ	плоская	
Рёлка I, к. 3	определить не удалось	?	СЗ-ЮВ	плоская	
Рёлка I, к. 4	определить не удалось	?	СВ-ЮЗ	плоская	
Рёлка I, к. 5	четырёхугольная	3,4 х 2,9	СЗ-ЮВ	плиточная могила	
Рёлка II, к. 1	округлая	диаметр до 0,4 м		плоская слоиная	1-
Рёлка II, к. 2	округлая	диаметр до 0,4 м		плоская слоиная	1-

Рёлка II, к. 3	круглая	диаметр 2,4 м		плоская слоистая	1-
Рёлка II, к. 4	овальная, кольцевая	диаметр 2,7 м	З-В	плоская слоистая	1-
Рёлка II, к. 5	круглая	диаметр 2,2 м	СЗ-ЮВ	плоская слоистая	1-
Рёлка II, к. 6	овальная	2,4 х 2,0 м	СЗ-ЮВ	плоская слоистая	1-
Рёлка II, к. 7	овальная	3,6 х 2,4 м	СЗ-ЮВ	плоская слоистая	1-

Таблица 2.

Могильные ямы и ориентировка погребенного.

Название объекта и номер комплекса	Форма могильной ямы	Размер могильной ямы в метрах (м)	Положение умершего	Ориентировка
Курла II, к. 1	определить не удалось	?	вытянуто, на спине (?)	В
Курла II, к. 2	определить не удалось	?	вытянуто, на спине (?)	В
Курла II, к. 3	овальная	0,6 х 1,8 (?) х 0,4 м	вытянуто, на спине	В
Богучанская XII	определить не удалось	?	вытянуто, на спине	Ю
Байкальское XXVII, к. 2	овальная	0,65 х 1,60 х 0,60 м	на боку с подогнутыми ногами	В
Байкальское XXVII, к. 5	овальная	1,1 х 1,5 х 0,44 м	?	?
Байкальское XXVII, к. 8	овальная	0,60 х 1,95 х 0,35 м	вытянуто, на спине	ЮВ
Байкальское XXVII, к. 11	овальная	0,5 х 1,9 х 0,35 м	вытянуто, на спине	ЮВ
Байкальское XXVII, к. 12	овальная	2,5 х 0,8 м	вытянуто, на спине	В
Байкальское XXXI, к. 1	овальная	0,65 х 1,30 х 0,4 м	на левом боку с подогнутыми ногами	ЮВ
Байкальское XXXI, к. 3	овальная	0,7 х 1,45 х 0,4 м	на боку с подогнутыми ногами	ЮВ
Байкальское XXXI, к. 4	грушевидная	0,75 х 1,7 х 0,2 м	вытянуто, на спине	ЮВ
Байкальское XXXI, к. 5	овальная	0,5 х 1,8 х 0,25 м	вытянуто, на спине	ЮВ
Байкальское XXXI, к. 8	овальная	0,55 х 1,85 х 0,3 м	вытянуто, на спине	ЮВ
Байкальское XXXI, к. 9	овальная	0,7 х 1,66 х 0,4 м	вытянуто, на спине	В
Рёлка I, к. 1	овальная	0,7 х 2,15 х 0,3	вытянуто на	Ю

		м	спине	
Рёлка I, к.5	овальная	0,6 x 1,9 x 0,5 м	вытянуто, на спине	ЮВ
Рёлка II, к.3	овальная	0,54 x 1,4 x 0,3 м	?	?
Рёлка II, к. 5	овальная	0,7 x 1,2 x 0,3 м	?	?
Рёлка II, к. 6	круглая	диаметр 0,7 м x 0,4 м	?	?
Рёлка II, к. 7	овальная	0,9 x 2,1 x 0,35 м	вытянуто на спине	ЮВ

Над погребениями первой группы, как правило, сооружались овальные кладки размером от 0,7 x 1,7 м до 2,1 x 3,0 м (Таблица 1). Камни укладывались горизонтально в один слой. Под центральной частью кладки располагалась могильная яма, обычно, овальной формы размером от 0,5 x 1,8 м до 0,60 x 1,95 м. Глубина ям составляла 0,2-0,4 м. Умерший располагался вытянуто, на спине, головой ориентирован на восток, юго-восток или юг (Таблица 2). Установить время появления этого погребального обряда на северном побережье озера Байкал достаточно точно пока невозможно. Все это обусловлено тем, что погребения, относящиеся к первой половине I тыс. до н.э. исследованы мало.

В Предбайкалье захоронения, напоминающие погребения из первой группы, известны под названием «бутухейские». Распространение бутухейской погребальной традиции на большей территории Предбайкалья относят к первой половине I тыс. до н.э., этому же времени можно отнести и появление бутухейцев на Севере Байкала (Харинский, 2003а).

На территории Северного Байкала существование бутухейской группы погребений имело свои особенности. Во-первых, обращает на себя внимание концентрация бутухейских погребений в многочисленных могильниках, в то время как в других районах Предбайкалья они больше склонны к единичному расположению. Во-вторых, бутухейские захоронения Северного Байкала фиксируются на значительной гипсометрической высоте. При этом выше всех расположен могильник Рёлка II. Возможно, расположение этого могильника отражает изменения в религиозной системе населения. К тому же, на побережье Байкала детских захоронений I тыс. до н.э. практически не известно. Использовался ли могильник в качестве места захоронения детей или каких-то ритуальных объектов сказать сложно.

Вторая группа погребений характеризуется кладками четырехугольной формы, размерами 4 x 2,6 м и 3,4 x 2,9 м (Таблица 1). Плиты оградки поставлены вертикально либо под наклоном. Боковые стенки оградки помещены в траншею глубиной до 0,4 м. Под центральной частью оградки под перекрытием находилась могильная яма глубиной до 0,5 м. Умерший располагался вытянуто, на спине, головой в южном направлении (Таблица 2).

По всем конструктивным особенностям надмогильной кладки и погребальному обряду эти погребения можно отнести к плиточным могилам хужирской группы. Данная группа была выделена А.В. Харинским. Рамки существования группы на территории Предбайкалья определены VII – IV вв. до н.э.

Время появления этого погребального обряда на Севере Байкала относят к позднему бронзовому веку. Подобные погребения зафиксированы только на одном памятнике. Однако в погребениях были найдены две бляшки-пуговицы, которые по результатам химического анализа можно отнести к концу I тыс. до н.э. (Харинский А.В., Туркин Г.В., Федорин М.А., 2005). Следовательно, верхняя граница существования хужирской группы плиточных могил на Севере Байкала может быть поднята до конца I тыс. до н.э.

Следует также отметить, что рядом с плиточными могилами были обнаружены ритуально-поминальные комплексы, в заполнении ям которых были найдены черепа домашних животных. Подобные комплексы были встречены в погребениях пади Олзонтэй в Предбайкалье (Туркин Г.В., 2003а). Однако эти ритуально-поминальные комплексы находились под одной кладкой с захоронениями. И по всем конструктивным особенностям захоронения были отнесены к хоторукской группе погребений. Возможно, на северном побережье существовали сразу две традиции сооружения надмогильной кладки плиточных могил. Однако не исключена возможность изменений в религиозной системе населения культуры плиточных могил на более поздних периодах существования этой культуры.

Третья группа погребения характеризуется положением умершего на боку с подогнутыми ногами. Наиболее ранние в Прибайкалье захоронения железного века, в которых погребенные располагались на боку с подогнутыми ногами, отмечены в Селенгинской долине. По мнению А. Д. Цыбиктарова, в V в. до н.э. этот погребальный ритуал приходит на смену культуре плиточных могил (Цыбиктаров А.Д., 1998: 110). В III в. до н. э. племена, хоронившие умерших на боку с согнутыми в коленях ногами, переселяются на западный берег Байкала (Харинский, Снопков, 2004).

В Приольхонье захоронения железного века на боку с подогнутыми ногами выделены в отдельную группу погребений, названную елгинской. Умершие елгинцы укладывались в могилу на правый бок, головой на юго-восток (Горюнова, Пудовкина, 1995). Обнаруженный археологический материал и радиоуглеродные даты позволяют отнести эти захоронения к III в. до н.э. - IV в. н.э. По всей видимости, Приольхонье являлось промежуточным районом в движении елгинцев на северо-западное побережье Байкала, где об их появлении свидетельствуют три погребения: Байкальское XXVII комплекс 2, Байкальское XXXI комплексы 1 и 3.

Над этими погребениями сооружались плоские овальные кладки в 1-2 слоя размером от 2,2 x 3,4 м до 2,5 x 5,0 м (Таблица 1). Под центром кладки находилась могильная яма овальной формы размером от 0,65 x 1,30 м до 0,65 x 1,60 м, глубиной 0,4-0,6 м. Погребенный располагался на правом боку с подогнутыми ногами, головой ориентировался на юго-восток (Таблица 2).

Несмотря на схожесть северобайкальских и приольхонских захоронений конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э., между ними отмечается и определенная разница. Северобайкальские погребенные, в отличие от приольхонских, располагались на левом боку. Над ними сооружалась овальная кладка, а не четырехугольная как в Приольхонье. По всей видимости, фиксируемые между двумя группами захоронений различия носят, скорее всего, локальный характер. Поэтому уместно говорить о существовании на значительной части байкальского побережья на рубеже эр единой елгинской погребальной традиции (Харинский, 2003а: 146).

Итак, на Северном побережье озера Байкал в эпоху поздней бронзы и раннего железа существовали три погребальных традиции, различающиеся между собой, прежде всего, положением умершего и надмогильной конструкцией. Первая – бутухейская – характеризуется положением погребенного вытянуто, на спине, головой на юго-восток – восток, надмогильная кладка овальной формы. Вторая – плиточные могилы – положение умершего вытянуто, на спине, головой на юг, юго-восток, форма надмогильной кладки четырехугольная. Третья – елгинская – положение на боку, с поджатыми ногами, головой на восток - юго-восток. Носители елгинских погребальных традиций распространяются на северном побережье Байкала в III в. до н.э., переселяясь сюда из Приольхонья или Баргузинской долины. Вероятно, их появление не сопровождалось полной ассимиляцией или вытеснением местного населения. Оно сохранило свои обычаи и традиции, что выражается в продолжении существования бутухейского погребального ритуала наряду с елгинским, что было подтверждено исследованиями на могильниках Байкальское XXVII и Байкальское XXXI, где были

зафиксированы погребально-поминальные комплексы, принадлежащие носителям бутухейской погребальной традиции и елгинской.

Таким образом, все три группы погребальных обрядов на Севере Байкала имеют сходство с погребальными обрядами, выделенными в Предбайкалье в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Однако все три группы имеют свои отличия в погребальном ритуале, что, вероятно, связано с более поздним существованием.

На Северном Байкале поздний бронзовый век соотносится с существованием двух погребальных традиций: плиточные могилы и погребения бутухейского типа. Однако проникновение этих традиций относится к середине I тыс. до н.э. Отсюда можно заключить, что поздний бронзовый век на северном побережье озера Байкал можно определить серединой I тыс. до н.э. – II в. до н.э. То есть, на территории Предбайкалья (лесостепная зона) произошло некоторое замедление тех процессов, которые происходили на территории Центральной Азии. Тогда ранний железный век можно соотнести с периодом: конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.

К настоящему времени предварительная культурно-хронологическая схема северного побережья озера Байкал в эпоху поздней бронзы – раннего железа выглядит так: (Харинский, 2003а).

1) бутухейский этап (VII-V вв. до н.э. - III вв. до н.э.) – проживание в регионе носителей двух культурных традиций: бутухейская - погребальный обряд характеризуется труположением вытянуто на спине и ориентировкой головой на восток – юго-восток; плиточные могилы – четырехугольная надмогильная кладка, труположение также вытянуто на спине, головой на юг, юго-восток.

2) елгинский этап (III в. до н.э. – I тыс. н.э.) – появление захоронений, в которых погребенные располагались на боку с поджатыми ногами и ориентировкой головой на юго-восток – восток, наряду с которыми продолжают фиксироваться захоронения бутухейского типа.

Данная схема систематизирует данные исследований, начатых ещё в 70-х гг. XX в., а также материалы, до сих пор не введенные в научный оборот.

Таким образом, смена погребальных обрядов на Северном Байкале позволяет проследить и понять этнокультурные процессы, происходившие в эпоху поздней бронзы и раннего железа в этом регионе.

Список использованной литературы:

1. Горюнова О.И., 2002 Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Издательство ИГУ. 2002. С. 84.
2. Горюнова О.И., 1993 Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: тезисы и материалы научной конференции. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 1993, С. 76-80.
3. Горюнова О.И., Пудовкина Е.А., 1995 Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С.154-174.
4. Гришин Ю.С., 1995 Некоторые вопросы о памятниках культуры плиточных могил в Предбайкалье и на Байкале // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 62-64.
5. Дашибалов Б.Б., 1995 Плиточные могилы острова Ольхон // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 79-83.

6. Коростелев А.М., 2003 Погребения эпохи бронзы на побережье Северного Байкала // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С.174-175.
7. Коростелев А.М., 2004 Ранний железный век северного побережья озера Байкал (по материалам памятника Байкальское XXVII) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы 44 Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. - Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2004. С.181.
8. Лыхин Ю.П., 2003 Археологическое обследование трассы автодороги Тья – Байкальское летом 1983 г. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. Вып.1. С.134-155.
9. Свинин В.В., 1992 Археологические памятники Байкала и их исследователи // Древности Байкала. Сборник научных трудов. Издательство Иркутского университета. 1992. С. 111-134.
10. Туркин Г.В., 1995 Новые данные по плиточным могилам Предбайкалья//Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов к XXXV РАЭСК. Кемерово: издательство КемерГУ, 1995. С. 82-83.
11. Туркин Г.В., 2002 Лесостепное Предбайкалье в конце II – I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов). Автореф. дис... к. и. н. Владивосток. 2002.
12. Туркин Г.В., 2003 Плиточные могилы пади Олзонтей // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. Выпуск. 1. С. 74-112.
13. Туркин Г.В., 2004 Погребальная обрядность населения Предбайкалья в конце 2 – 1 тыс. до н.э. (к вопросу об этнокультурной ситуации) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Улан-Удэ. Издательство БГУ. 2004. С. 82-93.
14. Харинский А.В., 1997 Исследования памятников эпохи металла на оз. Байкал // Археологические открытия 1996 года. М., 1997. С. 365-367.
15. Харинский А.В., 2001 Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. - сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск, Изд-во ИрГТУ, 2001. 200 с.
16. Харинский А.В., 2003а Погребальный ритуал населения Северного Прибайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.: (по материалам могильника Байкальское 31) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Улан-Удэ. Издательство БГУ. 2004. С. 134–150.
17. Харинский А.В., 2003б Северное побережье озера Байкал в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. (по материалам погребальных комплексов) // Матер. междунар. конф. «Из века в век», - Новосибирск: Из-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. С.291-295.
18. Харинский А.В., Снопков С.В., 2004 Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. Выпуск. 2. С. 167-187.
19. Харинский А.В., Туркин Г.В., Федорин М.А., 2005 Химический состав металлических изделий из погребений 2-1 тыс. до н.э. северного побережья озера Байкал // Западная и Южная Сибирь в древности:

- сборник научных трудов. Барнаул: Издательство Алтайского университета. 2005. 252 с.
20. Ходосевич С.С., 2006. Елгинская группа погребений раннего железного века // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2006. Т. 1. С. 184-187.
21. Цыбиктаров А.Д., 1998. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ. 1998.

Население культуры плиточных могил на севере Байкала.

Каримова Диана Венеровна, выпускница МБОУ «Лицей № 6».

Одним из наиболее интересных погребений на Байкале являются плиточные могилы. Это монументальные конструкции четырехугольной формы, состоящие из поставленных вертикально плит. Они исследовались давно. Вначале их относили к «хуннскому времени», к 1 тыс. до н.э. Но раскопки последних 30 лет показали, что эти погребения древнее, около 13 века до н.э.

Территория, занятая культурой плиточных могил, охватывала огромные пространства Центральной Азии от Байкала на севере до пустыни Гоби на юге и от хребтов Хингана на востоке до котловины Больших озер на западе Монголии. Отдельные районы распространения этих памятников имеются глубоко на юге в предгорьях Нань-Шаня и, возможно, в Тибете, а на севере – в Кудинских степях Приангарья, на острове Ольхон, в долине Баргузина. В 2000 году плиточные могилы были обнаружены учеными ИГТУ А.В. Харинским, Туркиным Г.В. в 0,2 км к северо-западу от села Байкальское Республики Бурятия, на склоне горы Рёлка. Археологический памятник Рёлка 1 состоит из пяти комплексов, выраженных на поверхности земли каменными кладками. Надмогильные кладки комплексов представлены четырехугольными сооружениями. Длинной осью оградки ориентированы по линии СЗ-ЮВ.

В 2000 г. были раскопаны комплексы №№1 и 4. В 2004 г. - №№2 и 5. И в 2005 г. комплекс №3.

Комплекс 1. На месте расположения комплекса был заложен раскоп размером 5 х 4 м. Длинной осью раскоп ориентирован по линии север-юг. После расчистки выявилась надмогильная кладка. Она четырехугольной формы, размером 4 х 2,6 м.

В своем заполнении яма содержала сильно потревоженное захоронение. В северной части ямы на различных нивелировочных отметках обнаружены кости ног человека. В центральной части ямы на разной глубине залегания зафиксированы фрагменты костей человека. Вероятно, в могильной яме погребенный был расположен головой в южном направлении.

Из археологического материала в центральной части могильной ямы были обнаружены пастовые бусины, а также бронзовая пуговица. В южной части раскопа под плитами оградки зафиксированы скопления зубов лошади и барана, а также костяной псалий (Приложение 1).

Комплекс 2. В 2004 году на месте нахождения комплекса заложен раскоп размером 6 х 6 м. Длинными стенками раскоп ориентирован по линии СЗ-ЮВ. После расчистки выяснилось, что надмогильная кладка четырехугольной формы, размером 3 х 3,25 м. Длинной осью кладка могилы ориентирована по линии СЗ-ЮВ.

Под уровнем перекрытия выявлена могильная яма. Она находилась в центральной части раскопа. Форма ямы овальная, размеры 1,8 x 0,6 м. Глубина ямы – 0,35-0,4 м. Останков человека обнаружено не было (Приложение 2).

Из археологического материала за пределами могильной ямы в траншеях были обнаружены зубы и кости животного, фрагмент керамики, а также полукольцо из кости.

Комплекс 3. В 2005 г. на месте нахождения комплекса заложен раскоп размером 3 x 3.

Расчистка искусственной конструкции показала, что камни и плиты, её составляющие, распределены на площади 2,2 x 2,4 м. По форме кладка имела четырехугольную форму, однако сохранились только юго-восточная торцевая стенка и восточная боковая стенка. В своем заполнении яма содержала шесть черепов лошади, а также челюсть барана и три копыта лошади. Черепа были аккуратно уложены на дно ямы. Лицевыми частями черепа направлены на восток (Приложение 3).

Комплекс 4. На месте расположения могилы заложен раскоп 2,5 x 3 м. После расчистки искусственной конструкции выяснилось, что камни и плиты, её составляющие, в целом не образуют геометрическую конфигурацию. Кладка ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ и сложена в один слой.

Под плитами в восточной части раскопа обнаружена могильная яма округлой формы. Диаметр ямы 0,9 м. Глубина – 0,3 м. В яме обнаружены три черепа лошади и 5 нижних челюстей, а также один череп овцы и половина нижней челюсти. Лицевыми частями черепа уложены в восточном направлении (Приложение 4).

Комплекс 5. Плиточная могила раскопана в 2004 г. На месте нахождения комплекса заложен раскоп размером 6,4 x 4,6 м. Длинными стенками раскоп ориентирован по линии СЗ-ЮВ. Расчистка искусственной надмогильной конструкции показала сооружение, первоначально представлявшее собой плиточную могилу.

Частично сохранилось надмогильное перекрытие. Под ним была зафиксирована могильная яма грушевидной формы. Её размеры 2,1 x 0,74 x 0,4 м.

На дне могильной ямы были обнаружены только ноги погребенного, а также несколько фрагментов других костей. По расположению костей ног можно предположить, что умерший был уложен в позицию вытянуто, на спине, головой направлен на юго-восток. По всей площади раскопа отмечены 3 небольших фрагмента керамики. У ног погребенного зафиксирован бронзовый кельт (Приложение 5)

На памятнике Рёлка I о датировке можно говорить только по двум изделиям: бронзовый кельт (погребение №5) и фрагментированный роговой псалий (погребение №1).

По всей видимости, псалий был трехдырчатым. Отверстия имеют подпрямоугольную форму и находятся в одной плоскости. По форме он слегка изогнут. Похожий псалий был обнаружен на памятнике Олзонтэй VI могила 2 (Приольхонье).

Ранние псалии этого типа фиксируются в Евразии в предскифское время в начале I тыс. до н.э. (в частности, и в южной Сибири в конце карасукского времени) и бытуют, как полагают исследователи, до конца VI – начала V в. до н.э.

Бронзовый кельт из погребения №5, в горизонтальном сечении - прямоугольный, в вертикальном - клинообразный, орнаментирован треугольниками по краю. На Северном Байкале похожие клинообразные бронзовые кельты были найдены на памятнике Курла II в погребениях №1 и 3. Топоры, близкие по форме и орнаментации северобайкальским, известны в Верхнеметляевском кладе, который синхронизируется с плиточными могилами Забайкалья и датируется серединой I тыс. до н.э. Исходя из вышесказанного, можно датировать материал погребений также серединой или второй половиной I тыс. до н.э.

На памятнике Рёлка I из пяти погребений останков человека не было в трёх. В погребении №2 в могильной яме никаких находок обнаружено не было, однако в траншеях, выкопанных под боковыми стенками, зафиксированы зубы и кости

животного, а также фрагменты керамики. То есть, комплекс по своему виду напоминал захоронение, только погребенный в нем, отсутствовал.

Под кладками 3 и 4 находились жертвенно-ритуальные комплексы. Обе кладки плоские. Под перекрытием отмечены небольшие ямы, в своем заполнении имевшие черепа домашних животных. Подобные ямы были обнаружены на памятнике Олзонтэй VI, комплексы 1 и 2, оба погребения принадлежат к хоторукской группе плиточных могил (VII – IV-III вв. до н.э.). В этих случаях ямы располагались рядом с захоронением человека. В случае же с комплексами на памятнике Рёлка I, комплексы не являлись частью погребений. Так же, как и в комплексах Олзонтэй VI, черепа были уложены лицевой частью в восточном направлении.

Рядом с жертвенно-ритуальными комплексами №3 и 4 находились погребения (№1 и 5), по конструктивным особенностям отнесенные к хоторукской группе плиточных могил. По всей видимости, комплексы могут быть отнесены к периоду сооружения плиточных могил хоторукской группы, то есть к VII – IV-III вв. до н.э.

Итак, каким образом носители культуры плиточных могил оказались на севере Байкала?

Последняя треть II и начала I тыс. до н.э. в степной зоне Евразии, особенно в её азиатской части, отличались засушливостью. Поэтому по всей полосе степей наблюдаются необычайно широкие и мощные передвижения скотоводческих групп населения в самых разных направлениях. Широкое развитие скотоводческого хозяйства в регионе, а также рост населения вело к поискам новых пастбищ для всё возрастающего количества скота. С конца II тыс. до н.э. побережье озера Байкал становится частью Центральноазиатского хозяйственно-культурного региона – одного из основных центров скотоводческой цивилизации. Однако ограниченность на байкальском побережье остепнённых участков, пригодных для выпаса скота, способствовала формированию полуседлого животноводства, отличного по своей динамике от кочевого скотоводства монгольских степей. Заселение племенами культуры плиточных могил новых территорий не сопровождалось вытеснением местного населения. Взаимодействие между культурами привело к тому, что аборигенное население байкальского побережья наряду с охотой, собирательством и рыболовством стало заниматься скотоводством. То есть совершило переход от присваивающего хозяйства к производящему. Материалы из плиточных могил свидетельствуют о том, что «плиточники» разводили лошадей, мелкий рогатый скот. В условиях резко континентального климата, где зимы малоснежны, скот круглый год содержался на подножном корме. Эта особенность объяснялась тем, что лошади обладают свойством тебеневки, т.е. способностью добывать корм из-под снега, разгребая его копытами. Оставшейся после лошадей травы хватало овцам и козам.

Скотоводческие занятия населения культуры плиточных могил отразились на топографических условиях расположения могильников. Они находятся, как правило, у основания южных подветренных склонов невысоких гор и возвышенностей. Такие места очень удобны для выпаса скота и зимовок. Могилы предков как бы закрепляли за определенными коллективами скотоводов право на владение этими пастбищными угодьями.

Разнообразные изделия из бронзы, кости и рога, различных пород камня, глины указывают на развитие ремесел у «плиточников». В захоронениях местного населения, проживавших в I тыс. до н.э. на северо-западном побережье Байкала, встречаются предметы, характерные для «плиточников». Это бронзовые бляхи-пуговицы, ножи, топоры, шнуrowая керамика, пастовые бусины и т.д. Всё это свидетельствует о том, что между пришлым и местным населением происходил обмен продуктами хозяйства.

В отношении общественного строя населения культуры плиточных могил у её исследователей сложилось единое мнение о существовании развитого патриархального строя и начале разложения первобытных отношений. Выраженная скотоводческая

направленность хозяйства обусловила решающее значение мужского труда, а вместе с ним и утверждение патриархальных отношений.

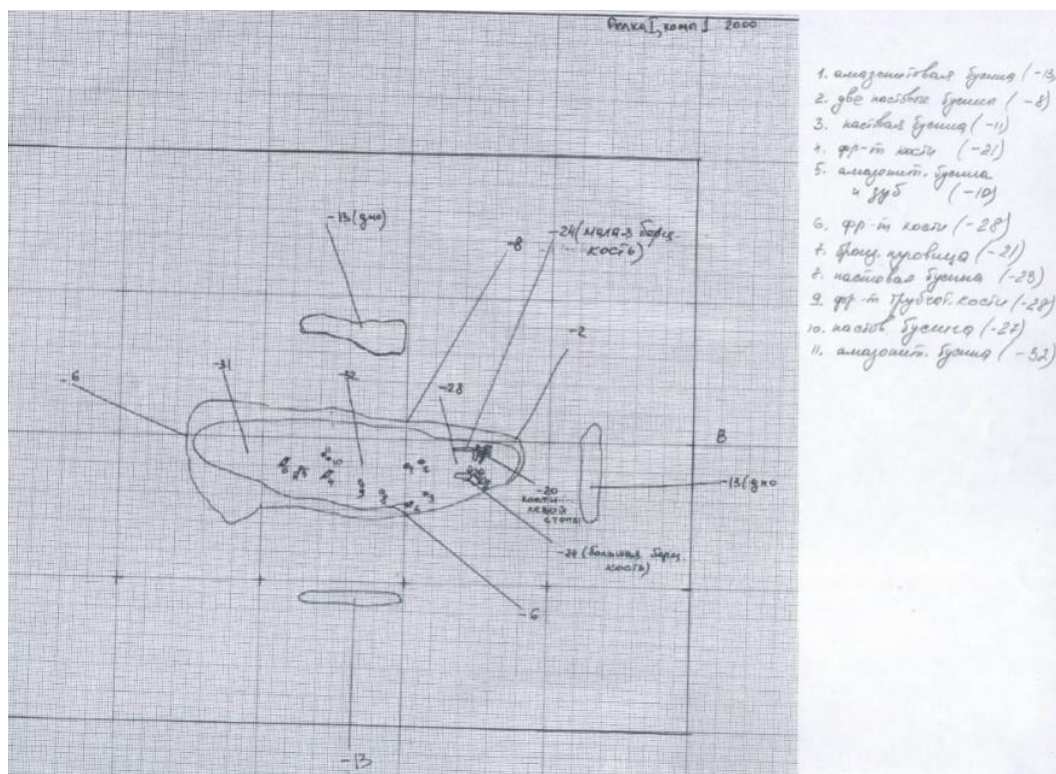
По заключениям антропологов, население культуры плиточных могил было ярко выраженными монголоидами. Известный антрополог М.М. Герасимов выполнил антропологическую реконструкцию плиточников по черепу из могильника Херексурин-Ури в Кяхтинском районе Бурятии. Лицо мужчины оказалось по своим внешним особенностям очень близким к современному виду бурят и монголов. Антропологический тип населения культуры плиточных могил своим происхождением связан с населением неолита – ранней бронзы Забайкалья и Восточной Монголии и принимал несомненное участие в формировании населения последующего хуннского и средневекового времени на этой территории.

Литература:

1. Харинский А.В. «О появлении скотоводства в Предбайкалье». Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск. 1995. Часть 2, стр. 95-98.
2. Харинский А.В. «Исследования памятников эпохи металла на озере Байкал». Археологические открытия 1996 года. 1997 г., стр.365-367.
3. Харинский А.В. «Северное побережье озера Байкал в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. (по материалам погребальных комплексов)». Материалы Международной конференции «Из века в век». Новосибирск. Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. 2003г., стр.291-295.
4. Горюнова О.И. «Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы)». Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. Улан-Удэ. 1993 г., стр. 76-80.
5. Туркин Г.В. «Плиточные могилы пади Олзонтэй». Журнал «Известия лаборатории древних технологий» №1 Иркутск. 2003 г. Издательство ИрГТУ. Стр. 74-110.

Приложение 1.

Рёлка I, комплекс 1, 2000 год.

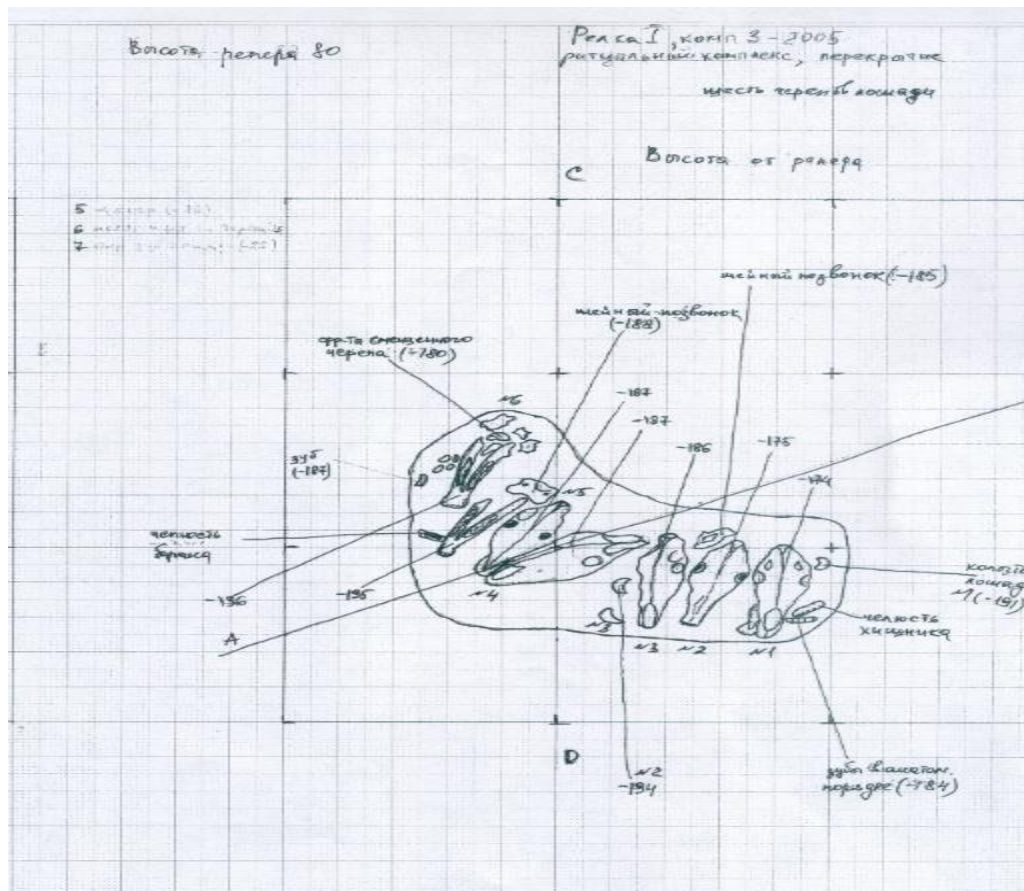

Приложение 2.

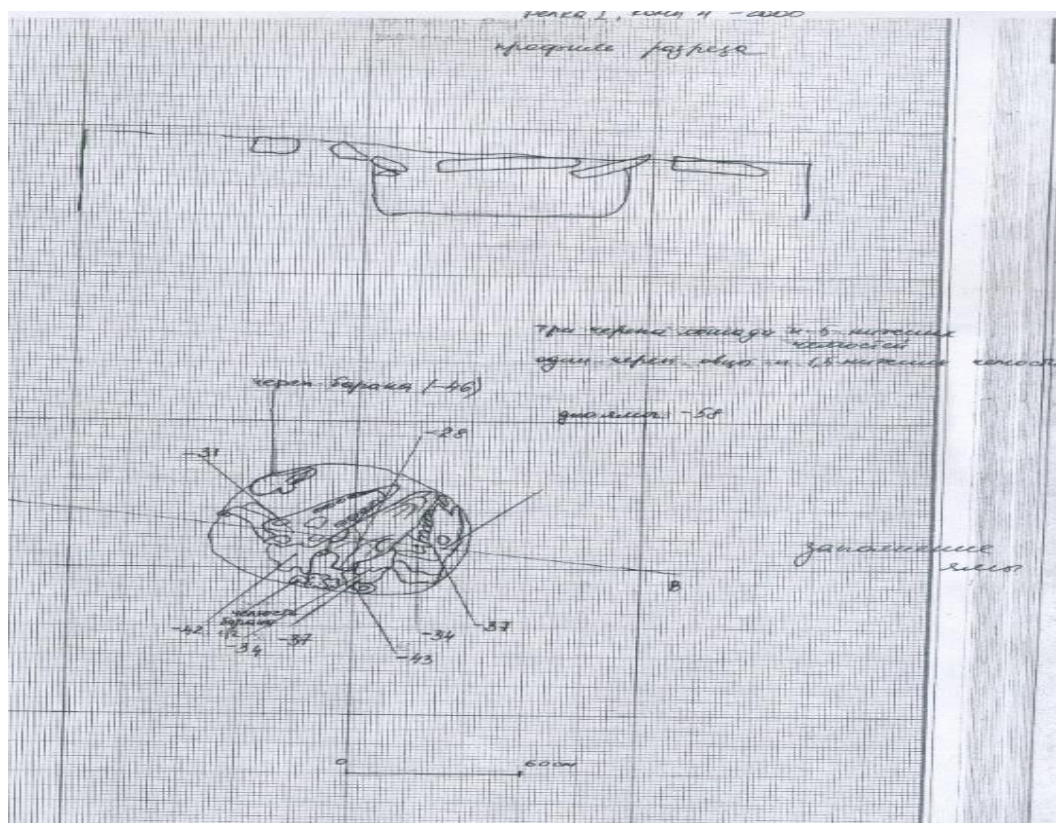
Рёлка I, комплекс 2. 2004 год.

Приложение 3.

Рёлка I, комплекс 3. 2005 год.

Приложение 4. Рёлка I, комплекс 4. 2000 год.

Приложение 5. Рёлка I, комплекс 5. 2004 год. Бронзовый кельт.

Погребения эпох бронзы и раннего железа на северо-западном побережье Байкала

Киреев Игорь Александрович, выпускник 2010 года МБОУ «Лицей №6».

Введение

Типы погребений, фиксируемые на Северном Байкале на протяжении 4-1 тыс. лет назад, являются отражением культурных процессов, протекавших на территории края. Исчезновение одних погребальных обрядов и появление других определяло наступление нового этапа в культурной жизни края. Поэтому **целью** моей работы стало отследить по материалам археологических раскопок, какие народы проживали на территории северо-западного побережья Байкала. Так как культурные изменения в конце II тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. фиксируются, преимущественно, с помощью археологических источников, то и культура, выделяемая на их основе, вправе называться археологической.

Среди археологических памятников лучше всего исследованы погребения. Их материалы бывает сложно коррелировать с артефактами других археологических объектов, так как по артефактам, найденным в погребениях, легче отследить, к какой культуре относились те или иные народы.

В истории Предбайкалья выделяется несколько культурно-хронологических этапов, соответствующих появлению или исчезновению каких-либо типов погребений. Поэтому я поставил перед собой следующие **задачи**:

1. Изучить материалы археологических изысканий последних десятилетий на территории нашего района.
2. По типам погребений определить, к каким археологическим культурам они относятся.
3. Выяснить, какие культурные изменения происходили на протяжении 4-1 тыс. лет назад в районе моего края.

Чтобы решить поставленные задачи, я использовал такие методы исследования:

1. Изучение научной литературы по данной теме.
2. Анализ материалов археологических экспедиций А.В. Харинского, профессора ИрГТУ, за последние годы.
3. Работа с личным архивом, накопленным по материалам участия в археологических экспедициях с 2004 по 2007 г.г.

Глава 1. Погребения эпохи бронзы на Северном Байкале.

На побережье Северного Байкала захоронения более раннего времени, чем рубеж II тыс. до н.э. – I тыс. до н.э., известны не были. В связи с этим особый интерес представляет могильник бронзового века Красный Яр I, который был изучен в 2002 году археологами ИрГТУ А.В. Харинским, Г.В. Туркиным. В течение ряда лет местные жители собирали в обнажении берега человеческие кости. В 1998 г. об этих находках было сообщено археологическому отряду ИрГТУ.

Могильник Красный Яр I расположен на северо-западном побережье озера Байкал. Он приурочен к отметкам 9 – 15 м над уровнем озера Байкал и находится на юго-восточном склоне мыса Красный Яр. В зоне размыва прибрежной полосы был собран антропологический материал – разрозненные кости скелета и череп, покрытый охрой, а также найдена костяная игла и отщепы с ретушью. На склоне мыса, недалеко от обрыва, было выявлено 4 искусственные каменные кладки, по всей видимости, являющихся надмогильными конструкциями. Им присвоили №№ 1 – 4. Одна из кладок (№3) частично разрушилась в результате склоновых процессов. Под ней в обнажении берега прослеживалась могильная яма. В 55 м к юго-западу от кладки №3 в обнажении берега отмечена еще одна могила - №5. В результате раскопок 2002 г. было вскрыто два погребения - №№ 3 и 5, а также кладка №1, под которой не было выявлено следов погребения. Материалы были опубликованы в статье А.М. Коростелева.

Погребение №3 находилось в северо-восточной части могильника. Надмогильная кладка овальной формы. Под кладкой отмечена могильная яма, ориентированная по линии ЮЗ-СВ.

В ее верхней части обнаружена пластинчатая конструкция из неизвестного вещества, фиксируемая полукругом вдоль краев могильной ямы. На дне неглубокой ямы (0,2 м) обнаружены остатки захоронения. Погребенный мужчина находился в могиле вытянуто, на спине, головой ориентирован в сторону северо-запада. Лицевой частью он повернут вправо, в области шеи зафиксировано 78 пастовых бусин. В области головы найдена кремневая пластина. К северо-западу от правой плечевой кости найдены парные концевые накладки лука из кости. Вероятно, лук располагался справа от костяка. К северо-западу от правой локтевой кости обнаружено два костяных наконечника стрел длиной по 6 см. Один из них массивный, с расщепленным насадом, а другой плоский черешковый. Наконечники направлены остриями на северо-восток. Судя по положению наконечников стрел, не исключено, что они лежали рядом с луком. В районе нижней части позвоночного столба найден наконечник стрелы длиной 5 см, возможно, он находился в теле погребенного. В районе правой берцовой кости обнаружены остатки орудия (деревянного), от которого сохранились только костяные накладки, крепившиеся по его краям. Две накладки находились к юго-востоку от берцовой кости. Они располагались горизонтально. К северо-западу от берцовой кости тоже найдены парные концевые накладки. С их внутренней стороны имеются пересекающиеся насечки. Судя по расположению накладок, длина изделия составляла около 15 см. Оно зафиксировано на правой ноге погребенного. (Коростелев, 2003)

Погребение №5 находилось в западной части могильника. Надмогильная кладка сильно сползла по склону горы. Под кладкой отмечена забутованная камнями могильная яма, глубиной не менее 0,7 – 0,8 м. Длинной осью она ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Погребенная, молодая женщина, ориентирована головой на северо-восток. Правая рука ее согнута в локте, левая вытянута вдоль тела. Погребенная была обернута берестяным полотном, которое сохранилось не везде.

По концам ямы и на самом костяке отмечены деревянные жерди. По всей видимости, они являлись частью внутримогильной конструкции. Под верхним слоем берестяного полотна, в районе головы, обнаружено скопление кремневых сколов (11 единиц), кремневый наконечник стрелы, сохранившиеся остатки сумки из меха и бересты. В районе бедер располагались резцы тарбагана (20 штук) и 3 подвески из клыка марала. На запястье правой руки погребенной находился браслет из двух перфорированных нефритовых пластин. Возле левой руки найдена медная игла, длиной 5 см и комок охры. На кисти левой руки обнаружен медный браслет и остатки кожаной одежды. [Приложение 1].

Изученные погребения являются первыми на Северном Байкале захоронениями эпохи бронзы. Оба погребения Красного Яра различаются в устройстве могильных конструкций, ориентации погребенных, составе сопроводительного инвентаря. Все эти различия указывают на то, что погребения, по всей видимости, относятся к разному времени, что и находит подтверждение в радиоуглеродных датах, полученных по костям погребенных из обоих захоронений. Погребение №3 - 2430±25 л.н. (СОАН-4875), погребение №5 - 3765±55 л.н. (СОАН 4876).

Глава 2. Погребения «плиточных могил» и бутухейские захоронения.

На стыке эпохи бронзы и железа на территории северного Байкала фиксируются бутухейские захоронения. Доктор исторических наук А.В. Харинский выделяет какие культурные компоненты на западном берегу Байкала соответствовали позднему бронзовому – раннему железному векам:

1. Существование двух основных типов погребений – плиточных могил и бутухейских захоронений. Первый из них он связывает с переселенцами из Забайкалья и включает их как привнесенный компонент. Второй тип погребений имел смешанный характер и

включал как “аборигенные” элементы (надмогильная кладка), так и привнесенные (ориентирование погребенного).

2. Наличие двух керамических традиций: новой – появившейся к западу от Байкала вместе с носителями культуры плиточных могил, и старой – уходящей корнями в ранний и развитый бронзовый век Приольхонья. Первая из них представлена керамикой сеногдинского типа – сосудами с оттисками шнура с внешней стороны, орнаментированными наклепными валиками, личиночными и ногтевыми вдавлениями. Вторая гладкостенной керамикой, украшенной горизонтальными рядами вдавлений прямоугольной отступающей лопаточки.
3. Оружие представлено изделиями из бронзы, кости и камня. В плиточных могилах обнаружены бронзовые черешковые трехлопастные наконечники стрел, бронзовый топор (кельт). В бутухейских захоронениях найдены бронзовые ножи с каплевидной петелькой на рукояти.
4. Украшения и предметы гардероба состоят из амазонитовых и пастовых бусин, полусферических бронзовых бляшек (пуговиц), крестовидных бляшек, бронзовых застежек с зооморфными фигурами.

Большинство из перечисленных категорий инвентаря, и особенно керамика сеногдинского типа, а также своеобразные погребальные конструкции – плиточные могилы, сближают Байкальскую культурно-историческую область с Южным Забайкальем.

На территории Предбайкалья к середине 90-х годов XX в. документально подтверждены раскопки 37 плиточных могил. В научный оборот введены в разной степени материалы 27 погребений, в том числе по 1 опубликованы чертежи, позволяющие судить об их линейных размерах и особенностях конструкции надмогильных сооружений.

Во второй половине 90-х годов исследования плиточных могил продолжались. Так, в Приольхонье - в окрестностях пади Олзонтэй - велись раскопки плиточных могил в период 1997 – 2000 гг. Материалы введены в научный оборот. (Туркин, 2003)

В 2000 году стало известно о проникновении плиточников на территорию северо-западного побережья Байкала, село Байкальское Республики Бурятия. Здесь пока известен только один могильник – Рёлка I, датируемый примерно серединой I тыс. до н.э. В 2004 г. могильник Рёлка I, комплекс 2, 5 был вскрыт. В нём были найдены следующие находки: бронзовый кельт, петелька от бляшки, пастовые бусины, фрагменты керамики. В 2005 году был вскрыт поминальник Рёлка I, комплекс 3, где были найдены 7 черепов и копыта лошадей, кости овец. [Приложение 2,3].

Следует заметить, что большинство исследованных плиточных могил начисто ограблено. Многие совершенно пусты, в других обнаруживаются лишь ничтожные остатки могильного инвентаря и нижняя часть костяка. По-видимому, грабителям было известно, как и с чем хоронил своих покойников народ, оставивший подобные памятники. Поэтому грабителями вскрывалась только та часть могилы, где находились наиболее ценные вещи. Затем, видимо, вытягивали покойника из ямы, обирали, потом сбрасывали обратно или оставляли его на поверхности, а могилу почти всегда засыпали. В ногах же обычно ничего интересного для грабителя не было, поэтому ноги сохранялись непо потревоженными. Следует заметить, что подобная картина наблюдается повсеместно, где были раскопаны плиточные могилы: в них сохраняются или отдельные разбросанные кости, или кости нижних конечностей от колена до стопы, сохранившиеся в анатомическом порядке, а черепа обычно нет.

Также одной из важных проблем в исследовании плиточных могил является публикация получаемых полевых материалов. Как уже говорилось выше, основная масса могил исследована на территории Забайкалья и Монголии. В 1998 г. вышла книга Цыбиктарова А.Д. «Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья», которая на сегодняшний день является единственным фундаментальным трудом в исследовании

культуры плиточных могил. Но фундаментальных работ на материале западного побережья Байкала пока нет.

На основании материалов археологических работ под руководством кандидата исторических наук Туркина Г.В., проведенных в 2004 – 2005 гг., при вскрытии двух погребений и одного поминальника были сделаны следующие выводы:

1. На территории Предбайкалья строитель плиточных могил проникает из Селенгинской долины, и впервые плиточные могилы появляются к западу и северо-западу от Байкала в начале I тыс. до н.э.
2. Влияние плиточников на аборигенные племена было очень значительным. Благодаря им предбайкальцы знакомятся со скотоводством и первыми изделиями из железа. Однако и местное население также накладывало определенное влияние на культуру иммигрантов.

Глава 3. Елгинские захоронения на мысе Лударь и горе Рёлка.

Начало нового этапа эпохи железа связано с появлением к западу от Байкала погребений елгинского типа (II в. до н.э.). Елгинские захоронения исследованы в Приольхонье, на северо-западном берегу Байкала и в Приангарье, поэтому я считаю их появление началом нового этапа в истории Предбайкалья. Он имел всеобщее значение для края и, в той или иной мере, повлиял на жизнь всех его обитателей. Елгинский погребальный обряд формируется в Южном Забайкалье в V-III вв. до н.э. Во II в. до н.э. под натиском хуннов протоелгинцы мигрируют в Предбайкалье, Баргузинскую котловину, район Еравинских озер, в долины Онона и Ингоды. С конца I тыс. восточнозabayкальская и предбайкальская группы протоелгинцев развиваются самостоятельно. Могильники Байкальское XVII и Байкальское XXXI, где были бутухейские и елгинские захоронения, в 1996-2006 гг. были изучены археологами ИрГТУ. С 2002 года в раскопках принимали учащиеся лица №6. Судя по радиоуглеродным датам, на протяжении двухсот лет обе погребальные традиции существовали на северо-западном побережье Байкала совместно. Их представители хоронили своих умерших на одних и тех же могильниках.

На территории Приольхонья погребения елгинского типа сооружались до V в. н.э., после чего им на смену приходят захоронения черенхынского типа. О времени существования елгинцев в других частях Предбайкалья можно судить лишь по косвенным данным. В Приангарье предварительное время бытования погребений елгинского типа определяется II в. до н.э. – VII в. н.э. И если нижний предел этого времени основывается на находках с о. Осинский, то верхний определяется временем появления в Ангарско-Ленской области керамики уту-елгинского типа и захоронений по обряду кремации (VIII в.). На северо-западном побережье Байкала период существования елгинских захоронений совпадает со временем бытования керамики сосновоостровского типа. Ее датировка основывается на данных, полученных с городища Байкальское I (Харинский, 1993). Нижняя граница существования сосновоостровского керамического комплекса определяется радиоуглеродными датами по угольной прослойке, отделяющей керамику с оттисками шнура от керамики сосновоостровского типа, - 2140±140 л.н. (ЛЕ-3390) и 2100±30 л.н. (САОН-3587), что соответствует II в. до н.э. Верхняя граница существования сосновоостровской керамики установлена с помощью радиоуглеродных дат - 1100±130 л.н. (ЛЕ-3391), 980±80 л.н. (ГИН-7061), 970±40 л.н. (ГИН-6827), полученных по бревнам вала, уголь от которых перекрывал культурный слой с керамикой. С учетом калибровки, даты соответствуют концу X-XI в.в. По слою с сосновоостровской керамики с городища-святилища Байкальское III получена радиоуглеродная дата 2030±50 л.н. (ГИН-7633). Таким образом, время существования сосновоостровской керамики на северо-западном побережье Байкала определяется II в. до н.э. – X в. н.э. На современном этапе исследований эти хронологические рамки можно соотнести и с периодом бытования елгинского погребального обряда в этой части Предбайкалья.

Вместе с захоронениями елгинского типа в Предбайкалье распространяются вещи, до этого не встречавшиеся к западу от Байкала. Среди них, прежде всего, выделяются изделия из бронзы, связываемые с хуннской культурной традицией: ложечковидные застёжки ремня, бляшки с зооморфными изображениями, четырехугольные и фигурные поясные пластины. Из погребального инвентаря практически исчезают изделия из камня. Наблюдаются изменения в вооружении. Появляются сложносоставные луки с концевыми боковыми накладками, имеющие вырез для крепления тетивы, железные трехлопастные наконечники стрел, костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом, железные ножи с кольцевым или петельчатым навершием. Среди бытовых вещей следует отметить железные сферические пуговицы, по форме напоминающие пуговицы из бронзы и детали прибора для добывания огня. Появляются украшения из железа: бабочковидные бляшки, браслеты, полые кольца. В елгинских погребениях обнаружены гладкостенные сосуды и сосуд с ромбическими оттисками. Среди орнаментов наиболее распространенными являются наклепные горизонтальные и вертикальные валики и круглые вдавления. Дно сосудов плоское или имеет поддон.

Новый этап в изучении древней истории северного побережья озера Байкал наступил в 1996 г. На местонахождении Байкальское XXVII в Северобайкальском районе Бурятии были обнаружены погребения железного века [Харинский, 1997]. Памятник локализован в 0,2 км к северу от села Байкальское, на южном пологом склоне горы, находящейся к северу от села. На местонахождении выявлено 12 искусственных каменных кладок. В 1996-2000 г.г. вскрыто 9 кладок.

В 1999 г. в 0,2 км к юго-востоку от Байкальского XXVII обнаружен новый могильник железного века – Байкальское XXXI. Он локализуется на пологом, южном склоне горы. К востоку от местонахождения находится листовничный перелесок. На памятнике отмечено 8 искусственных каменных кладок. В 1997 и 2002 г. г. все 8 кладок памятника были вскрыты. Под кладками №№ 2, 6, 7 выявлены овальные ямы без останков погребенных. Кладка №6 овальной формы, размером 1,3 x 2,0 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. На ее дне обнаружены железные бабочковидные бляшки; кожаный пояс, украшенный железными бляшками-пуговицами с петелькой; круглая золотая сережка; спиралевидная серебряная сережка. Кладка №7 овальной формы, размеры 1,6 x 2,8 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. У северо-восточной оконечности конструкции обнаружены фрагменты керамики с оттисками шнура. Размер ямы под кладкой №7 – 0,5 x 1,2 м, глубина 0,4 м. Она заполнена камнями. На дне ямы найдены: 6 костяных наконечников стрел с раздвоенным насадом; две крупные бронзовые бляхи с петельками, две золотые ромбические пластины и фрагменты железных изделий. Под кладками №№ 1, 3, 4, 5, 8 обнаружены останки погребенных, находившиеся в ямах овальной формы. В захоронениях №№ 1 и 3 погребенные располагались на левом боку, с подогнутыми ногами, головой ориентированы на юго-восток. Кладка №8 овальной формы, размером 1,6 x 3, м. В центре кладки находились более мелкие камни, чем по ее периметру. Под центральной частью кладки располагалась могильная яма овальной формы, размером 0,55 x 1,85 м, глубиной 0,3 м. В могиле обнаружены останки мужчины. В районе пояса погребенного найдены железные бабочковидные бляшки, у левой руки – бронзовый нож, а у головы – костяная пряжка. [Приложение 4, 5, 6].

Особенности погребального обряда дают возможность разделить раскопанные на могильниках Байкальское XXVII и Байкальское XXXI захоронения на две группы, различающиеся, прежде всего, положением погребенного. Сопроводительный инвентарь позволяет датировать захоронения Байкальского XXVII – 2 и Байкальского XXXI – 1, 3, в которых погребенный располагался на боку, с поджатыми ногами, головой на восток – юго-восток, концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. Подтверждает этот возраст и радиоуглеродная дата, полученная по костям

погребенного из могилы Байкальское XXXI – 1, - 2130±50 л.н. (СОАН-4100). (Харинский, 2003)

Судя по археологическому материалу, раскопанные в районе с. Байкальское погребения с труположением вытянуто, на спине можно датировать в пределах V в. до н.э. – I в. н.э. Верхнюю границу захоронений этой группы определяют радиоуглеродные даты 1980±65 л.н. (СОАН 4323) и 2025±75 л.н. (САОН-4878), полученные собственно по погребениям Байкальское XXXI – 4 и Байкальское XXXI – 8, в которых обнаружены железные вещи. Нижняя граница погребений устанавливается радиоуглеродной датой по Байкальскому XXXI – 5 - 2370±45 л.н. (СОАН-4877). (Харинский, 2003)

Таким образом, на протяжении второй половины I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. на северном побережье Байкала сосуществовали две погребальные традиции – вытянуто, на спине, головой на юго-восток – восток и другая на боку, с поджатыми ногами, головой на восток – юго-восток. Особенности погребального ритуала сближают захоронения первого типа с бутухейскими погребениями Приольхонья, а второго – с елгинскими. (Горюнова, 1993)

Заключение

Новые археологические материалы, полученные в результате раскопок на северном побережье, позволяют говорить о том, что в середине I тыс. до н.э. на побережье озера Байкал складывается единая историко-культурная область, у населения которой в результате тесного взаимодействия на протяжении значительного исторического периода сложились схожие культурные традиции. Проявлением культурного единства байкальского населения становится бутухейский погребальный обряд, распространившийся по всему байкальскому побережью. Во II в. до н.э. на побережье Байкала появляются носители елгинской погребальной традиции. На протяжении двух или трех веков они соседствовали на северном побережье Байкала с бутухейцами. При этом бутухейский погребальный ритуал не претерпел изменений, в захоронениях лишь стали появляться изделия из железа. В первые века новой эры бутухейские погребения исчезают, и в Северном Прибайкалье продолжают сооружаться лишь елгинские захоронения.

Таким образом, бутухейские погребения, существовавшие на протяжении двух тысячелетий, вытесняются носителями пришлой погребальной традиции, население которой занималось скотоводством, охотой и рыболовством. К настоящему времени я могу выделить следующие этапы истории народов, населяющих северо-западное побережье Байкала:

- Глазковский этап – II тыс. до н.э. – I тыс. до н.э. – погребение ориентировано по линии СЗ-ЮВ.
- Бутухейский этап – VIII в. до н.э. – III в. до н.э. - с преобладанием погребального обряда, характеризующегося труположением вытянуто на спине, головой на восток – северо-восток. Наряду с бутухейскими погребениями в этот период возводились плиточные могилы. Погребенные укладывались в позицию вытянуто, на спине, головой на юго-восток.
- Елгинский этап – III в. до н.э. – I тыс. н.э. - распространение захоронений, в которых погребенные располагались на боку с поджатыми ногами, головой на юго-восток – восток. На протяжении двухсот лет бутухейские и елгинские погребальные традиции существовали на северо-западном побережье Байкала совместно.

Список использованной литературы:

1. Коростелев А.М. «Погребения эпохи бронзы на побережье Северного Байкала», «Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем». Материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. Томск. Издательство Томского Университета, 2003г. стр. 174-175.

2. Харинский А.В. «Об орнаментике керамического комплекса городища Байкальское I». «Археологические памятники средневековья в Бурятии и Монголии». Новосибирск, 1993г. стр.116-135.
3. Харинский А.В. «О появлении скотоводства в Предбайкалье». Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1995. Часть 2, стр. 95-98.
4. Харинский А.В. «Исследования памятников эпохи металла на озере Байкал». Археологические открытия 1996 - 1997 г.г., стр.365-367.
5. Харинский А.В. «Северное побережье озера Байкал в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. (по материалам погребенных комплексов)». Материалы Международной конференции «Из века в век». Новосибирск. Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. 2003г. стр.291-295.
6. Горюнова О.И. «Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы)». Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. Улан-удэ. 1993 г., стр. 76-80.
7. Туркин Г.В. «Плиточные могилы пади Олзонтэй». Журнал «Известия лаборатории древних технологий» №1 Иркутск. 2003 г. Издательство ИрГТУ. стр. 74-110.

Приложение 1.

Красный Яр I. Комплекс 5.

2002 год.

Приложение 2. Рёлка I. Комплекс 2. 2004 год.

Приложение 3. Рёлка I, комплекс 3. 2005 год.

Приложение 4. Погребально-поминальный комплекс Байкальское XXXI.

Приложение 5. Байкальское XXXI, комплекс 7. 2002 год.

Приложение 6. Байкальское XXXI, комплекс 8. Погребение.

Байкальские писаницы.

Каримова Диана Венеровна, выпускница 2003 года, МБОУ «Лицей №6».

(Опубликовано в газете «Северный Байкал» - 10 июня 2010 года №№ 61-62).

Наскальные рисунки являются неотъемлемой частью святилищ – мест, где в древности совершались моления небожителям и духам местности.

Наскальные рисунки в нашем крае существуют двух видов. Петроглифы – изображения, нанесенные техникой процарапывания, и писаницы – выполненные красной краской, охрой. По мнению ученых, изображения, окрашенные охрой, передают информацию о крови в широком понимании этого термина, включающего в себя кровное родство с хозяйкой Вселенной, с животным миром, а также наиболее тривиальное – неизбежную кровь при рождении и смерти.

Памятники древнего наскального искусства впервые были изучены Тиваненко А.В., он дал краткие сведения о найденных памятниках древнего изобразительного искусства

Северного Байкала. Тиваненко А.В. описывает петроглифы Лысой горы, острова Богучанский, мысов Писаный Камень, Лударь и северного конца Лударской бухты.

Описывая изображения на мысе Писаный Камень, Тиваненко приводит легенду местных жителей о некоей экспедиции, которая, пытаясь «соскоблить» изображение божества, вскоре была настигнута штормом и потоплена в водах Байкала.

В ходе краеведческих экспедиций 2002 и 2005 г.г. мною были обнаружены писаницы на мысе Красный Яр и сюжетная картина на мысе Хаман-Кит.

Обычно рисунки располагаются на изолированных гранитных скалах и скальных выходах, находящихся на южной стороне возвышенности, иногда в нишах естественного происхождения, в гротах и навесах. Так писаницы, расположенные на мысе Красный Яр находятся в нишах естественного происхождения, окрашены охрой. Первый рисунок представляет собой антропоморфную фигуру с рогатой головой, которая держит в руке палку или ветвь дерева (Приложение 1). Стоит на двенадцати вертикальных полосах (вероятнее всего, солнечные символы). Высота рисунка - 29 см. Фигура человека - 25 см. Длина «солнечных символов» - 27 см, высота - 3 см, расстояние между символами и ширина - 1 см. Семантика данного изображения такова: антропоморфная фигура с рогами – это шаман, т.к. во многих древних культурах мира рога считались символом божественности, и только шаман мог общаться духами местности и божествами. Таким образом, значение данной писаницы может быть двоякое. Первое – это оберег, призванный оградить членов рода от злых сил. Второе – обращение «шамана» к духам местности и божествам об удачной охоте, рыбной ловле и т.д.

Второй рисунок на мысе Красный Яр представлен изображением трех вертикально расположенных и попарно соединенных ромба. Большой (средний) ромб имеет стороны 6 см, а верхние и нижние ромбы – 3 см. Общая высота рисунка – 21 см. Этот знак может иметь магическое значение, как призванный охранять членов рода (Приложение 2).

Наскальная живопись на мысе Хаман-Кит представлена серией изображений (Приложение 3). К сожалению, без специальной страховки более детально зафиксировать рисунки не удалось. В верхней части скального выступа, расположены три длинные вертикальные полосы. В нижней части – большое количество вертикальных, горизонтальных, расположенных под углом полос, а также имеются прямоугольник, разделенный поперечно, большой незавершенный круг, ромб. С правой стороны скального выступа – антропоморфная фигура. По яркости рисунков можно предположить, что наносились изображения в течение разного времени. Подновлять имеющиеся изображения и наносить новые могли только посвященные люди. По типологии, данные рисунки могут быть отнесены к «селенгинским» либо «таежным писаницам», которые, по мнению А.П. Окладникова, имели магическое значение и являлись составной частью культа плодородия животных и людей. Он относит данные писаницы к эпохе бронзы и раннего железа (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. до н.э.).

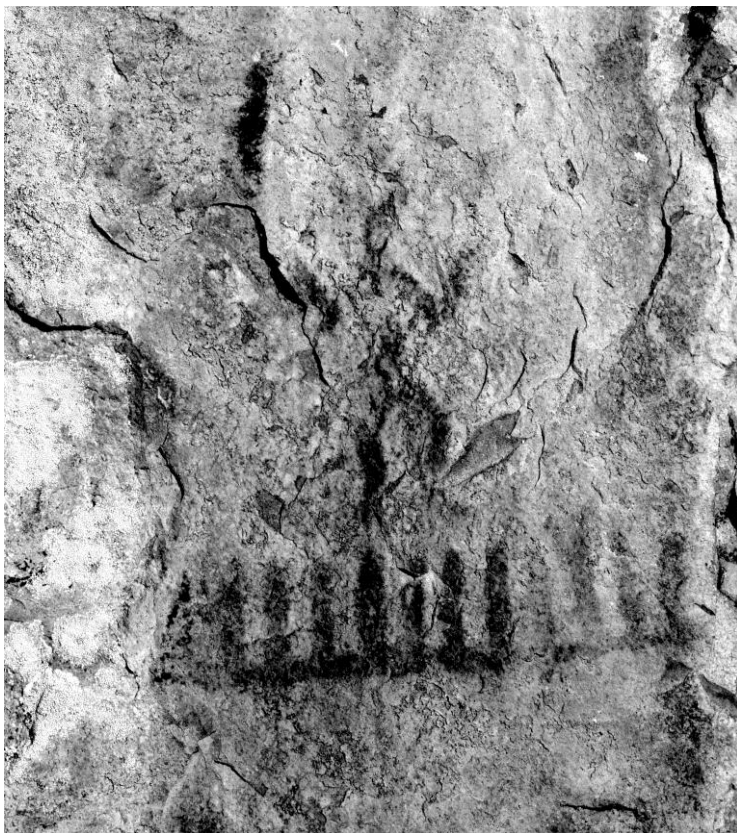
К настоящему времени общее число петроглифов в нашем крае превысило тридцать, что позволяет считать Северный Байкал уникальным местом в Бурятии по количеству памятников древнего наскального искусства.

Список использованной литературы:

1. Тиваненко А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии. 1990 г.
2. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья (часть I). 1970г.
3. Цыбиктаров В. А. «Историографические аспекты изучения петроглифов селенгинского типа в отечественной археологической литературе (конец 1940-х – 1970-е г.г.)». Известия лаборатории древних технологий. ИрГТУ. 2004 г. - № 2.

4. Мельникова Л. В., Николаев В. С. «Периодизация петроглифов Забайкалья». Известия лаборатории древних технологий. ИрГТУ. 2006 г. №4.

Приложение 1.

Мыс Красный Яр.

Приложение 2.

Мыс Красный Яр.

Приложение 3. Мыс Хаман - Кит.

Наскальные рисунки северо-западного побережья Байкала.

Ледянкина Ирина Александровна, выпускница 2011 года МБОУ «Лицей № 6».

Введение

Наскальные изображения - один из древнейших видов искусства. Они помогают понять духовный мир, реконструировать экономическую и социальную жизнь древних обществ, этнокультурные процессы. Именно через петроглифы можно подойти к познанию мировоззрения древних охотников, рыболовов, скотоводов и лесных собирателей, получить ответы на те вопросы, которые невозможно решить при изучении таких археологических объектов, как могильники и поселения. Как справедливо подчёркивал А. П. Окладников, сюжеты наскальных изображений – это своеобразное «окно в исчезнувший мир» (Окладников А. П., 1966г.) Открытые в начале XVIII в. они всегда привлекали внимание людей, однако недостаточно изучались специалистами. Данная работа может послужить продолжением научных исследований. Поэтому мной была поставлена **цель**: исследовать рисунки с южной стороны мыса Лударь, т. к. на современном этапе на территории нашего края специалисты не занимались изучением наскальных изображений, за исключением А.В. Тиваненко, исследовавшего писаницы с северной стороны Лударской губы в 1978г.

Задачи исследования. Определить местонахождения наскальных рисунков, уточнить их периодизацию, провести семантическое исследование найденных изображений.

Объектом исследования являются наскальные рисунки мыса Лударь северо-западного побережья Байкала

Методы исследования. Изучение научной литературы по данной теме, анализ источниковедческой базы, нахождение и фотографическая фиксация новых памятников наскального искусства, раскрытие их семантики.

Глава I. Историографические аспекты изучения наскальных рисунков Бурятии.

Петроглифы Бурятии привлекли внимание исследователей еще в дореволюционной России. Начало их изучения связано с деятельностью Великих академических экспедиций XVIII в. Впервые на писаницы указал академик Г.Ф. Миллер в 1735 г. Позже они привлекли внимание известного натуралиста Э. Лаксмана и инженера П.К. Фролова. Исследования продолжились уже в XIX в. В 1848 г. финский этнограф и лингвист М.А. Кастрен открыл писаницу Хотогой-Хабсагай. В конце 50-х гг. на ней побывал смотритель училищ Верхнеудинского округа Д.П. Давыдов. В середине XIX в. петроглифы по Селенге изучал декабрист Н.А. Бестужев. В 1865 г. в Восточных Саянах наскальные рисунки выявил П.А. Кропоткин. В 1895 г. А.П. Мостиц, член Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества, обнаружил писаницу Усть-Темник. В конце XIX в. краевед Н.В. Кириллов выявил памятники в Хайцагаре и в Малом Гутае. В это же время геолог В.А. Обручев обнаружил писаницу у д. Ганзурино.

За почти двухсотлетний период было зафиксировано 12 упоминаний о петроглифах, но лишь у 7 местонахождений известны названия, хотя на самом деле было открыто, видимо, больше памятников. Вместе с тем не все исследователи привели сведения о точном их количестве (например, Г.Ф. Миллер).

С середины 1920-х гг. наблюдаются резкие изменения в изучении забайкальских памятников наскального искусства. Это было связано с принципиальными новациями в развитии исторической науки, происходившими в послереволюционной России. За сравнительно небольшой период с середины 1920-х до середины 1930-х гг. в Забайкалье была выявлено 11 памятников, т.е. почти столько же, сколько за весь дореволюционный период. Однако в это время петроглифы еще не превратились в объект целенаправленного исследования. Никто из исследователей специально ими не занимался.

После окончания Великой Отечественной войны 1941-45 гг. в Забайкалье начала работать вторая Бурят-Монгольская археологическая экспедиция АН СССР (БМАЭ АН СССР) под руководством А.П. Окладникова. Уже в сезоне 1947 г. в долинах Селенги, Джиды и Чикоя было выявлено 19 писаниц. При этом писаницы стали изучаться на совершенно ином качественном уровне, характеризующемся максимально полной и детальной фиксацией - памятники картографировались, подробно описывались условия их местонахождения, осуществлялась графическая и фотографическая фиксация изображений и их композиций, которые сопровождалась детальным описанием.

В 1977 г. А.В. Тиваненко обнаружил 25 писаниц. В 1978 г. он открыл 9 памятников в долинах Уды, Баргузина и еще 11 выявил совместно с А.Д. Цыбиктаровым на Северном Байкале.

Обзор истории полевых исследований петроглифов на территории Забайкалья с 30-х гг. XVIII в. до сегодняшних дней показал, что за этот период времени было обнаружено 162 памятника. На основе собранных материалов были составлены таблица и график, демонстрирующие динамику формирования источниковой базы по петроглифам.

В процессе создания источниковой базы писаниц Забайкалья приняли участие 30 исследователей. Статистическая таблица и диаграмма показали, что наибольший вклад в ее формирование внес А.П. Окладников, открывший сам и с другими исследователями 51 памятник (31,6 %). А.В. Тиваненко обнаружил 45 писаниц (27,8 %) и А.И. Мазин - 26 памятников (16,1 %).

Глава II. Проблема поисков и фиксации памятников древнего наскального искусства.

В результате многолетних работ удалось установить, что на 90% скалы с древними изображениями совпадают по своему расположению с родовыми и племенными культовыми святилищами бурят и эвенков. Почти повсеместно наблюдаются факты

сооружения шамано – ламаистского обоо или на вершинах утёсов, или у их подножий, на которых в большинстве случаев уже известны или обнаруживаются древние наскальные рисунки. В ряде случаев обоо и петроглифы составляют единое культовое место, поскольку местное население не только знает о подобных рисунках, но и связывает с ними целый комплекс религиозно – мифологических представлений и систему обрядовых действий.

В плане поисков петроглифов, по каким-то причинам не совпадающих с культовыми местами этнографической современности, важные результаты дал осмотр территории Бурятии с самолётов и вертолётов. На открытых лесостепных пространствах долины р. Селенги и её притоков отчётливо были видны не только крупные, но и мелкие скальные обрывы, утёсы, останцы, группы камней. Этот метод позволяет внести некий порядок и дать чёткое представление о системе скал Бурятии. Имея координаты скал на картах и зафиксированные с воздуха подходы к ним, можно конкретизировать поисковые маршруты и благополучно выходить к намеченному объекту. Благодаря такому методу исследования обнаружен целый ряд петроглифов Бурятии, главным образом находящихся на водоразделах и на вершинах горных ущелий, т.е. уже за пределами открытых степных пространств Забайкалья.

Второй этап работы по поиску новых петроглифов – выявление уже непосредственно на скалах древних изображений, которые наносились либо краской (охрой), либо рельефом (выбиванием, процарапыванием, протиркой). У археологов – петроглифоведов до сих пор нет единого приёма выявления таких изображений. В настоящее время в России наметилось несколько школ, которые хотя порою копируют друг друга в методике фиксации, но в то же время отличаются самой спецификой изучения петроглифов. Так, карельские исследователи применяют метод раскопок изображений, поскольку рисунки выбиты на валунах и перекрыты песками. В. И. Равдоникас и А. М. Линецкий предпочитали исследовать обширные участки путём очистки лишайников специальным раствором кислоты. А. Я. Брюсов наблюдал за поверхностью валунов в разные часы солнцестояния, иногда увлажняя скалы водой.

В среднеазиатской части России – другая школа петроглифоведов. И. М. Джафарадзе и Г. Ф. Шацкий использовали метод прорисовки изображений. Первый выделял сплошной заливкой мелом из общего сюжета только одновременные рисунки; второй использовал для этой цели, разведённой в воде зубной порошок. Для поисков новых рисунков эти исследователи также прибегали к боковому освещению.

Третья школа – сибирская (А. П. Окладников, В.Д. Запорожская, А. И. Мартынов, А. И. Мазин, Н.Н. Диков, Е. А. Окладникова, Э. А. Скорынина и др.). Сибирские петроглифоведы, используя опыт среднеазиатских коллег, широко практикуют обводку мелом или карандашом.

Для выбитых, резных и процарапанных рисунков помимо осмотра скалы через линзу под разными углами солнцестояния весьма эффективным является заливка фона мелом или зубным порошком, при которой резко выделяются даже ранее не видимые точки. Для красочных рисунков хороший результат даёт сплошное увлажнение поверхности скалы. Краска, впитывая в себя воду, становится ярче, это позволяет выявить ранее не видимые рисунки или их детали. Метод обводки изображений мелом или карандашом хотя и не обязателен, но вполне приемлем для одиночных красочных рисунков. В последнем случае небесполезным является неоднократное калькирование изображений, приводящее к высокой точности воспроизведений наскальных композиций.

Калькирование древних рисунков это завершающий и самый ответственный этап исследования петроглифов, поскольку от точности снятия копий с рисунков зависит правильное их прочтение, т.е. дешифровка. Российские петроглифоведы уже накопили достаточный опыт в этом отношении, однако, не каждый из предложенных ими методов можно назвать удачными.

Г. В. Шацкий и С. А. Семёнов предложили стереоскопическую фотографию, которая весьма хорошо передаёт рельеф и контур изображения. Шацкий отмечает, что при натуральных съёмках петроглифов на цветную плёнку результаты получаются лучше, чем на черно – белой.

В своей работе я пользовалась методом увлажнения водой, затем фотографировала изображения.

Итак, разработанные и применённые специалистами на практике три последовательных этапа изучения петроглифов (обнаружение объекта, выявление наскальных композиций и калькирование древних рисунков) позволили за короткий срок найти значительное число новых памятников древнего наскального искусства Бурятии.

Глава III. Типология, периодизация и семантика наскальных рисунков.

По специфике изображений, техническим приёмам нанесения рисунков, датировке петроглифы подразделяются на «селенгинские», «кяхтинские», «таёжные» или «лесные», «средневековые».

Селенгинские писаницы. Термином «селенгинские» петроглифы, данным А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской относительно памятников древнего наскального искусства Бурятии эпохи бронзы – раннего железа, вполне определённо подчёркивалось, что «писаницы этой группы строго и чётко локализованы в пространстве, в основном – бассейном р. Селенги» (Окладников А. П., Запорожская В. Д./ 1970г.).

В. А. Цыбиктаров, изучая исторически аспекты петроглифов «селенгинского» типа составил таблицу (Цыбиктаров В. А. / 2004 г.)

	Окладников А. П.	Диков Н. Н.	Волков В. В.
Годы проведения исследований	1940 – конец 1960-ых гг.	1950-ые гг.	1960-ые гг.
Ареал распространения	Забайкалье и Северная Монголия	Забайкалье и Северная Монголия	Забайкалье и Северная Монголия
Техника нанесения	Красковая	Красковая	Красковая
Материал исполнения	Охра различных оттенков	Охра	Охра
Стиль	Схематический	Схематический	Схематический
Основные сюжеты	Оградки, точки, человечки, животные, кресты, пятна, полосы, условные знаки, круги, овалы.	Оградки, точки, человеческие фигурки, птицы в полёте с распластанными крыльями, лошадки, крестообразные знаки.	Оградки, пятна, схематические фигурки человечков, лошади, животные, птицы с распластанными кривыми крыльями.
Датировка	Вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина I тыс. до н. э.	Средняя ? – поздняя бронза, не ранее первой половины I тыс. до н. э.	Скифское время, не ранее первой половины I тыс. до н. э.

Культурная принадлежность	Культура плиточных могил	Культура плиточных могил	Культура плиточных могил
Семантика	Оградки связаны с представлениями о загробной жизни; с воззрениями на устройство Вселенной; могли символизировать общину - род или племя. Пятна означают людей и их души, или скот. Антропоморфные фигуры символизируют обитателей родовой территории. Кресты имели связь с представлением о небе, солнце и выполняли функцию знаков – оберегов, средств защиты от злых сил.		Прямоугольники и овалы с заполнением из точек представляют собой магические оградки с условными изображениями людей и животных. Общий смысл этих петроглифов – защита родовой общины от злых сил, отражение культа плодородия скота.

Таёжные писаницы. Проблема «таёжных» (точнее, «лесных» или «охотничьих») писаниц Забайкалья впервые рассматривалась А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской. Классифицируя «селенгинские» петроглифы, они обратили внимание, что имеются сюжеты, явно отображающие идеологию таёжных охотников. Говоря конкретнее, вместо традиционного сочетания (оградка + птицы + человечки + пятна) появляется принципиально другая композиция: олень (лось) + пятна; олень + человек + пятна. Отсюда и главная идея, которой руководствовались древние художники: стремление «околдовать» зверя, сделать его добычей охотников. Хронологически «лесные» писаницы сосуществуют с «селенгинскими», поскольку в композициях первых имеются многие типичные элементы наскальных изображений вторых: птицы, человечки, солнечные символы, кресты и др.

В 1978 г. на северном побережье оз. Байкал удалось обнаружить новую группу типично «таёжных» петроглифов эпохи бронзы – раннего железа: орлы, человечки, ограды – загоны, пятна – точки и т. п. (Тиваненко А. В., Цыбиктаров А. Д. / 1979г.). С учётом северобайкальских материалов теперь насчитывается более 17 петроглифов, выполненных охрой, располагающихся непосредственно на побережье Байкала, т. е. уже в несколько раз больше тех, что выбиты и процарапаны.

Средневековые писаницы. Среди многочисленных памятников древнего наскального искусства Западного Забайкалья петроглифы эпохи средневековья занимают, как ранее считалось, сравнительно узкий район – близ Усть-Кяхты (долина р. Селенги) и в местности Сарбадуй (долина р. Джиды).

Несмотря на то, что Л. В. Мельникова и В. С. Николаев, подвергают критике хронологическую схему А. П. Окладникова на сегодняшний день она остаётся универсальной. (Мельникова Л. В., Николаев В. С. / 2006г.).

Хронологическая схема А. П. Окладникова выглядит так:

Эпоха палеолита – рисунки выполнены контурной линией «бледно-красной, с нежным лиловым оттенком в некоторых местах» краской. Основанием для определения возраста явилось представление, что лошади и быки были обычной составной частью плейстоценовых травоядных. (Окладников А. П. / 1959г.)

Эпоха неолита – изображения выполнены либо красочной контурной линией, либо в

технике сплошного протира. Значительное место среди них занимают фигуры лосей и благородных оленей – маралов. Концом неолита учёный датировал несколько антропоморфных изображений с так называемыми «шаманскими коронами из перьев» на голове. Рисунки выполнены в технике глубокого протира.

Эпоха палеометалла – Самыми знаменитыми изображениями являются: композиция «солярных» лодок, «солнечная лань» (Окладников А. П. / 1959 г.)

Эпоха раннего средневековья – Характерной особенностью этой группы является абсолютное преобладание изображений всадников, а также отдельных фигур лошадей с узким длинным туловищем и маленькой головой (Окладников А. П. / 1959 г.)

Поздний пласт (X – XVIII вв.) – Изображения, напоминающие раннесредневековые рисунки. Они как бы являются их упрощёнными копиями. Представлены антропоморфными и тероморфными фигурами, ловчими сетями, изображениями жилищ. Это группа изображений условно датируется им II тыс. нашей эры. (Окладников А. П. / 1959 г.)

Глава IV. Новые памятники древнего изобразительного искусства на северном побережье Байкала.

Впервые А. В. Тиваненко дал краткие сведения о найденных памятниках древнего изобразительного искусства Северного Байкала (А. В. Тиваненко / 1990 г.). Он описывает петроглифы Лысой горы, о. Богучанского, м. Писанный камень, м. Лударь и северного конца Лударской бухты. Подробное описание дает петроглифам, расположенных на расстоянии 300 метров. Рисунки выполнены красной охрой. Среди них хорошо выделяются пятна, вертикальные полосы, крестообразные знаки, птицы, человеческие фигурки.

Мной был исследован м. Лударь с южной стороны (с. Байкальское – 300 м.). Это серия скал от первого выступа до Байкальского I, на расстоянии 200 м. Все рисунки выполнены красной охрой.

Пункт 1. Первый рисунок находится на стенах ниши, первой от бухты скалы, хорошо заметна без увлажнения водой, но трудно читаема. Он представляет собой две вертикальные полосы и две горизонтальные полосы в центре овал и видна дуга, другие части рисунка местами отколоты. (Приложение 1)

Пункт 2. Изображены две вертикальные полосы, которые символизируют защиту родовых общин от злых сил. (Приложение 2).

Пункт 3. Изображён крест. Кресты, по мнению ученых, имели связь с представлением о небе, солнце и выполняли функцию знаков-оберегов, средств защиты от злых сил. (Приложение 3).

Пункт 4. Изображены два рисунка. Первый представляет собой дугу с тремя разделяющими полосами вверх (Приложение 4). Второй представляет собой дугу с пятью вертикальными полосами вниз (Приложение 5).

Пункт 5. Находится северо-восточнее пункта 4. Антропоморфное изображение человека с «рогатой» головой (Приложение 6).

Пункт 6. Находится в нише в двух метрах выше берега Байкала. Изображение птицы в профиль. (Приложение 7).

Пункт 7. На скальном выступе изображены две ярко выраженные вертикальные полосы. (Приложение 8)

Пункт 8. Изображены четыре короткие вертикальные полосы (Приложение 9).

Пункт 9. Находится на вершине южного конца мыса Лударь, вплотную приступающего к с. Байкальскому, на отвесной скале верхней половины утёсов небольшой нише обнаружены два рисунка: один нарисован охрой и представляет собой вогнутую (вниз) горизонтальную дугообразную полосу, в нижних концах которой имеются равносторонние выступы – «отростки» (Приложение 10); второй – процарапанный, изображает солнечный символ. Предположительно на этом символе была изображена

солнечная девушка, но на данный момент эта область покрыта лишайником и невозможно рассмотреть изображение. (Приложение 11).

Заключение

К настоящему времени общее число петроглифов в нашем крае превысило тридцать, что позволяет считать Северный Байкал уникальным местом в Бурятии по количеству памятников древнего наскального искусства.

В ходе проведённых исследований стало очевидным, что забайкальские петроглифы разделяются на «селенгинские», «кяхтинские», «таёжные» и «средневековые» группы, а авторами их соответственно являлись степняки – скотоводы и таёжные охотники и рыболовы. Думается, что в процессе последующих работ учёные получают немало аргументов, которые помогут связать эти группы памятников с отдалёнными предками тунгусов (обитавших в таёжных лесах к северо-востоку от Байкала) и бурят (живших в районах Предбайкалья).

Что касается найденных мной петроглифов, в результате проведённого анализа выяснилось, что они принадлежат к «селенгинской» группе петроглифов, так как выявлены характерные для данной группы изображения: вертикальные полосы, крестообразные знаки, антропоморфные фигуры человека, овалы, круги, оградки. Хочется заметить, что А. П. Окладников, Н. Н. Диков, В. В. Волков отнесли культурную принадлежность «селенгинских» петроглифов к культуре плиточных могил и датируют эпохой бронзового века. Именно в это время на территории нашего края в районе села Байкальское появляется древнее население, относящееся к культуре плиточных могил. В ходе раскопок 2000, 2004, 2005 г.г. (Релка I), проведенных кандидатом исторических наук Туркиным Г.В., было доказано, что «плиточники» появились на территории Северного Байкала в I тыс. до н. э.

Итак, петроглифы – это важнейший источник по этнической истории народов Восточной Сибири, Забайкалья и Прибайкалья, пока мало привлекаемый археологами, этнографами, религиоведами, историками, фольклористами, лингвистами и другими специалистами.

По моему убеждению, продолжение исследовательских работ и публикация памятников древнего наскального искусства Бурятии и моего края позволят не только ввести в научный оборот, но и включить в качестве уникальных исторических объектов в сокровищницу мировой культуры человечества.

Список использованной литературы

1. Окладников А. П. Петроглифы Ангары. 1966г.-321с.
2. Тиваненко А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии. 1990 г.- 13-16с.
3. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья (часть I). 1970г.
4. Цыбиктаров В. А. Историографические аспекты изучения петроглифов селенгинского типа в отечественной археологической литературе (конец 1940-х – 1970-е гг.). Известия лаборатории древних технологий. ИрГТУ. 2004 г. - № 2, С. 159 – 166.
5. Тиваненко А. В., Цыбиктаров А. Д. Северобайкальский очаг «селенгинских» петроглифов. 1979 г.
6. Мельникова Л. В., Николаев В. С. Периодизация петроглифов Забайкалья. Известия лаборатории древних технологий. ИрГТУ. 2006 г. №4, С. 259 – 283
7. Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. 1959 г.- 210 с.

Приложение 1. Мыс Лударь.

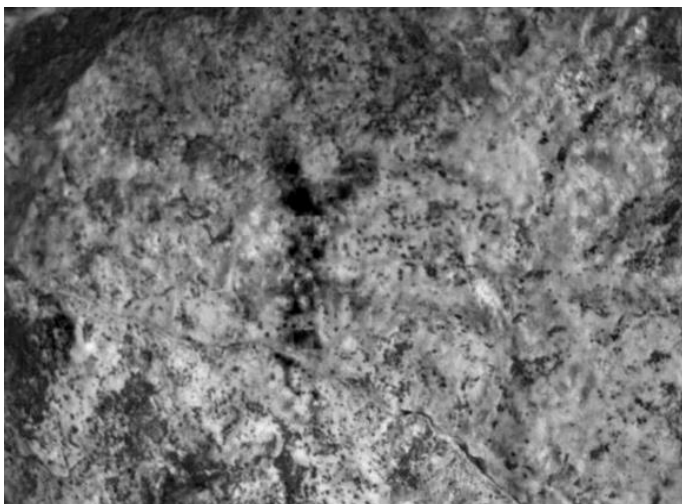
Приложение 2

Приложение 3

Приложение 4

Приложение 5

Приложение 6

Приложение 7

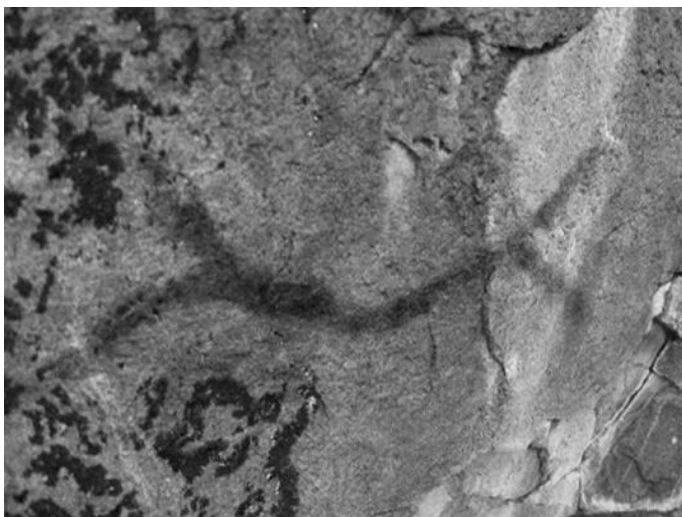
Приложение 8

Приложение 9.

Приложение 10

Приложение 11

Керамика мыса Писаный Камень.

Лебедев Владимир Александрович, выпускник 2016 года МБОУ «Лицей №6».

Введение.

Керамика является наиболее массовой категорией находок в археологии, основой для выделения археологических культур, индикатором этнической принадлежности памятника, показателем хозяйственной направленности древнего населения. Как известно, глиняная посуда на территории Евразии получила широкое распространение в эпоху неолита. Но еще с раннего палеолита люди пользовались в хозяйстве посудой из коры и дерева, корзинами из прутьев. Эти изделия применяли только для хранения припасов. Появление же глиняной посуды позволило варить пищу. Человек получил существенный предмет хозяйственного обихода, обладающий полезными свойствами – влагонепроницаемостью, жаро- и огнестойкостью, прочностью, относительно высокой и равномерной теплопроводностью. В любом случае керамический сосуд, сохранив свое первоначальное предназначение – резервуар (контейнер), созданный для содержания чего-либо, остается актуальным и в наши дни.

Создание сосуда связывалось с целым комплексом представлений ритуально-мифологического характера. Оформление (украшение, декорирование) предметов в архаичной культуре было прагматичным, т.к. выполняло охранительную функцию, являлось своеобразным оберегом. Декорирование вещей также воспроизводило с разной степенью полноты картину мироздания. Поэтому орнамент обладал своим сакральным характером. Горизонтальное деление сосуда включало три области: зона венчика - верхний мир (боги), зона тулова – средний мир (люди), зона днища – нижний мир(мертвые).

Символом сосуда является целостность, представление об оболочке, способной «запереть» силы хаоса внутри себя. Именно с этим связаны многие народные поверья, например, о том, что сосуд нельзя оставлять пустым – туда могут вселиться злые духи; нельзя хранить разбитую посуду, т.к. это признак потустороннего мира. Поэтому вещи с дефектами не должны включаться в предметный мир человека.

Изготовленная керамика по своему функциональному назначению подразделялась, по крайней мере, на две категории, статус которых неодинаков:

1) Утилитарная посуда, предмет хозяйственного обихода, среди которой выделяются:

- мелкие керамические сосуды, находящиеся, чаще всего, в индивидуальном пользовании, например, столовая посуда;
- средние керамические сосуды, служащие для приготовления пищи;
- крупные керамические сосуды, пригодные для хранения запасов;

2) погребальная, культовая посуда.

Если посуда первой категории полностью теряет свое сакральное значение и не может больше стать символической, то посуда второй категории сохраняет высокий семиотический статус и не может использоваться в обиходе.

Несмотря на то, что керамика является массовой категорией находок, она недостаточна, изучена на сегодняшний день. И особенно мало изучена керамика на территории моего родного края. Поэтому **целью** своей работы поставил:

Выявить характерные особенности различных типов керамики Северобайкаля, а также дать описание фрагментов керамики с мыса Писаный Камень.

Определил следующие задачи:

1. Изучить необходимую литературу по выбранной теме.
2. Определить, какие типы керамики выделены в научной литературе.
3. Привести в систему подъемный материал с мыса Писаный Камень.
4. Показать красоту, разнообразие, оригинальность орнаментов глиняной посуды на территории северо-западного побережья Байкала.

В своей работе использовал материалы археологических экспедиций, научные статьи археологов, занимающихся изучением моего края.

Глава 1. Керамика северобайкальского типа.

С момента первого обнаружения керамики, отнесенной к северобайкальскому типу, прошло уже более полувека, однако вопросы ее происхождения, функционального назначения и хронологии до сих пор остаются открытыми (Приложение 1).

К настоящему времени на территории северо-западного побережья озера Байкал известно 5 археологических объектов (Лысая Сопка I, Северобайкальск I, Богучанское XIII, Байкальское VI и Байкальское III), где в наборе археологического материала была встречена керамика северобайкальского типа. Впервые она была обнаружена В.В. Свининым в 1963 году на стоянке Лысая Сопка (северо-западное побережье озера Байкал, Республика Бурятия). Автор определил ее как поздненеолитическую. Он считал, что керамика со своеобразным орнаментом, использовалась в период поисков, как в мотивах, так и в технике нанесения орнамента, происходивших прежде, чем появились устоявшиеся стандарты (Свинин, 1966: 11).

Новые данные о керамике северобайкальского типа были получены в 1979 году Т.А. Абдуловым и Н.П. Пилипчук. Судя по найденным остаткам, сосуды северобайкальского типа имели округлое дно. Дно утолщалось за счет налета толщиной 0,3 см.

Среди северобайкальской керамики выделяются две группы венчиков: грибовидная и прямая. Венчик первой группы образован в результате уплощения верхнего среза сосудов, вследствие чего края венчика слегка нависают над стенками. Чаще всего венчики с внешней стороны украшались наклепными рассеченными валиками. Сосуды украшались разнообразным орнаментом. Отмечено три способа его нанесения: продавливание, прочерчивание и наклеп. Среди продавленных орнаментов можно выделить две разновидности: нанесение на поверхность сосуда с помощью штампа и нанесенные посредством лопаточки. В первом случае вдавливание производилось торцевой частью палочки, а во втором – ее боковой гранью. Основные формы штампов – круглые, прямоугольные, овальные, треугольные и ромбовые. Лопаточки, применявшиеся для украшения сосудов, имели округлое, прямое, остроугольное и волнообразное окончание. Наклепной орнамент выполнялся путем наложения на поверхность сосуда валиков треугольной формы. На поверхности горшка валики располагаются горизонтальными и дугообразными линиями в несколько рядов. Они рассекались при помощи лопаточки с угловым вырезом на окончании. Валиков, не орнаментированных оттисками лопаточки, не встречено. Временной интервал существования северобайкальской керамики определяется четырьмя радиоуглеродными датами, полученными с поселения Байкальское III (северо-западное побережье Байкала). Две даты сделаны по органике из жилища №3. Первая из них – 3875 л.н. получена по костям животных из квадратов 89, 90, 99 и 100 раскопа №1. Вторая дата – 3020 л.н. сделана по углю из квадрата 38 раскопа №1. С учетом калибровки первая дата соответствует 2471-2152 г.г. до н.э., а вторая 1395-1128 г.г. до н. э. Еще две даты сделаны по материалам со святилища, расположенного в северо-восточной части поселения. Первая из них – 3875 л.н. получена по костям животных. Вторая дата – 3020 л.н. сделаны по углю. С учетом калибровки первая дата соответствует 2471-2152 г.г. до н.э., а вторая 1395-1128 г.г. до н. э. В связи с этим время существования северобайкальской керамики охватывает период с 2471г. до н. э. по 1128 г. до н. э., то есть вторую половину III – II тыс. до н. э. (Емельянова, Харинский, 2008: 159).

В целом, сравнивая керамические традиции сопредельных территорий, можно говорить о самобытности северобайкальской керамики. Оригинальность орнамента позволяет достаточно уверенно выделять ее среди других керамических комплексов Сибири.

Глава II. Шнуровая керамика периода позднего бронзового - раннего железного веков северо-западного побережья озера Байкал.

Среди керамических комплексов, фиксируемых в период позднего бронзового – раннего железного веков на территории западного побережья, отмечается керамика различная по технике изготовления, формам и орнаменту керамика. Однако количественно преобладает керамика с оттисками витого «шнура» на внешней поверхности сосудов. Формовка шнуровых сосудов исследуемого периода происходила в процессе ручной лепки кольцевым ленточным способом. После чего внешняя поверхность отбивалась ударно-прессующим орудием (лопаткой, колотушкой), рабочая поверхность которого обмотана крученым шнуром. Сосуды, как правило, простой закрытой формы на кольцевом поддоне или уплощенным дном. Венчик прямой или слегка отогнут наружу. Основным орнаментом, базирующимся, как правило, в привенчиковой зоне сосуда, являются налепные валики.

По количеству и составу археологических объектов, содержащих шнуровую керамику с налепными валиками, два региона – Приольхонье и Северный Байкал – имеют некоторый ряд различий, о которых будет говорить позже. Так, например, в Приольхонье помимо стоянок и поселений фрагменты от шнуровых сосудов на поддонах отмечены также при раскопках плиточных могил и пещерных комплексов. На Северном Байкале такая керамика встречается на стоянках и в поминальных комплексах. По материалам раскопчных работ и подъемных сборов на Северном Байкале в 2003 А.В. Харинский и И.С. Карнышев выделяют шнуровую керамику, орнаментированную налепными валиками, на поддонах в сеногдинский тип, определяя период ее бытования путем радиоуглеродного датирования – XIII - II в.в. до н. э. (Харинский, Карнышев 2003). Немного позже понятие сеногдинского типа керамики было детально разработано и исторически обосновано. Поэтому шнуровая керамика, орнаментированная налепными валиками, на поддонах в дальнейшем будет именоваться как сеногдинская (Харинский 2005). Позже по материалам раскопок стоянки Красный Яр II, появляются радиоуглеродные даты, свидетельствующие о том, что керамика сеногдинского типа на Северном Байкале доживает и до начала I тыс. до н. э. (Карнышев, Кичигин, 2008). Таким образом, к настоящему времени имеется 7 радиоуглеродных дат, определяющих время бытования керамики сеногдинского типа на западном побережье озера Байкал XIII в. до н. э. – I в. до н. э. На сегодняшний день сеногдинская керамика в Приольхонье представлена фрагментами от 64 сосудов с 23 местонахождений, на Северном Байкале – фрагментами от 65 сосудов с 16 местонахождений.

На сеногдинских сосудах Северного Байкала (более 70%) исследователи фиксируют более сложные композиции орнамента, нежели в Приольхонье и на восточном побережье озера Байкал, где помимо стандартной композиции орнамента присутствует так называемая вспомогательная. Кроме основных горизонтальных деформированных валиков и ряда круглых вдавлений-отверстий тулово сосуда орнаментируется валиками меньших размеров по ширине, располагающихся под основными валиками. Они могут быть наклонными и покрывать все тулово сосуда до самого днища, могут быть зигзагообразными, горизонтальными, сплошными или прерывистыми. Последние могут закручиваться в форме «усиков», образуя скобообразные валики (Карнышев, 2006, Карнышев, Кичигин, 2008).

Примерно в конце I тыс. до н. э. стандартная композиция орнамента на шнуровых сосудах претерпевает некоторые изменения. Помимо традиционной орнаментации появляется вспомогательная орнаментация, выраженная, прежде всего, в добавлении к основным валикам множества нитевидных, меньших по размерам, валиков, украшающих тулово сосуда. И в таком виде шнуровая керамика доживает на Северном

Байкале до начала I тыс. н. э., где на смену ей приходит гладкостенная и ромбическая керамические традиции, но со стандартными приемами орнаментации, как и в Приольхонье.

Глава III. Гладкостенная керамика сосновоостровского типа.

На северо-западном побережье Байкала период существования елгинских захоронений совпадает со временем бытования гладкостенной керамики сосновоостровского типа. Ее датировка основывается на данных, полученных с городища Байкальское 1 (Харинский, 1993). Нижняя граница существования сосновоостровского керамического комплекса определяется радиоуглеродными датами по угольной прослойке, отделяющей керамику с оттисками шнура от керамики сосновоостровского типа – 2140 л.н. и 2100 л.н., что соответствует 2 в. до н. э. Верхняя граница существования сосновоостровской керамики установлена с помощью радиоуглеродных дат – 1100 л.н., 980 л.н., 970 л.н., полученных по бревнам вала, уголь от которых перекрывал культурный слой с керамикой. С учетом калибровки, даты соответствуют концу X-XI в.в. По слою с сосновоостровской керамикой с городища-святилища Байкальской III получена радиоуглеродная дата 2030 л.н. Таким образом, время сосновоостровской керамики на северо-западном побережье Байкала определяется II в. до н. э. – X в. н. э. Среди гладкостенных сосудов на северобайкальских городищах отмечена керамика сосновоостровского типа, которая характеризуется: 1) прочерченным криволинейным закрытым орнаментом, сочетающимся, преимущественно, с наклепными рассеченными горизонтальными валиками и дугообразными вдавлениями; 2) венчиками с наклепом с внешней стороны; 3) плоскодонными гладкостенными сосудами, изготовленными без применения гончарного круга и состоящими, преимущественно, из тулова и устья.

Помимо побережья Байкала, керамика сосновоостровского типа фиксируется и на территории Южного Приангарья.

В других частях Предбайкалья керамика сосновоостровского типа существует синхронно захоронениям елгинского типа. По культурному слою с керамикой сосновоостровского типа получены две радиоуглеродные даты: Манхай IV (в Кудинской долине) – 2165 л.н., Лесной остров III (исток Ангары) 2070 л.н.

И если нижняя граница существования сосновоостровской керамики в Южном Приангарье определяется довольно четко II в. до н. э., то верхняя довольно условна VII в. н. э. В Приольхонье время бытования сосновоостровской керамики можно определить II в. до н. э. – IV в. н. э. В более позднее время в этой части Предбайкалья она не фиксируется.

Глава 4. Керамика мыса Писаный Камень.

В августе 2011 года я стал участником краеведческой экспедиции, в состав которой вошли учителя истории МБОУ «Лицей №6» Акимова Е.В., Каримова М.Н., а также студентка 3 курса НГТУ Акимова Д.Д. 21 августа при посещении мыса Писаный Камень с южной стороны, на обнажении береговой полосы, нами были обнаружены следующие фрагменты керамики:

Фрагмент сосуда номер 1: венчик представлен 3 фрагментами, внешне асимметричной приострѐнной формы, орнаментированными косыми штамповыми вдавлениями по верхней поверхности и четырьмя поясками «выпуклин-жемчужин» по внешнему борту. Длина фрагмента 7см, ширина 6,8см, толщина от 4 до 6мм. Налепной валик шириной 4-5мм. Нагар отсутствует (Приложение 2).

Фрагмент керамического сосуда номер 2 внешне схож с фрагментом номер 1. Длина 3,2см, ширина 3,5см. Толщина 5мм и наlepной валик шириной 5мм. Нагар отсутствует (Приложение 3).

Фрагмент керамического сосуда номер 3 орнаментирован наlepным валиком шириной 9-10мм. Длина фрагмента 3,2см, ширина 2,6, толщина 4мм. Нагар присутствует (Приложение 4).

Фрагмент керамического сосуда номер 4 орнаментирован рядом косых насечек на двух наlepных валиках. Первый валик шириной 5-6мм, второй 4-5мм. Длина фрагмента 2,1см, ширина 1,7см, толщина 6мм. Нагар отсутствует (Приложение 5).

Фрагмент керамического сосуда номер 5 - толстостенная (8мм) керамика, венчик грибовидный без узора. Длина фрагмента 4,3см, ширина 4,2см. Нагар присутствует (Приложение 6).

Фрагмент керамического сосуда номер 6 представляет собой толстостенный(7мм) фрагмент, который орнаментирован двумя наlepными валиками, рассечёнными прямыми вдавлениями. Один валик 7-8мм, второй 5мм. Длина фрагмента 3см, ширина 4,1см. Нагар присутствует (Приложение 7).

Фрагмент керамического сосуда номер 7 – толстостенный (5мм) фрагмент тулова с горизонтальным прочерчиванием диаметром 0,3см и единичным продавливанием шириной 0,2см. Длина фрагмента 3,1см, ширина 3,9см, толщина 5мм. Нагар присутствует (Приложение 8).

Фрагмент керамического сосуда номер 8 – это, предположительно, фрагмент венчика с двумя наlepными валиками, рассечёнными косыми полосами. Первый валик шириной 2-3мм, второй 3-4мм. Длина фрагмента 3,6см, ширина 3,7см, толщина 3-4мм. Нагар присутствует (Приложение 9).

Фрагмент керамического сосуда номер 9 - остrokонечный фрагмент тулова с узором в виде двух наlepных валиков с косыми насечками. Первый валик шириной 5мм, второй-7мм. Длина фрагмента 5,6см, ширина 3,8см, толщина 4,5мм. Присутствует нагар (Приложение 10).

Фрагмент керамического сосуда номер 10 – предположительно, фрагмент венчика. Внешне напоминает наконечник, украшен наlepным валиком рассечённым косыми насечками. Ширина валика 4мм. Длина фрагмента 2см, ширина 2,7см, толщина 4мм (Приложение 11).

Фрагмент керамического сосуда номер 11 - фрагмент венчика, орнаментирован сквозными отверстиями на расстоянии 1,5 см и тремя рядами наlepных валиков. Длина фрагмента 5,2см, ширина 5,6, толщина 5мм, а у венчика 1 см (Приложение 12)

Фрагмент керамики номер 12– толстостенный(5мм) фрагмент тулова, украшенный наlepным валиком шириной 4мм. Длина фрагмента 4,8см, ширина 4см. Нагар присутствует (Приложение 13).

Таким образом, в результате исследования найденных фрагментов керамики можно сделать следующие выводы:

1. Все фрагменты относятся к типу гладкостенной керамики, которая датируется II в. до н. э.-X в.н.э.
2. Наиболее интересными оказались венчики сосудов.
3. Большая часть фрагментов украшена наlepными валиками.

4. По моему мнению, найденная керамика относится к категории культовой посуды.

Заключение.

Керамические комплексы на территории Северобайкалья стали изучаться всего 50-30 лет назад. Довольно весомый вклад в их исследование внесли Свинин В.В. и Харинский А.В.

Продолжила исследовательскую работу по изучению северобайкальского типа керамики Емельянова Ю.А. - кандидат исторических наук, научный сотрудник НИ Иркутского государственного технического университета, а также руководитель археологических экспедиций учащихя лица №6 в летний период.

В последнее время к исследованию керамических комплексов сеногдинского типа присоединился Кичигин Д.Е., научный сотрудник НИ ИрГТУ.

На сегодняшний день достаточно полно изучены керамические комплексы двух типов: северобайкальский и шнуровой. Мало пока материалов по гладкостенной и ромбической керамике. Представленная мною керамика относится к гладкостенной, а сама работа является попыткой восполнить этот пробел.

К сожалению, в настоящее время берега Байкала рушатся, уничтожаются туристами исторические источники древности нашего края. Многие люди не представляют, что ходят по тем предметам, которым не одно тысячелетие. Очень хотелось бы сохранить артефакты или, по крайней мере, зафиксировать и донести эту информацию до потомков.

Литература.

1. Свинин В.В. Археологическое исследование на северном побережье озера Байкал в 1963-1965 г.г. Отчеты археологических экспедиций за 1963-1965 г.г.(материалы и доклады на научной сессии Ин-та археологии АН СССР). – Иркутск: Иркутский обл. краевед. Музей. 1966. - №10. – С.10-12.
2. Емельянова Ю.А., Харинский А.В. Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал. Известия лаборатории древних технологий. - Иркутск, 2008. – Вып.№6. – С. 145-167.
3. Харинский А.В., Карнышев И.С. Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханово III). Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее: Мат. Регион. Науч.-практ. конф. Иркутск, 2003. – С.137-142.
4. Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд. Ир.ГТУ, 2005, - Вып.3. – С.198-215.
5. Карнышев И.С. Керамика сеногдинского типа северного побережья озера Байкал. Археология, этнология, палеоэкология северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI регион. (2 Всеросс.) Красноярск, 2006. – Т.1. – С. 121-124.
6. Карнышев И.С., Кичигин Д.Е. Керамика сеногдинского типа стоянки Красный Яр (Северобайкальский район, Республика Бурятия). Этнокультурная история Евразии: Мат-лы XLVIII регион. Барнаул: Азбука, 2008. – . – С. 157-158.

Приложение 1. Керамика северобайкальского типа.

Приложение 2. Керамика с мыса Писаный Камень.

Приложение 3.

Приложение 4.

Приложение 5.

Приложение 6.

Приложение 7.

Приложение 8.

Приложение 9.

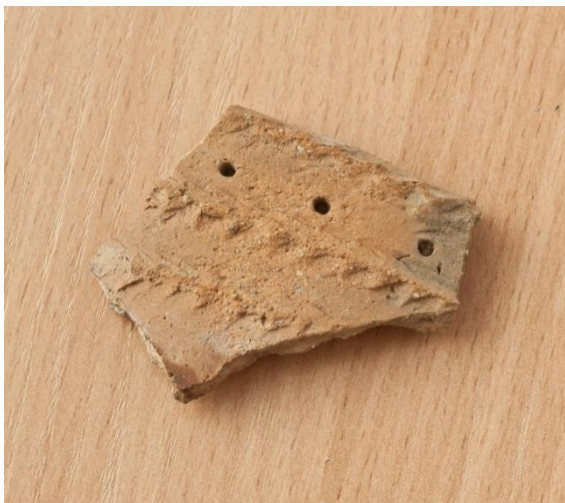
Приложение 10.

Приложение 11.

Приложение 12.

Приложение 13.

Археологические объекты мыса Красный Яр (Северобайкальский район, Республика Бурятия).

Евсеенко Ульяна Витальевна, выпускница 2018 года МБОУ «Лицей № 6».

Введение.

Археологические исследования на северо-западном побережье Байкала ведутся с начала XX века. За эти годы были изучены многие археологические объекты: стоянки, городища, могильники, наскальные рисунки. Их исследование помогает восстановить историю освоения Байкальского региона древним человеком. Сегодня достаточно хорошо известно об объектах мыса Лударь, много интересных материалов можно найти на сайтах Интернета. Но, по моему мнению, археологические объекты на мысе Красный Яр заслуживают внимания, несмотря на то что они стали изучаться только с 1998 года. В данное время сведений о Красном Яре по-прежнему очень мало.

Задачи исследования:

1. Собрать все имеющиеся сведения о Красном Яре.
2. Систематизировать археологические материалы, полученные при исследовании Красного Яра.
3. Ввести в научный оборот новые данные о находках.

Глава 1. Погребения эпохи бронзы на Красном Яру.

На побережье Северного Байкала захоронения более раннего времени, чем рубеж I тысячелетия до н.э.- I тысячелетия н.э., известны не были. В связи с этим особый интерес представляет могильник бронзового века Красный Яр I (Приложение №1). В результате раскопок 2002 г. было вскрыто два погребения - №№3 и 5, а также кладка №1, под которой не было выявлено следов погребения (Коростелев А.М., 2003).

Погребение №3 находилось в северо-восточной части могильника. Надмогильная кладка овальной формы. Под кладкой отмечена могильная яма, ориентированная по ЮЗ-СВ. На дне неглубокой ямы (0.2м.) обнаружены остатки захоронения. Погребённый мужчина находился в могиле вытянуто, на спине, головой ориентирован в сторону северо-запада. Лицевой частью он повернут вправо, на юго-восток. Руки согнуты в локтях. Стопы ног повернуты вправо. В области шеи зафиксировано 78

пастовых бусин. В области головы найдена кремневая пластина. К северо-западу от правой плечевой кости найдены парные концевые накладки лука из кости. Вероятно, лук располагался справа от костяка.

Погребение №5 находилось в западной части могильника (Приложения №2). Погребенная, молодая женщина, была обернута берестяным полотном, которое сохранилось не везде. По концам ямы и на самом костяке отмечены деревянные жерди. В районе бедер располагались резцы тарбагана (20 штук) и 3 подвески из клыка марала. На запястье правой руки погребенной находился браслет из двух перфорированных нефритовых пластин. Возле левой руки найдена медная игла длиной 5 см и комок охры. На кисти левой руки обнаружен медный браслет и остатки кожаной одежды.

Изученные погребения являются первыми на Северном Байкале захоронениями эпохи бронзы. Оба погребения Красного Яра различаются в устройстве могильных конструкций, ориентации погребенных, составе сопроводительного инвентаря. Все эти различия указывают на то, что погребения, по всей видимости, относятся к разному времени, что и находит подтверждение в радиоуглеродных датах, полученных по костям погребенных из обоих захоронений. Погребение №3 – 2430_±45 л. н. (СОАН - 4875), погребение № 5 – 3765_± 55 л.н. (СОАН – 4876). Погребение №5, возможно, относится к глазковской культуре.

Глава 2. СТОЯНКА КРАСНЫЙ ЯР II.

Стоянка Красный Яр II расположена в 3 км к северу, северо-востоку от с. Байкальское, в северной части Лударской губы и в 200 м к юго-западу от одноименного мыса. Археологический объект локализуется в небольшой бухточке, заключенной между самым мысом и скалистыми обрывами северной части Лударской губы.

Стоянка Красный Яр II открыта в 1999 году в результате исследований, проводимых в окрестностях с. Байкальского А.В. Харинским с группой школьников Иркутского Центра детско-юношеского туризма и краеведения (ЦДЮТиК) под руководством М.Л. Сидорчук (Бородина). При осмотре террасовидного склона было выявлено два археологических местонахождения Красный Яр II и Красный Яр III. На них собрана керамика бронзового века, кости животных и кремневые отщепы (Харинский, 2000).

В 2005 году стоянки осмотрены Е.М. Инешиним и И.С. Карнышевым. В результате осмотра уточнено распространение археологического материала на расположенных по соседству друг с другом стоянках Красный Яр II и Красный Яр III. Выяснено, что они территориально практически не отделяются друг от друга, а обнаруженные на них артефакты залегают в сходных условиях и имеют идентичные культурно-хронологические параметры. Два археологических объекта было решено объединить в один, закрепив за ним название Красный Яр II (Карнышев, 2005а).

В 2006г. И.С. Карнышевым совместно с кадетами Томского кадетского корпуса (Руководитель Н.А. Егорова) произведены первые раскопочные работы на стоянке. Выше места концентрации археологического материала, в береговых обнажениях расположен раскоп №1 общей площадью 20 кв. м. и глубиной 0,32- 0,52м. В результате раскопочных работ выяснилось, что археологический материал в количестве 2124 находок (из них керамики – 910 фр., предметов каменной индустрии – 340 экз. и фрагментов кости – 874 фр.) залегают в первых трех геологических слоях – почвенно-растительный горизонт, слой темно-серой супеси и слой светло-бурой супеси – и практически не разделен (Кичигин, 2010). (Приложение № 3).

В 2008 году Кичигиным Д.Е. совместно с учащимися лицея №6 города Северобайкальска (Руководитель Каримова М.Н.) на стоянке были произведены

рекогносцировочные работы, целью которых являлось уточнение распространения археологического материала на территории стоянки и выяснение стратиграфических особенностей его залегания в земельной толще. В 22 м к северо-востоку и в 11 м к юго-западу от раскопа №1 (2006г.) были заложены небольшие по площади раскопы №2 (4 кв.м.) и 3 (9 кв.м.) соответственно. Также была сделана прирезка (4 кв.м.) к южной стоянке раскопа №1. Археологический материал в количестве 1767 находок (раскоп №2 – 1135 экз., раскоп №3 – 370 экз. и прирезка – 262 экз.) залегал в схожих стратиграфических условиях и разделялся на хронологические группы по уровням залегания типологически однородных предметов, фиксируемых в определенной части геологического слоя (кровля, средняя часть, подошва). Так, например, «шнуровая» керамика с валиками фиксировалась в слое темно-серой супеси, и лишь незначительная часть фрагментов западала в нижележащий слой. Тем не менее, стало возможным с некоторой долей условности разделить весь культуровмещающий земельный пласт стоянки на два культурных слоя (1 и 2), привязанных к конкретным геологическим стратам.

В 2009 году в целях уточнения стратиграфических условий залегания материала раскоп № 2 (2008г) был расширен в западном направлении в сторону повышения склона. Вскрытая площадь составила 12 кв.м. Полученные материалы в количестве 559 предметов особых изменений в характеристику стоянки не внесли (Приложение № 3).

Таким образом, к 2009 г. на стоянке Красный Яр II было заложено три раскопа, общей площадью 49 кв.м. (раскоп №1 – 24 кв.м., раскоп №2 – 16 кв.м. и раскоп №3 – 9 кв.м.). Археологический материал в количестве 4450 находок (керамика – 1889 фр., камень – 794 фр., кость – 1763 фр., металл – 1 экз. и шлак – 3 экз.) раскладывался стратиграфически на 2 культурных слоя, привязанных к первым трем геологическим стратам – дерн, слой темно-серой супеси (1 к.с.) и слой светло-бурой супеси (2 к.с.)

Раскоп №2 (16 кв. м) расположен в 22 м к северо-востоку от раскопа №1 и в 7 м к северу от береговой зачистки 2005 г. Археологический материал в количестве 1694 предметов зафиксирован в первых четырёх геологических стратах. 1 культурный слой (796 находок) привязан к слою дерна, слою темно-серой супеси и прослойке бурой супеси со следами прокала. В составе коллекции 480 фрагментов керамики, 106 предметов каменной индустрии, 208 фрагментов белой кости, кусочек шлака и обломок острия железного ножа. Находки в слое также распределены неравномерно-наибольшая их концентрация отмечается в юго-восточной части раскопа.

2 культурный слой (898) находок привязан к слою светло-бурой супеси и представлен 269 фрагментами керамики, 275 предметов каменной индустрии и 354 фрагментами битой кости. Наибольшая концентрация находок отмечена в центрально-южной и юго-восточных частях раскопа. Среди предметов каменного производства отмечаются скопления крупной фракции – продукты первичного расщепления. Возможно, эта часть стоянки в своё время являлась мастерской по изготовлению каменных орудий.

Раскоп №3 (9 кв. м) заложен в 11 м к юго-западу от раскопа №1. Археологический материал в количестве 370 предметов зафиксирован в первых трёх геологических стратах. Первый культурный слой (201 находка) привязан к слою дерна и слою темно – серой супеси и содержит 55 фрагментов керамики, 8 предметов каменной индустрии и 138 фрагментов битой кости. Немногочисленный вещественный комплекс распределён по слою практически равномерно. Среди малочисленного каменного инвентаря почти половину составляют орудия-скребки, нож и обломок рубящего орудия. Возможно, в этой части стоянки осуществлялась некоего рода деятельность, связанная с разделыванием туши или обработки кожи.

Обнаруженные в 1 культурном слое стоянки Красный Яр II «шнуровые» сосуды, орнаментированные налепными валиками (Приложения №№ 4, 5), относятся к позднему варианту керамики сеногдинского типа и предварительно датируются XI-Vв. в. до н. э.

Существование керамики сеногдинского типа с другими керамическими традициями на северо-западном побережье Байкала во второй половине I тыс. до н. э. вполне допустимо. Такой точке зрения не противоречат и результаты раскопок погребально-поминального комплекса Байкальское VII, где наряду гладкостенными (елгинский тип) и вафельными (борисовский тип) сосудами раннего железного века отмечен фрагмент шнуровой керамики с налепными рассеченными валиками – сеногдинского типа (Коростелев, 2010).

Ближайшие аналогии костяным бусам, найденным в 1 культурном слое стоянки Красный Яр II, встречены в сопроводительном инвентаре средневековых погребений Приольхонья. Стекланные и пиррофиллитовые бусы, по форме и размерам очень похожие на красноярские находки, фиксируются на западном побережье озера Байкал с середины I тыс. н.э. (Харинский, 2001г.).

Таким образом, 1 культурный слой стоянки Красный Яр II следует датировать эпохой раннего железного века – развитым средневековьем (вторая половина I тыс. до н.э.- I тыс. н.э.).

Керамика с ромбическими оттисками (Приложения №№ 6, 7), обнаруженная при раскопках стоянки Красный Яр II (культурный слой 2), отмечена на северо-западном побережье Байкала еще в нескольких пунктах – Курла IV, Богучанская X, Богучанская XI, Балтаханова III, Байкальское VII.

2 культурный слой привязан к слою светло-бурой супеси. Среди культурных остатков (2173 экз.) отмечены «вафельная» керамика, орнаментированная зубчатым орнаментом, круглодонная посуда с рубчатыми оттисками. Гладкостенная керамика с прямоугольными вдавлениями, керамика с оттисками сетки-плетенки, ножевидные пластины, наконечники стрел подтреугольной формы, скребки разных форм, долотовидные изделия, молот-пест и отбойник, а также кости нерпы, благородного оленя и косули. Культурный слой датируется эпохой неолита – бронзового века (III – первая половина I тыс. до н.э.).

Глава 3. Наскальные рисунки мыса Красный Яр.

В 2005 году студенткой 3 курса гуманитарного факультета НГУ Каримовой Дианой на Красном Яру были обнаружены два наскальных рисунка, выполненные красной краской, охрой (Каримова, 2010). Писаницы на мысе Красный Яр находятся в нишах естественного происхождения на южной стороне возвышенности.

Первый рисунок представляет собой антропоморфную фигуру с рогатой головой, которая держит в руке палку или ветвь дерева. Она расположена на двенадцати вертикальных полосах. Второй рисунок на мысе Красный Яр представлен изображением трех вертикально расположенных и попарно соединенных ромбов. Этот знак может иметь магическое значение как символ, призванный охранять членов рода.

Глава 4. Подъемный материал с мыса Красный Яр.

Мыс Красный Яр временами преподносит щедрые «дары» своим посетителям, довольно-таки значительные с научной точки зрения (Приложение 8, 9).

Первый предмет- это кремниевый наконечник стрелы, найденный учителем истории МБОУ «Лицей № 6» Каримовой М.Н. на середине оконечности мыса рядом с одиноко

растущей лиственницей. Длина наконечника 3 см, но вверх отколот (примерно – 0,5 см). Ширина у основания – 2 см, у скола- 1 см. По технике обработки и форме наконечник имеет много общего с теми каменными изделиями, которые были найдены из раскопов №№1 и 2 стоянки Красный Яр II культурного слоя II.

Кичигин Д.Е. (ИрГТУ) в работе «Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы» отмечает, что культурный слой II датируется эпохой неолита – бронзового века (III– первая половина I тыс. до н. э.).

Второй предмет – нижняя часть каменного топора. Предмет был найден выпускницей лица № 6 Каримовой Дианой в августе 2008 года на берегу озера, недалеко от стоянки Красный Яр II, раскопа №2. Так как обрывистые берега под воздействием волн разрушаются, вполне возможно, что фрагмент топора волны вымыли со стоянки древнего человека. Поврежденный предмет мог быть оставлен древним охотником. Длина отколотого топора 5,8 см, ширина - 5 см, толщина в середине - 2 см. При сравнении с археологическим материалом каменной индустрии II культурного слоя раскопов №№ 1,2, топор может быть отнесен к эпохе неолита – бронзового века (III– первая половина I тыс. до н.э.).

Если эти данные соотнести с погребениями на территории мыса Красного Яра, то мы имеем радиоуглеродную дату (погребение № 5) – 3765-+55 л. н. (СОАН – 4876).

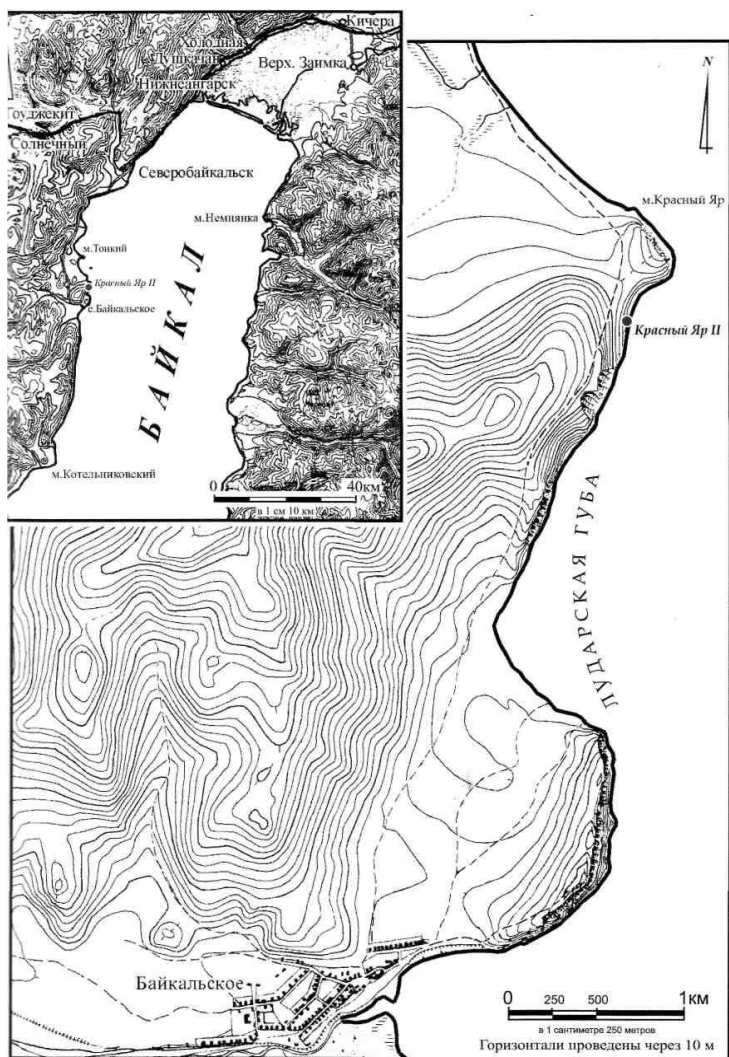
Заключение.

Мыс Красный Яр является уникальным археологическим объектом, где исследованы погребения, стоянки эпох неолита и бронзового веков (III– первая половина I тыс. до н. э.). Очень интересны наскальные рисунки - подобные изображения связаны с культурой «плиточных могил» (середина I тыс. до н. э.). Археологические объекты Красного Яра можно нанести на карту «Археологические памятники побережья озера Байкал» и туристическую карту-схему «Озеро Байкал».

Список использованной литературы:

6. Коростелев А.М. «Погребения эпохи бронзы на побережье Северного Байкала», «Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем». Материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. Томск. Издательство Томского Университета, 2003г. стр. 174-175.
7. Харинский А.В. Исследования в Ольхонском районе Иркутской области и Северобайкальском районе Бурятии в 1999г. //Архив ИАРАН. Р. 1. 156 с. (Иркутск, 2000).
8. Карнышев И.С. Отчет о проведении археологических работ на северо-западном побережье озера Байкал в 2005 г. (Северобайкальский район, Республика Бурятия). Иркутск, 2005а. 42 с.
9. Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы. //Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып.8. С.154-192.
10. Каримова М.Н. Байкальские писаницы. //газета «Северный Байкал» № 61-62 от 11 августа 2010 года, С. 13.

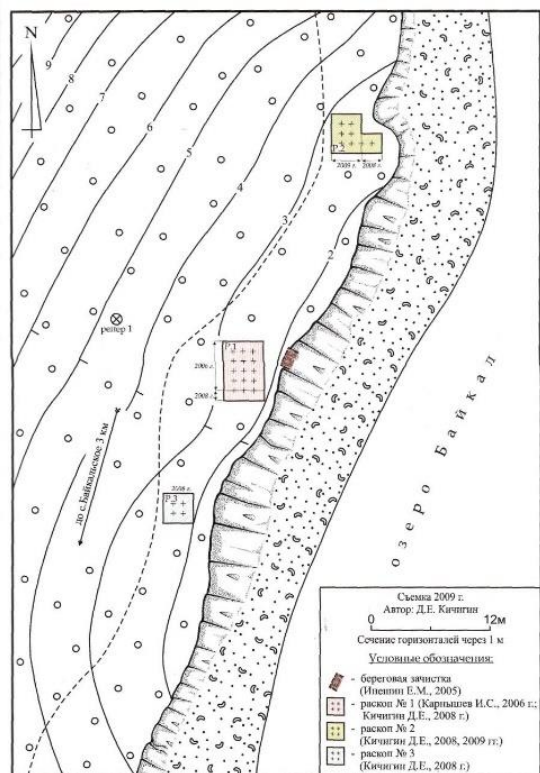
Приложение 1. Карта-схема мыса Красный Яр.

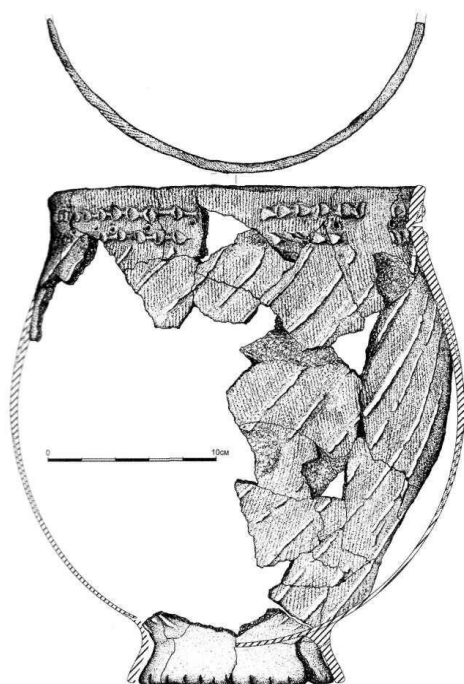
Приложение 2. Красный Яр I, погребение № 5.

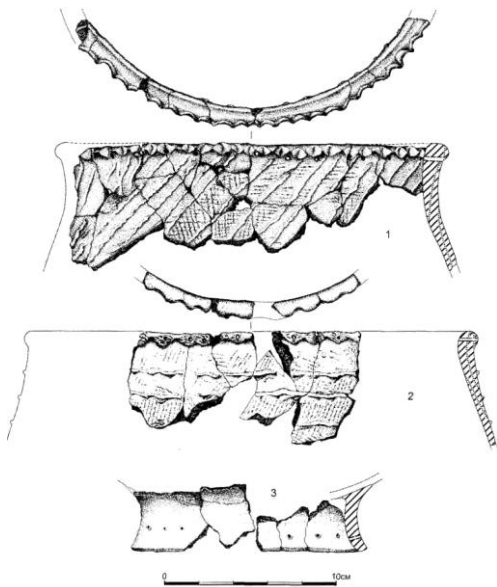
Приложение 3. Ситуационный план стоянки Красный Яр II.

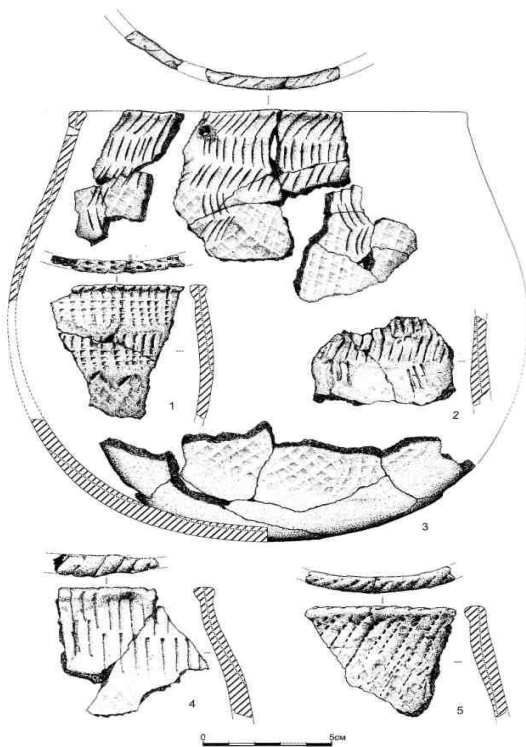
Приложение 4. Стоянка Красный Яр II. Сосуд со шнуровыми оттисками из раскопа № 1 – культурный слой I.

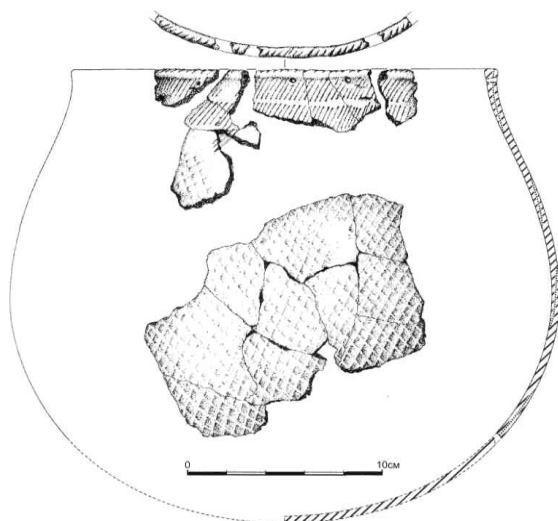
Приложение 5. Сосуды со шнуровыми оттисками со стоянки Красный Яр II: 1 – раскоп № 1 (I к. с.) и 2, 3 – раскоп № 2 (I к. с.).

Приложение 6. Керамика с ромбическими оттисками II культурного слоя стоянки Красный Яр II – раскоп № 1 и № 2.

Приложение 7. Стоянка Красный Яр II. Сосуд с ромбическими оттисками из раскопа №2 – культурный слой II.

Приложение 8. Наконечник стрелы.

Приложение 9. Осколок топора.

Удивительный мыс Лударь.

Стаценко Ульяна Дмитриевна, выпускница 2015 года МБОУ «Лицей № 6».

Введение.

За последние годы историческим памятникам Северобайкалья наносится невосполнимый ущерб. На сегодняшний день уничтожены исторические памятники в ходе возведения столбов на мысе Лударь (северо-западное побережье Байкала) в 0,2 – 0,4 км от села Байкальское. Всем известны уникальные археологические объекты, которые располагаются на мысе. Они описаны в Интернете, в научной и научно-популярной литературе. Это городища-святилища, поминальники, погребения, наскальные рисунки. В предыдущей своей работе я систематизировала весь материал по данным объектам. Северобайкальское отделение сотовой связи «Мегафон» в 2010 году, разрушив древнейшие поминальники и, возможно, другие археологические

объекты, ничего не сделало для проведения спасательных работ на Лударе. В 2014 году была возведена вышка БВК, правда, учитывая опыт установки сотовой связи «Мегафон», работы велись аккуратно и бережно по отношению к окружающей природе. И всё же в результате всей этой деятельности фрагменты древнейшей керамики оказались разбросанными по всей округе вокруг 5 исследованных мною столбов. В ходе строительства гостевых домиков нарушен культурный слой на протоке Слюдянских озёр, хотя по закону нельзя возводить здесь постройки.

В моей работе представлена вся информация о собранном на мысе Лударь подъемном материале. Мне хотелось привлечь внимание к тому, что на поверхности земли были обнаружены не просто осколки какой-то керамики и камня, а уникальные вещи, которые имели важное значение для древнего населения, жившего когда-то на территории нашего края. Я считаю, что мы должны изучать и бережно сохранять все обнаруженные предметы древности, передать потомкам всё, дошедшее до нас с древнейших времён и не быть людьми, не помнящими своего прошлого, ведь история нашего края началась уже в эпоху каменного века.

Цель моей работы: охарактеризовать подъемный материал с мыса Лударь.

Задачи:

- 1) систематизировать керамические и каменные материалы с мыса Лударь;
- 2) подготовить материал для публикации в местных газетах, а также составить памятку для жителей и гостей города;
- 3) разместить работу на сайте лицея и города;
- 4) передать информацию в Северобайкальское отделение сотовой связи «Мегафон», «БВК», музей истории БАМа, частным предпринимателям, главам администрации города и района.

Методы исследования:

- 1) изучение научной литературы по данной теме;
- 2) анализ источниковедческой базы;
- 3) полевые археологические исследования;
- 4) работа с подъемным материалом;
- 5) сравнительно-типологический метод.

История исследования мыса Лударь.

Материалы подъемного сбора с мыса Лударь находились между двумя археологическими объектами – Байкальское VI (стоянка) и Байкальское VII (погребально-поминальный комплекс).

Стоянка Байкальское VI находится в 150 м к востоку от с. Байкальское в юго-восточной части 21-метровой террасы, примыкающей с запада к Лударскому мысу. Коллекция находок, собранных на стоянке Байкальское VI, стала формироваться в начале XX века. Первые подъемные сборы на памятнике проведены Н. Пановым. Коллекция собранных им артефактов хранится в Кунсткамере (Санкт-Петербург) под номером 734. Одна часть находок – 26 единиц - зарегистрирована под буквой «а», другая часть – 46 единиц - зарегистрирована под буквой «в» (Харинский, Емельянова, Рыков, 2009). Обнаруженную Н. Пановым керамику можно разделить на две культурно-хронологические группы. Первая включает остатки сосудов елгинского типа и датируется концом I тыс. до н.э. – серединой I тыс. н.э. Вторая группа относится к I тыс. до н.э. и сопоставима с керамикой сеногдинского типа (Харинский, 2005; Кичигин, 2009).

Еще одна коллекция находок собрана на стоянке Байкальское VI директором Иркутской магнитной обсерватории А.В. Вознесенским и местными крестьянами. Она

передана в Кунсткамеру (Санкт-Петербург) через А.П. Герасимова 17 февраля 1909 г. Коллекция зарегистрирована под номером 1365 и включает 124 предмета, 108 из которых являются фрагментами керамики. Керамика, вошедшая в коллекцию, может быть разделена на четыре культурно-хронологические группы. Первая из них сопоставима с керамикой елгинского типа, вторая группа соотносится с керамикой сеногдинского типа, третья группа включает керамику северобайкальского типа, четвертую группу составляет керамика посольского типа и сосуды, украшенные горизонтальными желобами.

Керамика северобайкальского типа относится к бронзовому веку и датируется второй половиной III–II тыс. до н.э. (Емельянова, 2008; Емельянова, Харинский, 2008).

Керамика посольского типа встречается в Приангарье, Приольхонье, в северо-западном и западном Забайкалье и на среднем Енисее, где датируется в пределах III-го тыс. до н.э. (Горюнова, Хлобыстин, 1992: 44). Для керамики этого типа характерен треугольный налеп в верхней части сосуда, который выполнен с внешней или внутренней стороны.

В 1963 г. в районе села Байкальское работала археологическая экспедиция Иркутского государственного университета и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в составе П.П. Хороших, Л.П. Хлобыстина и студента Иркутского университета В. Аванесова. В ходе разведочных работ осмотрена стоянка (Байкальское VI).

«Площадь стоянки еще во второй половине XIX в. была распахана, в данное время эта пашня заброшена... При пахоте культурный слой на стоянке был сильно разрушен, поэтому место для разведочного раскопа не было выбрано. Все находки неолитической культуры и культуры бронзы были сделаны непосредственно на поверхности старой пашни... Наибольшее число находок древней культуры было обнаружено в северо-восточной части пашни, вблизи межевого знака» (Хороших, 1964: л. 1-2). На стоянке было найдено 15 фрагментов керамики елгинского типа. Среди орнаментов встречены дугообразные вдавления; валики, рассеченные поперечными вдавлениями, круглые вдавления и отверстия.

В 1978 г. работы на Северном Байкале проводит отряд археолого-этнографической экспедиции Института общественных наук БФ СО АН СССР (А.Д. Цыбиктаров и Л.В. Тиваненко). В 120 м к востоку от села Байкальское и в 200 м к югу от кладбища был собран подъемный материал.

В 1986 г. к работам в Северном Прибайкалье приступил Северобайкальский отряд Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (руководители В.В. Свинин, А.В. Харинский). На стоянке Байкальское VI с площади 4000 кв. м собран подъемный материал. Среди находок отщепы, в том числе со следами обработки, нуклеусы, шлифовальный камень, кольцо из белого нефрита, керамика с оттисками сетки-плетенки, штрихов и шнура.

Имеющиеся к настоящему времени данные позволяют датировать стоянку III тыс. до н.э. – серединой I тыс. н.э. На ней фиксируется керамика, которую по морфологическим, технологическим и орнаментальным признакам можно распределить по четырем типам: посольская, северобайкальская, сеногдинская и елгинская. Также выделяется еще один тип керамики, широко распространенный в Прибайкалье в бронзовом веке, но пока не получивший конкретного названия. Он представлен сосудами с округлым дном. Среди орнаментов преобладают вдавления, выполненные лопаточкой прямоугольной формы, или круглые вдавления, нанесенные с внутренней (жемчужины) или внешней стороны сосуда. Подобная керамика широко представлена на памятниках глазковской культуры Прибайкалья, поэтому ее предлагается назвать глазковской.

Благодаря шурфовочным работам 1978 и 1986 г.г. удалось определить площадь стоянки, на которой фиксируется не разрушенный перепашкой культурный слой. Его размеры 30x120 м. Археологический материал, представленный керамикой

северобайкальского типа и изделиями из камня, залегает в прослойке темно-серой супеси на глубине около 50 см.

Памятник Байкальское VII был открыт в 1988 году сотрудником Иркутского государственного университета М.А. Зайцевым. Зафиксирована одна каменная искусственная кладка круглой формы, сделано ее описание.

В 1995 году экспедиционным отрядом под руководством А.В. Харинского памятник Байкальское VII был вновь обследован. Выявлено несколько искусственных кладок. Вскрыт комплекс № 1. Материал представлен фрагментом рога благородного оленя, фрагментами костей животных и остатками сосуда с оттисками шнура с внешней стороны стенок.

В 2006 году на памятнике Байкальское VII были произведены археологические раскопки. Они явились результатом совместной работы Иркутского государственного технического университета, Центра детско-юношеского туризма и краеведения города Иркутска и учащихся лицея № 6 города Северобайкальска.

Памятник Байкальское VII расположен в 0,45 км к северо-востоку от села Байкальское, в юго-западной части мыса Лударь, на небольшой площадке, северо-восточная часть которой поросла сосновым лесом. К востоку от нее располагается ЛЭП, идущая из с. Байкальское к маяку на мыс Лударь (между столбами ВП – 4/13 и ВП – 4/14, Ф -2, 2011).

В 2006 году на могильнике Байкальское VII был разбит раскоп, размером 4 x 5, в 2 м к северо-востоку от раскопа 1995 года. В результате проведенных работ удалось установить, что погребение оказалось ограбленным в древности, так как каменная конструкция над могильной ямой была потревожена, камни разбросаны.

Во время проведения раскопочных работ на комплексе № 2 было обнаружено 492 фрагмента керамики, бронзовая поясная пластина, железное изделие, фрагмент кости оленя и несколько человеческих костей. Погребение № 2 могильника Байкальское VII было отнесено к развитому железному веку, датируемому рубежом эр (Коростелев А.М., 2006).

Это подтверждает «елгинский» тип захоронения: могильная яма была ориентирована по линии северо-запад – юго-запад. Судя по ее пропорциям, погребенного хоронили с подогнутыми ногами. Носители «елгинских» погребальных традиций распространяются на северном побережье Байкала в III в. до н. э., переселяясь сюда из Приольхонья и Баргузинской долины. Вероятно, их появление не сопровождалось полной ассимиляцией или вытеснением местного населения. Обнаруженная поясная пластина относится к хуннскому времени. И хотя байкальское побережье располагалось за пределами хуннской державы, ее культурное и экономическое влияние было столь значительным, что нашло отражение в материальной и духовной культуре его обитателей.

На археологическом памятнике Байкальское VII керамику можно разделить на 2 группы: гладкостенную и шнуровую. Гладкостенные сосуды, орнаментированные налепными валиками, достаточно часто встречаются на побережье Байкала в археологических комплексах конца I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э.

Стоянка **Байкальское VIII** была выявлена в 1988 году. В 2013 году были проведены раскопочные работы Ю.А. Емельяновой совместно с учащимися лицея № 6 (руководитель М.Н. Каримова) и группой школьников Иркутского Центра детско-юношеского туризма и краеведения (руководитель М.Л. Бородина) на стоянке **Байкальское VIII**, но материалы проведенных работ пока не введены в научный оборот.

Результаты работы с подъемным материалом.

4 августа 2013 на склоне мыса Лударь под руководством учителя истории МБОУ «Лицей №6» Каримовой М.Н. мною и выпускницами Колосовой Татьяной (лицей №6) и Акимовой Дарьей (гимназия №5), а также учеником 9 класса лицея №6 Лебедевым

Владимиром был собран подъемный материал. Материалы были собраны между столбами ВП – 4/11 – ВП – 4/14, Ф – 2. 2011. Столбы расположены между археологическими памятниками Байкальское VI, VII, VIII. (Приложение № 1).

Материалы подъемного сбора представлены в количестве 45 фрагментов керамики и 28 предметов каменной индустрии.

У столба ВП 4/11. Ф – 2. 2011 найдено 6 фрагментов керамики и 4 отщепа. Два фрагмента керамики и отщепа не поддаются описанию - слишком малы (Приложение №№ 2, 3).

Первый фрагмент представлен венчиком сосуда гладкостенной керамики с двумя налепными валиками, рассеченными лопаточкой. Цвет темно-коричневый, толщина 0,4 см, длина фрагмента 2,7 см, ширина 2,4 см.

Второй фрагмент – это, скорее всего, тулово сосуда. Длина 2,3 см, ширина 1,4 см, толщина 0,4 см, цвет темно-коричневый.

Третий фрагмент – это часть сосуда с ромбическими оттисками. Цвет темно-коричневый, толщина 0,4 см, длина 2,3 см, ширина 1,4 см.

Четвертый фрагмент – это, вероятно, тулово сосуда. Цвет темно-коричневый со следами нагара с внутренней стороны, на внешней стороне имеется штамп округлой формы. Толщина фрагмента керамики 0,3 см, длина 2,3 см, ширина 1,1 см.

У столба ВП – 4/12, Ф – 2. 2011 найдено два фрагмента керамики (Приложение №№ 4, 5).

Первый фрагмент - тулово сосуда гладкостенной керамики. Цвет светло-коричневый, с внутренней стороны имеется нагар, проявляются кусочки камня. Толщина керамики 0,6 см, длина 2,6 см, ширина 1,9 см.

Второй фрагмент принадлежит к шнуровой керамике. Имеется нагар с внутренней стороны, цвет керамики темно-коричневый. Толщина фрагмента 0,4 см, длина 2 см, ширина 2,5 см.

У столба ВП – 4/13, Ф – 2. 2011 обнаружен один фрагмент. Венчик грибовидный внешне, слегка отогнут наружу. Отогнутая часть венчика орнаментирована двумя рядами наклонно поставленных оттисков, длина которых 0,5 см. На фрагменте венчика имеются три сквозные горошины, украшен венчик рядами вертикально (наклонно) поставленных оттисков мелкозубчатого орнамента. Цвет сосуда песчаный, толщина 0,6 см, длина 3,2 см, ширина 2,2 см (Приложение №№ 6, 7).

У столба ВП – 4/14, Ф – 2.2011 найдены самые многочисленные материалы, которые представлены 36 фрагментами керамики из 6 сосудов, 1 резцом, 21 отщепом, 2 – микропластинами, 5 фрагментами неопределяемой кости (Приложение № 8).

Первый предмет – резец из яшмы, подработана дорсальная и вентральная стороны (Приложение № 9).

Первый сосуд представлен двумя фрагментами. Первый фрагмент гладкостенного сосуда, украшенного горизонтальными зигзагообразными вдавлениями, выполненный лопаткой с ребристым окончанием. Цвет темно-коричневый, толщина стенки 0,5 см, длина 2,6 см, ширина 2,3 см (Приложение № 10).

Верх второго фрагмента ближе к тулову украшен зигзагообразными вдавлениями лопаточки с ребристым окончанием. Между зигзагами имеются прямые вдавления, также выполненные лопаткой с ребристым окончанием. Толщина 0,5 см, длина 1,8 см, ширина 2,7 см (Приложение № 11).

Фрагмент венчика второго сосуда выполнен лопаточкой с ребристым окончанием и украшен двумя рядами вдавлений. Сосуд простой открытой формы. Цвет светло-коричневый, проглядываются осколки камня, толщина фрагмента 0,7 см, длина 2,4 см, ширина 2,1 см (Приложение № 12).

Третий сосуд представлен одним фрагментом светло-коричневого цвета. Венчик декорирован рядом вдавлений, выполнен лопаточкой с ребристым окончанием. Верх венчика имеет сквозные отверстия круглой формы диаметром 0,4 см. Толщина фрагмента 0,7 см, длина 2,3 см, ширина 1,7 см (Приложение № 13).

Четвертый сосуд гладкостенной керамики представлен пятью фрагментами. Самый крупный имеет длину 2,8 см, ширину 2,7 см, толщину 0,5 см.

У пятого сосуда сохранились три фрагмента. Первый фрагмент ближе к венчику имеет наклонные горизонтальные вдавления, ниже просматривается два ряда зигзагообразных вдавлений. Длина 1,7 см, ширина 1,1 см, толщина 0,3 см. Второй фрагмент ближе к тулову украшен двумя рядами зигзагообразных и круглых вдавлений. Зигзаги нанесены тонкой лопаточкой с ребристым окончанием. Сосуд имеет внешнюю поверхность с ромбическим оттиском, сторона ромба 0,4-0,5 см. Длина фрагмента 2 см, ширина 1,5 см, толщина 0,3 см. Третий фрагмент орнаментирован сверху горизонтальным рядом вертикально поставленных оттисков зубчатого штампа, расстояние между которыми 0,3 см. Ниже проходит ряд зигзагообразных вдавлений. Длина фрагмента 1,4 см, ширина 1,1 см, толщина 0,5 см (Приложение № 14).

Самый крупный фрагмент **у шестого сосуда**. Внешняя поверхность покрыта ромбическими (вафельными) оттисками. Сторона ромба составляет 0,4-0,5 см. Устье сосуда украшено двумя рядами оттисков, которые представляют пунктирные линии, поставленные наклонно (вправо). Расстояние между оттисками 0,3-0,4 см. Возможно, в качестве орнамента применялась деревянная лопаточка с ребристым окончанием. Ниже сосуд украшен двойным рядом горизонтальных зигзагообразных вдавлений. Длина вдавлений 1,5 - 1,7 см. Ширина фрагмента ближе к венчику 3,5 см, к тулову 4,3 см, длина 4,1 см, толщина 0,5 см (Приложение № 15).

У столба ВП – 4/15, Ф – 2, 2011 материалов не найдено, так как бульдозером был снесен культурный слой земли до глубины 15 – 25 см. Если там что-то и было, то без проведения раскопочных работ обнаружить это невозможно (Приложение №16).

Заключение.

Среди находок на мысе Лударь преобладают фрагменты керамики гладкостенных сосудов, а также керамики с ромбическими оттисками («вафельная» керамика), относящимися к типу курлинской.

Гладкостенная керамика, орнаментированная налепными валиками, встречается на разнотипных археологических объектах всего побережья озера Байкал и датируется исследователями, как правило, второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э. Наиболее представительным ее комплексом является керамика елгинского типа. Период бытования елгинской керамики на побережье Байкала соответствует III в. до н.э. – IV в. н.э. (Харинский, 2005). «Елгинцы» появляются на северном побережье Байкала в III веке до н.э., переселяясь сюда из Приольхонья и Баргузинской долины. Их появление в нашем крае знаменует начало нового культурно-исторического этапа, характеризующегося широким распространением изделий из железа.

Керамика с оттиском шнура встречается на всей территории Прибайкалья с наибольшей концентрацией в Приольхонье и на северо-западном побережье Байкала (Харинский, 2005). При этом период бытования охватывает достаточно большой промежуток времени с конца II - начала I тыс. до н.э. В конце II тыс. до н.э. на

территорию западного побережья озера Байкал со своим погребальным обрядом и материальной культурой проникает культура плиточных могил Забайкалья. Изначально «плиточники» обосновываются в лесостепном Приольхонье, где условия для скотоводов более благоприятны, нежели на Северном Байкале. По отношению к местному населению охотников-рыбаловов «плиточники» стали доминирующей общностью. Преобладающей в их среде была керамика с оттисками шнура. В начале I тыс. до н.э. керамика сеногдинского типа (шнуровая) распространяется по всему побережью Байкала (Кичигин, 2009). Именно «плиточники» познакомили местное население со скотоводством. Во II в. до н.э. шнуровая керамика выходит из употребления. На смену ей приходят гладкостенная и вафельная (ромбическая) керамические традиции.

Временные рамки вафельной керамики пока сложно определить. Ряд ученых именует керамику с ромбическими оттисками как керамику курлинскую (по названию объекта Курла IV), где такая керамика впервые была встречена (в 5 км от города Северобайкальска).

Таким образом, подъемным материалам, собранным с поверхности земли мыса Лударь, где нарушен культурный слой в результате установления столбов для проведения сотовой связи, около 4 – 2 тысяч лет. Найденные материалы относятся к трём основным типам керамики, которые бытовали на Северном Байкале. С имеющейся информацией о подъемном материале с мыса Лударь необходимо ознакомить местное население, чтобы показать уникальность этих мест и их связь с древним прошлым нашего края. Хотелось бы, чтобы люди были внимательны, не рушили памятники культуры, не увозили с собой материалы, а приносили находки в музей города и района.

Литература.

1. Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала: Сб. науч. тр. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1992. – С. 41-56.
2. Емельянова Ю.А. Керамика северобайкальского типа // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2008. - № 4/5. – С.58-62.
3. Емельянова Ю.А., Харинский А.В. Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. - Вып. 6. – С. 145-166.
4. Кичигин Д.Е. Шнуровая керамика периода позднего бронзового – раннего железного веков западного побережья озера Байкал // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.) – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – с.158-165.
5. Коростелев А.М. Предметы звериного стиля в материалах погребений Предбайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. Гос. Пед. Ун-та им. В.П. Астафьева, 2006. – Т.1. – С. 131-136.
6. Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок. // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. - Вып. 7. – С. 86-132.

7. Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. //Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. - Вып. 3. – С. 198-215.
8. Хороших П.П. Археологические исследования на северном берегу оз. Байкал, в районе с. Байкальское. – Архив ИА РАН. – Р.1., № 2675. – 47 л. (Иркутск, 1964).

Приложение № 1. Мыс Лударь.

Приложение № 2. Столб (ВП – 4/11, Ф-2, 2011).

Приложение № 3. Фрагменты гладкостенного сосуда.

Приложение № 4. Столб (ВП – 4/12, Ф – 2, 2011).

Приложение № 5. Материалы, собранные у столба ВП – 4/12.

Приложение № 6. Столб (ВП – 4/13, Ф-2, 2011).

Приложение № 7. Венчик со сквозными отверстиями.

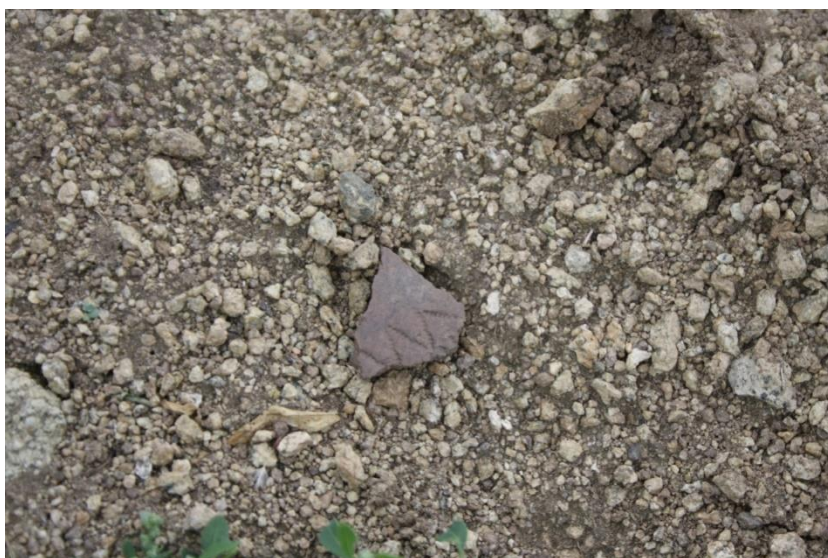
Приложение № 8 Столб (ВП – 4/14, Ф – 2, 2011).

Приложение № 9. Резец из яшмы.

Приложение № 10. Фрагмент с зигзагообразными вдавлениями.

Приложение № 11. Фрагмент с зигзагообразными и прямыми вдавлениями.

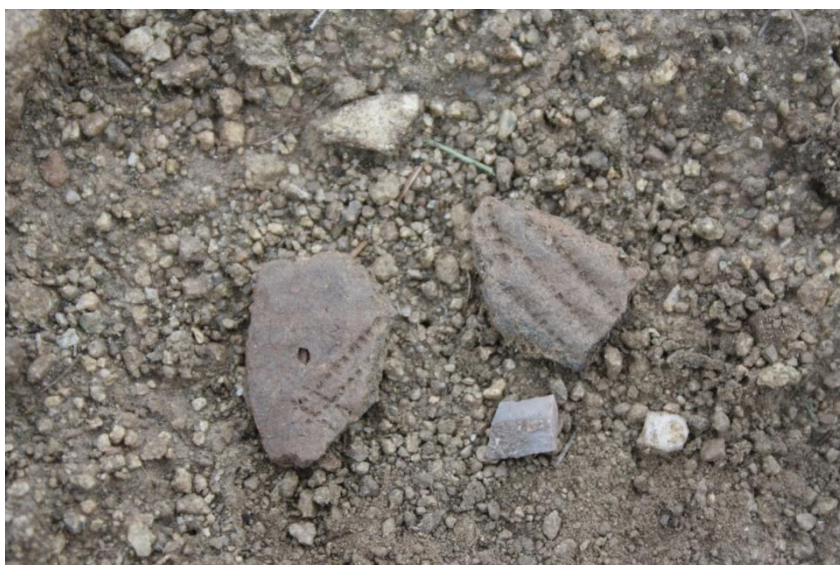
Приложение № 12. Венчик с двумя рядами наклонных (вправо) вдавлений.

Приложение № 13. Венчик со сквозными круглыми вдавлениями и горизонтальными рядами оттисков, поставленных вертикально.

Приложение № 14. Фрагменты с оттисками зубчатого штампа.

Приложение № 15. Устье сосуда с наклонными и горизонтальными вдавлениями.

Приложение № 16. Столб ВП – 4/15, Ф – 2, 2011.

Каменные наконечники стрел.

Юдин Даниил Антонович, учащийся МБОУ «Лицей №6».

Введение.

Древний период развития человека длился очень долго. За это время человечество пережило 3 исторических этапа, которые учёные называют каменным, бронзовым и железным веками. Каменный век был самым длинным в развитии человечества. Первыми орудиями человека в этот период были осколки костей, острые палки и грубо обработанные камни. Камень оказался долговечнее других материалов, и с 2,5 миллионов лет назад до III тысячелетия до н. э. камень доминировал в человеческой технике. Вот почему этот период археологи назвали каменным веком. Он делится на палеолит, мезолит и неолит. Во времена палеолита (длился он до X тысячелетия до нашей эры) человек был неотъемлемой частью природы. Для жилья использовал пещеры, охотился на мелких зверей, птиц, занимался собирательством съедобных растений. Орудия труда (скребки и ножи) он делал из твердых горных пород: кремня, обсидиана и кварцита. В мезолите (он длился с X до VIII тысячелетия до нашей эры) человек и его образ жизни сильно изменились. Люди стали жить

родовой общиной, во главе которой стояли наиболее опытные, старшие члены. Человек покинул пещеры и стал строить жилища из дерева и камня. В это же время появилось искусство — на стенах пещер человек начал рисовать зверей и людей. В человеке зарождалось чувство прекрасного: он стал делать для себя украшения, используя для этого золотые самородки, найденные в речном песке. Изменился и способ изготовления каменных орудий, а также сами орудия. Появились микролиты — мелкие каменные орудия: заостренные каменные ножи, острые наконечники стрел и копий. С наступлением неолита (охватывает период с VIII по III тысячелетие до нашей эры) человек научился шлифовать и полировать каменные орудия, а также изготавливать изделия из глины: посуду, предметы утвари. Меня очень заинтересовали наконечники стрел, которые археологи часто находят при раскопках. В своей работе я **поставил цель**: изучить способы изготовления каменных наконечников стрел.

Задачи я определил так:

1. изучить необходимую литературу по данной теме;
2. проанализировать материалы археологических раскопок на территории Сибири, Бурятии и северного Байкала;
3. провести сравнительно-типологический анализ изученных материалов;
4. ввести в научный оборот найденные наконечники стрел на мысах Тонкий и Красный Яр.

Методы исследования:

1. анализ литературы, интернет ресурсов по данной теме;
2. фотографирование, копирование наконечников стрел;
3. сравнительно-типологический метод.

Объект исследования: наконечники стрел.

Предмет исследования: способы изготовления каменных наконечников стрел.

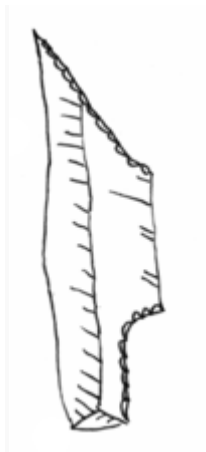
Глава 1. Каменные наконечники стрел.

Наконечники стрел - это самое грозное оружие из всех, созданных первобытным человеком. Еще недавно ученые полагали, что оно появилось сравнительно поздно: около **10 тысяч лет назад**. Но теперь многие археологи уверены в том, что в действительности лук начал применяться гораздо раньше. Миниатюрные кремневые наконечники стрел ныне обнаружены на поселениях, где люди жили и **15, и 22, и даже 30 тысяч лет тому назад!** Правда, в течение всего верхнего палеолита эти находки так и не стали массовыми. Вот немного позднее, в неолите, они встречаются повсеместно и в очень большом количестве. Палеолитические же наконечники стрел характерны лишь для отдельных культур, но не для Сибири и нашего края. Это говорит о том, что на протяжении, по крайней мере, двадцати тысяч лет применение лука и стрел было весьма ограниченным. Возникает вполне естественный вопрос: почему так случилось? Что ж, этому есть свое объяснение. Всякое изобретение, даже самое совершенное, внедряется в жизнь и начинает совершенствоваться лишь тогда, когда оно действительно необходимо своей эпохе, своей культуре. При загонной охоте, вполне обеспечивавшей человека необходимой добычей, лук, конечно, не был совсем бесполезен, однако решающей роли не играл. Вообще, значение лука как охотничьего оружия изрядно преувеличено в нашей литературе. Те же этнографические наблюдения показывают, что весьма развитые охотничье-собирательские племена успешно добывали себе нужное количество дичи, главным образом, «безлучными» способами. К примеру, народы таежной зоны Сибири и Крайнего северо-востока, как правило, знали лук, но искусством стрельбы не отличались. На северных оленей там охотились с помощью копий, а на морского зверя — с поворотными гарпунами и сетями. По-

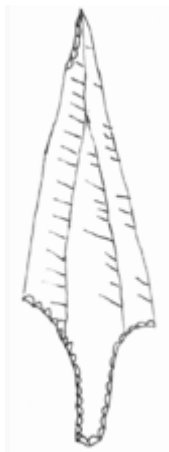
видимому, уже в мезолите-неолите лук был не только охотничьим, но и военным оружием. И именно в этом качестве он оказался действительно незаменим. Дальнейшее совершенствование лука и развитие приёмов стрельбы связаны, прежде всего, с участвовавшими столкновениями между человеческими коллективами. **Стрела** - метательный снаряд, предназначенный для поражения цели на расстоянии с помощью выстрела из лука. Данному снаряду свойственны две основные функции - аэродинамическая, благодаря которой он за короткий отрезок времени преодолевает значительное расстояние по воздуху, сохраняя устойчивость в полете, и проникающая, за счет которой обеспечивается эффект поражения намеченной цели. Лук и стрелы были основным орудием охоты и оружием у многих народов мира со времени своего изобретения в эпоху мезолита и до того, как были вытеснены и заменены огнестрельным оружием (позднее средневековье и новое время). У древних и средневековых кочевников Центральной Азии они служили основными видами оружия дистанционного боя со времени освоения на рубеже раннего железного века верховой езды и распространения тактики рассыпного строя в конном бою (Худяков Ю.С. 2004). **Наконечник стрелы** — передняя часть стрелы, непосредственно поражающая цель. Изготавливается из твёрдого материала (камень, кость, рог, раковины, металл и т. п.) или дерева. Форма наконечников была разнообразной, древнейшей является листовидная. В принципе, длина древка стрелы должна соответствовать расстоянию между натянутой тетивой и древком лука, а ее наконечник должен быть более или менее уравновешен с древком для ровного полета. В пределах этих требований допускались любые формы наконечников. Кость и камень даже после широкого распространения металлов еще долго использовались для изготовления боевых наконечников стрел. Они годились не только для охоты на мелкого зверя и птицу: костяные и каменные наконечники стрел находят застрявшими в крупных костях людей и животных. С древнейших времен известны специальные стрелы оригинальной конструкции. Некоторые типы японских стрел гудели в полете. Их запускали залпом для деморализации противника. Существовали стрелы со специализированным наконечником, например, типа долота, которым можно было пробить дно вражеской лодки. На Востоке стрелы часто несли на себе зажигательный снаряд или пороховой ускоритель в виде миниатюрной «ракеты» с фитилем, благодаря которому стрела получала дополнительный толчок, находясь уже на излете. Охотничьи стрелы могли иметь тупой наконечник, который мог убить зверька силой удара, не повредив шкуру. Учебные и спортивные стрелы могли иметь на конце красящее вещество и расширенный затупленный наконечник. На Руси применялись наконечники разных типов: узкие, трехгранные и четырехгранные — для стрельбы по противнику в доспехах, с широким клинком или развилкой вместо острия — для стрельбы по коням, двушипные, ромбовидные и листовидные — для стрельбы по противнику без доспехов, грибообразные и шарообразные — для охоты на мелких пушных зверьков.

Выделяют несколько видов наконечников:

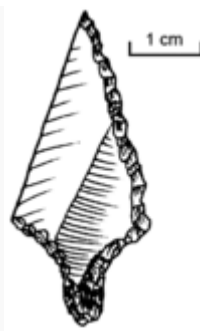
- лавролистные;
- иволистные;
- с выемкой в основании, которая формирует два шипа;
- с боковой выемкой, образующей черешок и выступ, препятствующий выпадению орудия из тела животного;
- с боковой выемкой и шипом;
- с черешком (каталонский тип);
- черешковые с шипами.

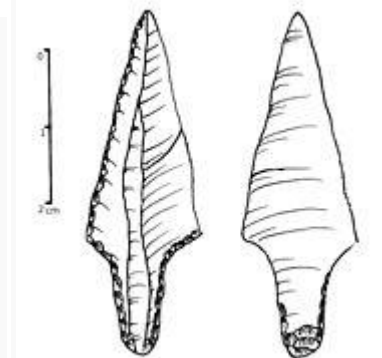
Наконечник гамбургской культуры

Наконечник культуры бромме

Наконечник аренсбургской культуры

Наконечник культуры

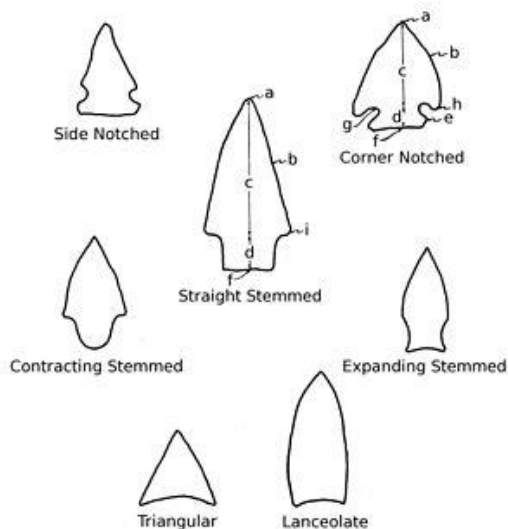
свидерской культуры

Крепление наконечника с выемками

В 1978 году Н.Н. Гурина предложила разделить все наконечники по форме пера на три типа: овальные, треугольные и ромбические. Основой для работы послужили 415 наконечников из 43 стоянок эпох неолита - раннего металла северо-запада европейской части бывшего СССР. Для описания наконечников стрел она представила следующие наименования частей этих изделий: острие, перо, шипы, черешок, основание или базовая часть. (Базалийский, 2010). В Википедии дано немного иное наименование частей.

Строение стрелы.

- a — остриё, кончик (*англ. point, tip*);
- b — лезвие, кромка (*англ. side, edge*);
- c — грань (*англ. blade, face*), причём одна сторона — спинка (*англ. face, dorsal surface*; *фр. revers, face externe*), а другая — брюшко (*англ. ventral surface*; *фр. avers, face d'ecartement, face plane, face interne*);
- d — черешок, насад (*англ. stem* — черешок, *tang* — хвостовик, *haft element* — насад);
- e — ступенька, уступок — (*англ. step*);
- f — основание, насад, база (*англ. base*);
- g — выемка (*англ. notch*);
- h — шип, зубец (*англ. hard, barb*);
- i — плечико (*англ. shoulder*).

Способы обработки камня.

В зависимости от цели различают следующие способы обработки камня: 1) собственно расщепление с целью получения скола определенной формы; 2) ретуширование или вторичная обработка – изменение формы изделия определенными приемами; 3) специальная обработка для получения изделия заданной формы (Бердников, 2003). Способ расщепления камня практически до второй половины XX века оставался загадкой для археологов. Однако наибольших успехов в этом добились североамериканские исследователи Джон Кларк и Джин Титмус. Д. Кларк сделал акцент на трех составляющих – (1) инструменте для отжима, (2) ориентация камня, а также (3) рабочей позе мастера (рис. 1). Важной деталью отжимника был дополнительный «крюк» или брусок, прикрепленный к рукояти (рис. 2). Именно этой частью и производилось, по мнению Д. Кларка, снятие пластин. Серия опытов позволила найти положение при снятии – камень упирался концом в небольшой холмик и не зажимался, а лишь фиксировался ступнями ног. Один конец отжимника упирался при этом в живот, а за второй Д.Кларк брался двумя руками и направленным усилием «вперед+вверх» снимал заготовку нуклеуса. За первой пластиной по часовой стрелке следовала вторая, третья и так далее по спирали. Для предотвращения соскальзывания рабочего конца отжимника он рекомендовал обрабатывать ее перед началом расщепления абразивом (песком или камнем). Технику Д. Титмуса отличают несколько нюансов: он использует для упора камня небольшой деревянный брусок с V-образной выемкой, имитирующей ямку или холмик, экспериментирует с более широким спектром материалов для рабочей части отжимника (медь, твердые породы дерева, эбонит, рог), а также предпочитает оставаться в обуви (рис. 3). В мае 2000 г. в Университете штата Пенсильвания состоялась практическая конференция, метод получения пластин Д. Кларком и Д. Титмусом был признан одним из наиболее эффективных и универсальных (Табарев, 2006).

Глава 2. Каменные наконечники стрел на севере Байкала.

Самые ранние следы пребывания человека на северном побережье Байкала относятся к периоду верхнего палеолита – мезолиту. Они зафиксированы на нескольких стоянках Курла и на берегу Лударской губы. Памятников, датирующихся более поздним временем, отмечено намного больше. Они встречаются на берегах практически каждой бухты. Изделия из камня преобладали до конца 1 тыс. до н.э. (Харинский, Емельянова, Рыков, 2009). На Лысой Сопке найдено 5 наконечников стрел, изготовленных из пластин. По форме они различаются: 4 экземпляра треугольной формы и один лавролистной. Края пера лавролистного наконечника выпуклые, суживающиеся к острию, база насада округлая. У треугольных наконечников края оформлены

параллельной разнофасеточной ретушью. У трёх из них база насада вогнутая, с симметричными жальцами (рис.4 – 1-3), а у одного слегка выгнута наружу (рис.4-4).

Четыре наконечника стрел обнаружено на поселении Байкальское III (рис.4 –5- 8). Один изготовлен из цветного красно-серого кремня. Наконечник треугольной формы, база насада прямая. Край насада обломан, жало симметричное и оформлено мелкой стелящейся ретушью по обоим концам заготовки (Емельянова, 2011). При обследовании мыса Тонкий на памятниках Богучанская XI был обнаружен обломок изделия с двухсторонней ретушью, напоминающий наконечник стрелы (рис. 5), а на Богучанская XII – черешковый наконечник стрелы с обломанным острием (Лыхин, 2003).

На стоянке Красный Яр II, расположенной в 3 км к северу, северо-востоку от с. Байкальское, в северной части Лударской губы в I культурном слое найдены фрагменты наконечников стрел подтреугольной формы с прямой и слегка вогнутой базой, ромбовидной и листовидной формы, которые датируются II половиной I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (рис.6), во II культурном слое - наконечник стрелы подтреугольный удлинённой формы со слегка вогнутым насадом; фрагменты наконечников стрел подтреугольной формы с прямой и слегка вогнутой базой (рис.7). II культурный слой датируется эпохой неолита – бронзового века (III– первая половина I тыс. до н. э.) (Кичигин, 2010).

В августе 2008 года учителем истории лицея № 6 Каримовой М.Н. на мысе Красный Яр был найден кремневый наконечник стрелы серо-зеленого цвета, который я исследовал. Остриё наконечника отсутствует. На месте скола наконечник имеет ширину- 6 мм, толщину – 3 мм. Лезвие: длина-3см, толщина- 3мм. Грани: спинка- 4 мм, брюшко- 5 мм. Черешок: ширина- 2см, толщина- 6 мм (рис. 8).

В октябре 2006 года во время экскурсии на мыс Тонкий учеником лицея № 6 Киреевым Игорем были найдены три наконечника стрелы. Один наконечник был передан в Северобайкальский музей истории БАМ, а два других хранятся в нашей школе. Острие наконечников отсутствует. Фрагменты наконечников стрел подтреугольной формы с прямой и слегка вогнутой базой. Ширина на месте скола составляет 4 мм, толщина-1 мм. Длина лезвия 4,5 см, толщина- 1 мм. Грани: спинка- 2 мм, брюшко-2 мм. □

древко без крепления. Данные наконечники стрел использовались для охоты на мелких животных и на водоплавающих птиц, а также при столкновениях между племенами.

Наконечник с мыса Красный Яр имеет листовидную форму с вогнутой базой, база насада округлая. Возможно, наконечник использовался для охоты более крупного зверя: северного оленя, козу и т.д.

Список литературы.

1. Ю.С. Худяков. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии. *Этнографическое обозрение*. № 1, 2004, с. 102-111.
2. В.И. Базалийский. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника «Локомотив». *Известия лаборатории древних технологий*, № 8, 2010, с. 154-192.
3. Н.Е. Бердников. Расщепление камня и морфология сколов. *Известия лаборатории древних технологий*, №1, 2003, с. 134-155.
4. А.В. Табарев. Поющие пластины (технология расщепления полиэдрических нуклеусов в культурах Мезоамерики по археологическим, историческим и экспериментальным данным). *Известия лаборатории древних технологий*, №4, 2006, с.65-73.
5. А.В. Харинский, Ю.А. Емельянова, Г.К. Рыков. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок. *Известия лаборатории древних технологий*, № 7, 2009, с. 86-132.
6. Ю.А. Емельянова. Каменная индустрия северобайкальской культуры. Материалы международной научной конференции (Иркутск, 3-5 мая, 2011), Выпуск №2.
7. Ю.П. Лыхин. Археологическое обследование трассы автодороги Тья-Байкальское летом 1983 года. *Известия лаборатории древних технологий*, №1, 2003, с. 134-155.
8. Д.Е. Кичигин. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы. *Известия лаборатории древних технологий*, № 8, 2010, с. 154-192.
9. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Приложение. Рис. 1. Положение мастера при расщеплении камня.

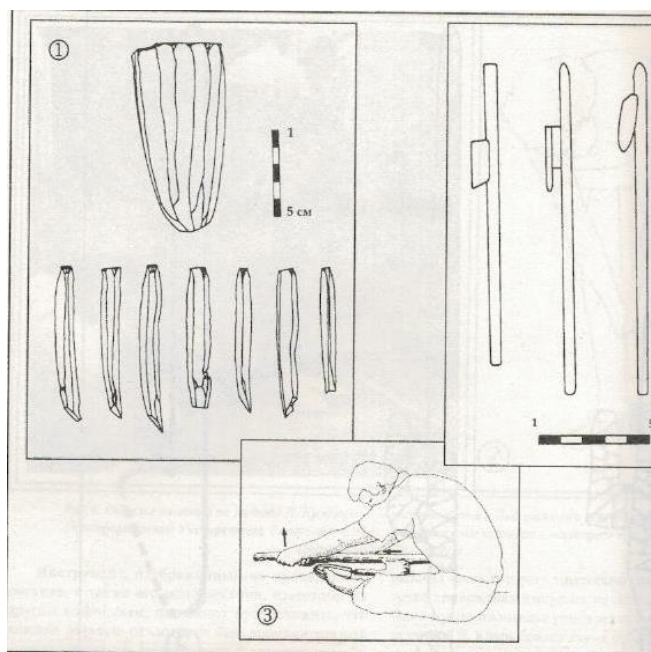

Рис. 2. Инструменты для получения пластин по рисункам в испанских хрониках (Кларк, 1982).

Направление сил, действующих на камень и отжимник в ходе экспериментов Д. Кларка.

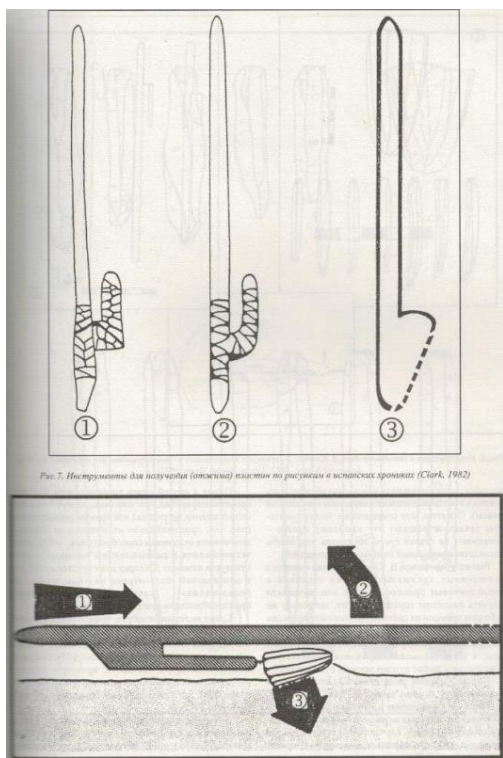

Рис. 3. Д. Титмус в процессе работы.

Рис. 4. Наконечники стрел на Лысой Сопке и Байкальское Ш.

Рис. 5. Подъемный материал из объекта Богучанская XI.

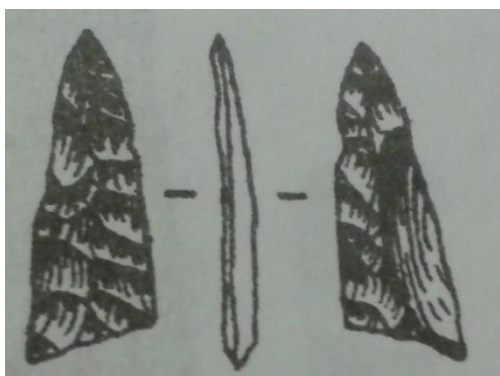

Рис. 6. Стояка Красный Яр II. Каменные изделия из 1 культурного слоя.

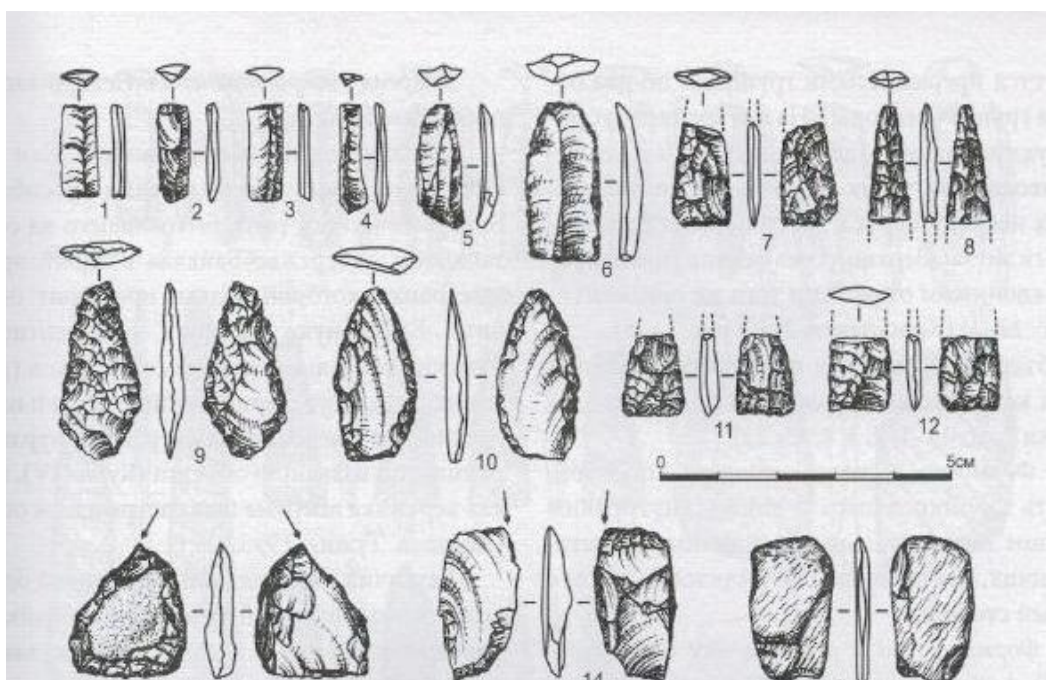

Рис. 7. Стоянка Красный Яр II. Каменные изделия из 2 культурного слоя.

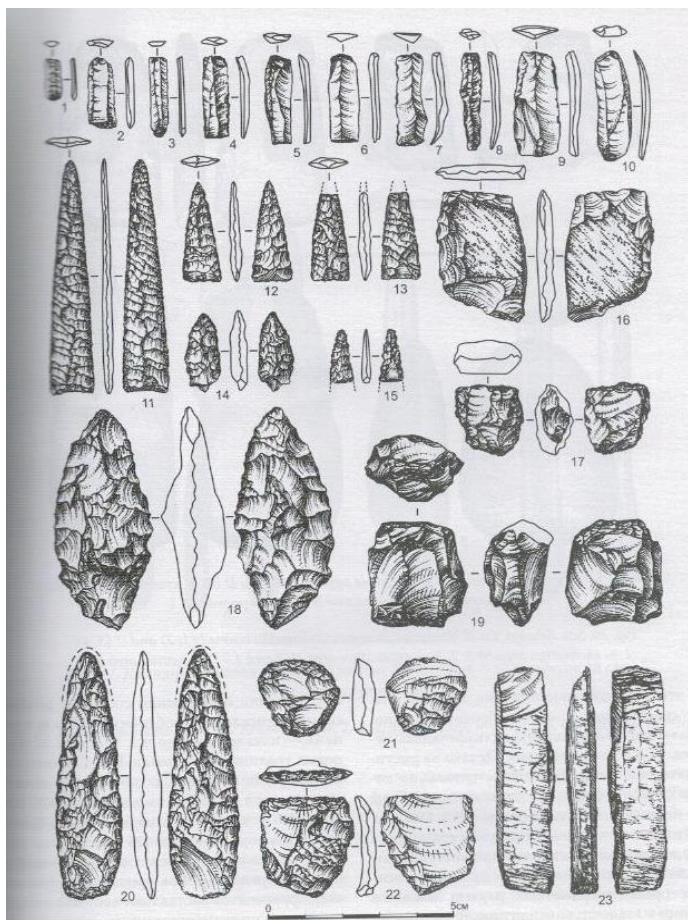

Рис. 8. Мыс Красный Яр – наконечник стрелы из кремня.

Рис. 9. Мыс Тонкий – наконечник стрелы.

Тайны мыса Писаный Камень.

Евсеенко Ульяна Витальевна, выпускница 2018 года МБОУ «Лицей №6».

Введение.

В исследовании Сибири большое внимание уделяется памятникам древнего наскального искусства на озере Байкал. Наскальное искусство имеет огромное значение в понимании взаимоотношения между древними людьми и окружающей их средой, поскольку наскальные рисунки являются единственным наглядным доказательством того, как жили люди в далёком прошлом.

Мыс Писаный Камень также является памятником древнего искусства. Он удивителен и уникален, но не спешит раскрывать свои тайны. Там расположены наскальные рисунки, святилище, где на поверхности земли находятся большие скопления орнаментированной керамики.

Писаный Камень на сегодняшний день изучен недостаточно. Впервые летом 1983 года Северобайкальским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного технического университета под руководством профессора Лыхнина Ю.П. был исследован участок береговой линии Байкала между мысом Писаный Камень и мысом Тонкий, на котором выявлено 16 местонахождений археологических объектов. На самом мысе 2 объекта – Балтаханова II и Богучанская I. Также исследования на Писаном Камне были детально проведены учёным Тиваненко А.В. Итогом исследований этого учёного стала монография «Древнее наскальное искусство Бурятии», изданная в 1990 году. Однако в работе не упоминается о тех наскальных рисунках, которые я обнаружила о время краеведческой экспедиции в августе 2014 года на высоком скальном выступе, вдающемся в озеро Байкал. **Целью моей работы стало** ввести в научный оборот найденные рисунки. **Задачи исследования:** систематизировать археологические материалы, полученные при исследовании мыса Писаный Камень; довести информацию до сведения учёных Иркутска и Бурятии и закрепить за собой авторство открытия. **Методы исследования:** работа с научной литературой, фотографирование и копирование рисунков, работа с археологической коллекцией, сравнительно-типологический метод. **Объекты исследования:** наскальные рисунки. **Предметом исследования является** периодизация, способы нанесения наскальных рисунков и их типология.

Глава I. Наскальные рисунки Восточной Сибири, Бурятии, северного Байкала.

Большое количество наскальных изображений было открыто в ходе археологического изучения Сибири. К огромному массиву сибирских писаниц можно отнести наскальные рисунки в долинах рек Енисея, Лены, Ангары, Томи и их многочисленных притоков. Сюжеты наскальных рисунков весьма разнообразны, но, в общем, они тесно связаны с хозяйственной деятельностью и мировоззрением древних обитателей края. Рисунки принадлежат не одной народности, и давность их различная.

Первые сведения о наскальных рисунках Байкала сообщил Н. Н. Аганитов в 1881 г. Однако этим исследователем были зарисованы только основные, более четко видимые изображения. Причем рисунки им были сделаны «на глаз», поэтому в них имеются неточности (<http://www.visitburyatia.ru/story/>).

В 1921, 1923, 1927, 1949 и 1956 гг. наскальные рисунки Байкала были осмотрены П.П. Хороших, с них сделаны эстампажи и фотоснимки. (Приложения №1, №2)

Наскальная живопись является наиболее ярким примером стремления первобытного человека к искусству. Наскальные рисунки в научной среде получили название петроглифов. Это самостоятельный тип археологических объектов, требующий, соответственно, особого подхода к его изучению. Обычно различают рисунки, выполненные методами прочерчивания, выколачивания и др., повреждающие скальную поверхность, и рисунки, нанесенные красным гематитовым порошком, который хорошо впитывается в скальную породу. Жители Сибири рисунки на скалах часто называют писаницами. Первые петроглифы на северном побережье Байкала были обнаружены Коротневым в 1901 году. Он зафиксировал 2 рисунка. В 1978 году А.В. Тиваненко и А.Д. Цыбиктаров вновь осматривали наскальные рисунки на Лударе, Лударской губе. В 2,2 км к ССВ от села Байкальское на западном берегу Лударской губы у подножья скальных площадок выявили восемь пунктов писаниц, которые

приняты на государственную охрану под № 134 и датируются бронзовым веком(<http://egov-buryatia.ru/index.php?id=6783>).

Наскальные рисунки на мысе Красный Яр были обнаружены студенткой НГУ Каримовой Дианой в 2005 году. Первый рисунок представляет собой антропоморфную фигуру с рогатой головой, которая держит в руке палку или ветвь дерева. (Каримова, 2010).

Второй рисунок на мысе Красный Яр представлен изображением трех вертикально расположенных и попарно соединенных ромбов (Приложение 3). В 2008 - 2010 годах писаницы с южной стороны мыса Лударь были зафиксированы преподавателем истории Каримовой М.Н., фотографом Бурдиным Г.В. и ученицей лицея № 6 Ледянкиной Ириной. Количество их составляет девять пунктов. Работа Ледянкиной И. была защищена на конкурсе «Национальное достояние России», удостоена Диплома I степени и серебряного креста (Приложение №4). Ряд наскальных рисунков в районе села Байкальское были выявлены профессором Артуром Викторовичем Харинским (<http://www.istu.edu/news/25364/>)

В 2016 году были обследованы скальные обрывы мысов Лударь и Красный Яр Коростылевым А. М. (Приложение №5).

Несмотря на все проведённые исследования и сделанные открытия, я считаю, что писаницы северного Байкала ещё окончательно не изучены.

Глава II.

Периодизация наскальных рисунков.

Эта глава моей работы посвящена одной из самых сложных и, вместе с тем, актуальных проблем изучения древних наскальных изображений - их периодизации. Честь открытия большинства писаниц и публикации первых сводных трудов по наскальным изображениям Восточной Сибири связаны с именем выдающегося ученого XX века академика Алексея Павловича Окладникова. Ему принадлежит и первая периодизация петроглифов Предбайкалья, разработанная на материалах Шишкинской писаницы в 1959 году. Датировка наскальных рисунков представляет собой достаточно сложную задачу для любого исследователя. А.П. Окладников выделил пять хронологических групп, отличающихся, по его мнению, стилем, техникой выполнения, композиционным построением и характером сюжетов. Это эпохи «палеолита», «неолита», «палеометалла», «раннего средневековья» и «поздний пласт» (Мельникова, Николаев, 2006). (Приложение №6).

Эпоха палеолита – рисунки выполнены контурной линией «бледно-красной, с нежным лиловым оттенком в некоторых местах» краской. К этому периоду также были отнесены два изображения, представленные образами быка и лошади. Основанием для определения возраста явилось представление о том, что лошади и быки были обычной составной частью стада плейстоценовых травоядных. Возраст данных изображений, по мнению исследователя, составил XV- X тыс. л. н.

Эпоха неолита (VIII - VI тыс. лет назад) - ряд изображений, выполненных красочной контурной линией. Значительное место среди них занимают фигуры лосей и благородных оленей - маралов. Концом неолита ученый датировал несколько антропоморфных изображений с так называемыми «шаманскими коронами из перьев» на голове.

Эпоха палеометалла (VI– II тыс. лет назад) - «рогатые» антропоморфные фигурки с поднятыми руками. Самые знаменитые из них - это композиция «соляных» лодок,

«солнечная лань», фигура мифического зверя, «глотающего солнце», и несколько окаймленных лучами дисковидных предметов.

Самую многочисленную группу рисунков составили писаницы эпохи раннего средневековья - VI - X вв. н.э. Характерной особенностью данной группы является абсолютное преобладание изображений всадников. Персонажи петроглифов часто составляют многофигурные композиции: хороводы, сцены охоты, перекочевки и др.

Поздний пласт (X-XVIII вв.) представляют изображения, напоминающие раннесредневековые рисунки. Они являются как бы их упрощёнными копиями. Особенностью поздних петроглифов является определённая схематизация и огрубление создаваемых образов. В то же время отмечается детализация некоторых фигур: вырисовываются ноги у всадников, подчеркиваются некоторые элементы одежды, в виде елочки показывается хвост лошади и т.д. К наиболее выразительным рисункам данного периода А.П. Окладниковым отнесены изображения групп всадников и стоящих людей, сцены охоты и перекочёвок.

Глава III. Писаницы мыса Писаный Камень.

Мыс Писаный Камень находится в 7 километрах от села Байкальское, Северобайкальского района, Республики Бурятия. Он представляет собой невысокий холм с пологим и лесистым склоном в северной части, и обрывистым - в южной, который спускается в озеро Байкал серией отвесных скальных террас. У местных жителей существует мистическое представление о живущих на мысе Писаный Камень духах местности. Проплывающие мимо рыбаки оставляют у подножия утеса жертвенные приношения в виде монет, патронных гильз, грузил от сетей, спичек и т. д. Они надеются, что это обеспечит им удачный путь, богатую добычу на охоте и рыбалке, личное счастье. Люди уверены, что сами духи нарисовали эти изображения, «портрет Бурхана», в воле которого наказывать или одаривать каждого проезжающего человека. Бытует рассказ о некой экспедиции, которая, пытаясь «соскоблить» изображение Божества, вскоре была настигнута штормом и потоплена в водах Байкала.

Что касается ученых, то неоднократно проводившие в этих местах работы археолог П.П. Хороших, географ М.Н. Мельхеев и врач Я.М. Грушко утверждали, что никаких рисунков на скале нет. Мыс Писаный Камень, по их мнению, назван так потому, что на скале имеются естественные прожилки кварцевых вкраплений, в целом напоминающие голову «старухи». Отсюда, мол, и утверждение местных жителей о том, что, сколько бы ни стесывали «портрет бурхана», он вновь рисует свое изображение на том же самом месте. Профессор Я.М. Грушко, например, так писал по этому поводу: «Местное население считало этот мыс священным. На одной из вертикальных стен скалы, по преданию, находилось рельефное изображение их бога. Это изображение было высечено из скалы и, как рассказывают, увезено каким-то путешественником. Но бог рассердился и написал снова свое изображение на том же месте. В действительности в скале в белом кварце имеются цветные прослойки, которые по своим очертаниям напоминают угловатые контуры человеческого лица» (Тиваненко, 1990).

Нечто подобное отмечает и профессор М.Н. Мельхеев: «Писаный Камень – небольшой остроконечный мыс между губой Балтаханова и большой, далеко вдающейся в сушу глубокой бухтой Богучанская. Мыс сложен из светло-серой кристаллической породы. На гладкой отвесной поверхности скалы, невысоко над уровнем воды имеется размером до 40 см светло-фиолетового цвета грубое приблизительное изображение лица человека, которое получилось естественным путем – при выщелачивании горной породы. Изображение это раньше по-бурятски называлось Зууни Зураг Шулуун – «Восточный писаный камень». В настоящее время увидеть это изображение

невозможно. Подножие берега в этом месте затоплено, подход к скале возможен только на лодке» (Тиваненко, 1990).

Таким образом, мыс таит много тайн. Поиску истины была посвящена краеведческая экспедиция учащихся школ города 15 – 17 августа 2014 года, в составе которой была и я. Стоит отметить, что во время той экспедиции нам все-таки удалось найти наскальный рисунок. Однако ввиду сложного подхода к скале древние рисунки скопировать и измерить не удалось. Мы смогли лишь предположить, что петроглиф изображен в виде креста.

17 апреля 2016 года состоялась повторная экспедиция к этому месту в составе учителя истории Каримовой М.Н., фотографа Бурдина Г.В. и меня. В этот раз нам удалось подойти к этому месту по льду со стороны Байкала. Мы сфотографировали, измерили и зарисовали наскальные изображения. (Приложение №7,8).

Наши измерения таковы:

- 1. Камень, на котором находится рисунок:** ширина-49 см., высота -38 см, ширина внизу – 21 см.
- 2. Антропоморфная фигурка с поднятыми руками:**
 - 1.** Высота-19 см;
 - 2.** туловище-10 см.
 - 3.** 4 рожки либо (3 рожки и палка)

Одна рука опущена вниз, вторая поднята вверх.
Наверху с левой стороны круг диаметром -2 см.

4. Высота полос:

С правой стороны - 9 см.

С левой стороны- 5 см.

Одинокая полоска рядом с фигурой. Высота- 6 см.

5. Выше располагается изображение полукруга на камне.

Скорее всего, раньше была изображена сюжетная картина (камень отколот).

Полукруг - 8 см.

6. Вверху 5 полос: ширина полос 1 см, их высота около 7см, и еще две полоски напротив них.

Скальная ниша под навесом, поэтому изображение сохранилось.

Г.В. Бурдину удалось на близком расстоянии сфотографировать фигуру «Бурхана». К сожалению, без соответствующей страховки измерить её не удалось. Данный объект известен, принят на государственную охрану (под номером 5). Именно у этой писаницы принято у рыбаков оставлять подношения духам местности. Об этом писали Тиваненко А.В. и др. Рисунок зарисован по фотографии (Приложение № 9, №10).

Заключение.

Таким образом, мне удалось выяснить, что исследованные писаницы на мысе Писаный Камень относятся к эпохе неолита, бронзового века, которые датируются 5 – 2 тыс. лет назад. Именно тогда основными композициями были «рогатые» антропоморфные фигурки с поднятыми руками. Рисунки были нанесены красной охрой. По типологии можно отнести их к селингинской наскальной живописи, и связаны они с культурой плиточных могил. Присутствие этой древней народности на территории нашего края доказано иркутскими учеными в результате проведенных археологических работ в 2000-2006 годах (Рёлка I). «Плиточники» на севере Байкала проживали в VII-III в. до н. э., значит, писаницы могли появиться именно в это время. Наш край является

благодатным для изучения древнего наскального искусства: объекты не тронуты, их сохранность хорошая, многие из них до сих пор не известны даже ученым. Под охрану государства взяты только 10 объектов наскальных рисунков, хотя на сегодняшний день их уже 22, и это только малая часть.

Список литературы:

1. И. Фрайзер-Шапиро: «Пересмотр образов на петроглифах Саган-Забы, Динамическое взаимодействие между экологией и образами»
2. Окладников А.П.: «Периодизация петроглифов Предбайкалья»
3. Тиваненко А.В.: «Древнее наскальное искусство Бурятии». 1990 г.-13-16с.
4. http://www.uralrockart.ru/p1_gl3.html Д.К. Дубровский, В.Ю. Грачев «Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве.»
5. http://www.visitburiatia.ru/story/item-1940/?ELEMENT_ID=1940 Статья: «Древняя наскальная живопись на Байкале»
6. <http://www.istu.edu/news/25364/> Ольга Балабанова: «Археологи ИРНИТУ обнаружили наскальные изображения шаманов бронзового века на северном побережье Байкала».
7. <http://egov-buriatia.ru/index.php?id=6783>

Приложение №1

Наскальные рисунки Байкала (стр. 79).

Приложение №2.

Приложение №3. Мыс Красный Яр.

Евсеенко Ульяна.

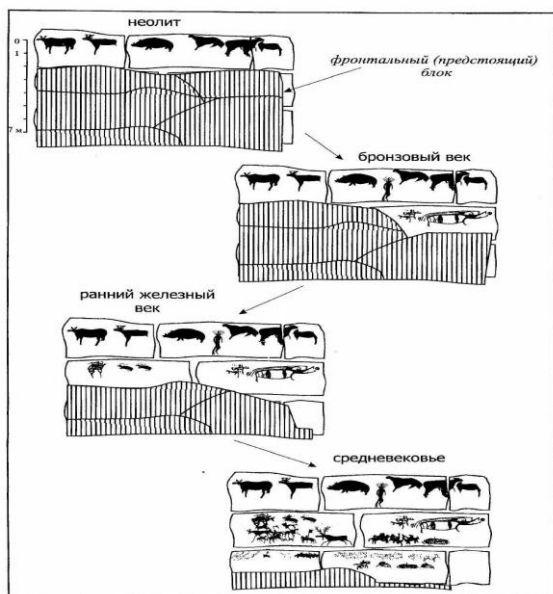
Приложение №4

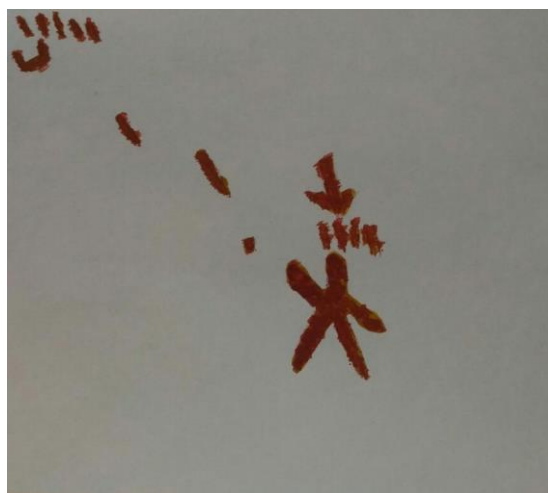
Ледянкина Ирина.

Приложение №6. Хронологическая схема А.П. Окладникова.

Приложение № 7. Мыс Писаный Камень.

Приложение 9.

Приложение 10.

КУРИТЕЛЬНАЯ ТРУБКА ИЗ С. БАЙКАЛЬСКОЕ

(Северобайкальский район, Республика Бурятия)

Киселева Светлана, выпускница 2019 года МБОУ «Лицей №6».

В 2009 году житель с. Байкальское Танеев А. А. передал учащимся нашего лицея некий старинный предмет. Однако о принадлежности и происхождении этого предмета ничего известно не было. Руководитель археологической группы лицея №6 Каримова М.Н. предложила заняться исследованием данного артефакта.

Цель данного исследования: провести анализ и попытаться описать данный артефакт, основываясь на археологических материалах, полученных в результате раскопочных работ на объектах Лударская губа 1, Иннокен 1, Байкальское ХХХШ.

Задачи исследования: 1. Описание и анализ артефакта, полученного от жителя с. Байкальское. 2. Поиск аналогий полученного артефакта среди находок погребально-ритуальных комплексов Прибайкалья и идентификация захоронения по принадлежности к известным древним культурам.

Методы исследования:

1. Работа с литературой.
2. Изучение и описание артефакта.
3. Сравнительно-типологический метод.

Артефакт изготовлен из сплава меди и олова, имеет характерную бронзовую окраску. По форме напоминает курительную трубку, которая встречается в материалах археологических объектов на данной местности. Вследствие недостаточной разработанности терминологии, применяемой при описании курительных трубок, остановимся на ее устройстве и уточним определение некоторых терминов.

Л.А. Чиндина отмечает, что трубки известны под различными названиями с небольшими вариациями в зависимости от языка этноса, их использовавшего: бурятское название – «ганза», ханты употребляют слово – «канса», китайцы – «ганза», селькупы – «чопча(н)», арабо-иранское название – «кальян».

Курительная трубка состоит из нескольких частей, каждая из которых выполняет определенные функции. Чашечка – это круглая широкая часть трубки, внутри которой находится табачная камера. Размер чашечки зависит от сорта используемого табака. Табачная камера – часть чашки трубки, заполняемая табаком. Чубук является

продолжением чашки и служит проводником дыма от чашечки к мундштуку. Мундштук – твердая, свободная от табака часть трубки, один конец которой курильщик держит во рту, а другой соединен с трубкой. Шейка мундштука – часть мундштука, посредством которой он соединен с чубуком. Загубник (прикус) это окончание мундштука, которое держат между губами и зубами. Дымовой канал – пространство, по которому дым проходит от чашечки до мундштука через чубук.

В ходе проведенных исследований установлено, что курительная трубка является распространенным предметом в эвенкийских и в бурятских погребениях.

Целые трубки представлены в количестве 13 штук в следующих, известных нам бурятских погребениях: в 5 км на юг от пос. Хужир – 1 экз., в погребениях бухты Хагун – 2 экз., могильник Черенхын – Тологой – 2 экз., Харансин III – 1 экз., Эдэрмэг – 2 экз., могильник Усть – Талькин – 2 экз. (Мятлева, Дашибалов, 2011).

Исходя из формы мундштука курительных трубок, выделяют несколько типов.

1 тип: Курительная трубка с прямым мундштуком, с плавно зауженным концом.

2 тип: Курительная трубка с прямым мундштуком, с широким концом.

3 тип: Курительная трубка с наклоненным мундштуком, с плавно зауженным концом.

Наш артефакт относится по описанию 1 типа. Состоит из загубника и части мундштука, длина от загубника до скола составляет 6,5 см. Диаметр шейки составляет 1,5 см. Далее на начале чубука произведены круговые насечки, состоящие из трех рядов колец, диаметр чубука составляет при соединении с шейкой 0,8 см и увеличивается (на сколе) до 1,2 см. Шейка мундштука украшена гравировкой, орнаментирована шестью одинаковыми лепестками по кругу. Далее мундштук украшен началом растительной композиции: 4 лепестка, украшенные насечками на стебле. По типу данная композиция соответствует национальным китайским орнаментальным традициям. На загубнике имеет трещина 1,3 см, видны наложения сплава предположительно для ремонта данной части трубки. Скол на мундштуке имеет неровную поверхность, повреждение трубки может иметь два варианта для рассмотрения. Первый вариант, у эвенков порча предметов при захоронении имела простейший способ символизации предмета и маркировки потустороннего мира. То, что являлось частью в мире живых, может стать целым в мире мертвых. И второй вариант при обработке земли жителем с. Байкальское произведен раскол данной трубки (хотя второй фрагмент не был найден). Судя по этнографическим данным, «курительные трубки для народов Севера – это предмет, выполняющий не только утилитарную функцию, но и имеющий большое значение в различных ритуалах. Даже, если мужчина не употреблял табак, он обязан был при себе иметь кисет с табаком и трубкой, которым мог угостить собеседника».

Пополнить наши представления о культуре обитателей Северного Прибайкалья в XVIII-XIX в. в. позволили спасательные раскопки 2013 г. в с. Байкальское на памятнике археологии Байкальское XXXIII. Захоронение было случайно обнаружено местными жителями у здания администрации села во время вкапывания рекламных щитов. Останки погребенного залежали на глубине около 20 см от современной дневной поверхности. Вдоль костяка зафиксированы деревянные остатки сруба. При расчистке дерна был зафиксирован костяк. Труположение - вытянутое на спине, руки вытянуты вдоль тела. Головой погребенный ориентирован на юго-запад. В области груди зафиксирована курительная трубка с остатками кисета и металлической пуговицей. Такое захоронение встречается у эвенкийского населения. В XVIII-XIX вв. на северо-западном побережье Байкала проживали представители тунгусского (эвенкийского) рода киндигиров. В это время здесь еще не фиксируется бурятское и русское население. Курительные трубки, по мнению В.И. Молодина, попали на территорию Западной Сибири благодаря южным связям. Исследователи, занимавшиеся вопросом появления в Сибири трубок ганза, считают, что их появление напрямую связано с распространением здесь табакокурения. Учеными выдвинуто 2 основные версии хронологии и путей движения табака к народам Сибири. Первая версия принадлежит

Ю.А. Купиной, которая указывает, что «завезенный в Японию в начале XVII в. табак попадает на Корейский полуостров, а в середине XVII в. – в Китай и Приамурье и далее по Сибири». Китайской версии придерживается и А.В. Харинский. Однако им на основе письменных источников отмечается более ранняя дата проникновения табака в Китай. По его мнению, в этой стране он появился в XVI в. В начале XVII в. табак проник в Среднюю Сибирь и Прибайкалье. Пройдя там адаптивный период, он приобретает широкую популярность.

А.В. Шаповалов выдвигает как китайскую, так и российскую версию проникновения табака в Сибирь, но склоняется больше к тому, что табак и табачные принадлежности попали к сибирским народам России через русских казаков и торговцев.

Рассматривая вопрос о бурятских и эвенкийских курительных трубках и времени их появления, мы придерживаемся версии А.В. Харинского. На это указывают как археологические, так и этнографические данные. Проведенные исследования формы курительных трубок, их орнаментация и лингвистические данные позволяют сделать вывод о том, что трубки ганза ввозились из Китая или изготавливались бурятскими умельцами по китайским прототипам.

Используемая литература:

1. Харинский А.В. Оружие эвенков северного побережья озера Байкал в 18-19 вв. //Известия Лаборатории древних технологий, Изд-во ИрГТУ, 2003, Вып. 1, С.113-122.
2. Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В. Старобурятские погребения из бухты Хагун //Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в 1 – 2 тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 233-250.
3. Полевой Б.П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири. - СЭ. -1965, № 5, с. 54-61.
4. Титова Д.З. Материалы И.Г. Гмелина о тунгусах 18 в. – СЭ. – 1978, № 1, с. 63.
5. Туголуков В.А. Эвенки и эвены //Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М. Наука. 1980, с. 165-177.
6. Ветров В.М., Задонин О.В. Воздушное захоронение в долине реки Каренги //Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск. Изд-во ИГУ. 1991, С. 164-167.
7. Казанцев А.И., Хороших П.П. Старинные бурятские погребения на острове Ольхон //Тр./ БКНИИ: Из истории народов Бурятии. – 1962. – Вып.10. С. 179-188.
8. Дашибалов Б.Б., Воронин В.М. Погребальные конструкции западных бурят: на примере бурятских погребений XVIII-XIXв.в. на Ольхоне.//Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск. Изд-во ИГУ. 1982, С. 130-131.
9. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX-XXв.в.). Новосибирск. Наука. 2000, с.293.
10. Историко-культурный атлас Бурятии: этнография. Москва. Изд-во «Дизайн. Информация. Картография». 2001, с. 339.

Курительная трубка, переданная Танеевым А.А.

ЭВЕНКИЙСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ В С.БАЙКАЛЬСКОЕ (Северобайкальский район, Республика Бурятия)

Данилевская Валерия Эдуардовна, выпускница МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 4» г. Слюдянка, Иркутской области.

Руководитель: **Бородина Маргарита Львовна**, методист ОГОБУ ДОД ЦРДОД ИО.

Консультант: **Емельянова Юлиана Андреевна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов северной Азии НИ ИргТУ.

Введение

Изучение традиционной культуры народов Сибири всегда являлась одной из приоритетных тем этнографии. Среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока, по мнению многих исследователей, особое место занимают эвенки. В исторических источниках 17 — начала 20 вв. эвенков именовали тунгусами. Эвенки в настоящее время причислены к малым народностям (небольшой по численности этнос), имеющим слабый демографический потенциал, не позволяющий им вырасти до многочисленных народов и создавать свои государственные структуры. Эвенки всегда жили рассеянно на огромном пространстве и вели кочевой образ жизни, что в последние годы привело к тому, что «чистокровных» эвенков осталось очень мало. Эвенки населяют Забайкалье, Эвенкийский автономный округ, Якутию, Красноярский край, Иркутскую область, северо-западное побережье Байкала. [4]

Для эвенков характерно деление на определенные территориальные группы по родовому признаку. Например, эвенки долины реки Чара принадлежат к родам "инелас" и "метакар" и считают своими предками эвенков, мигрировавших с низовьев реки Чара - территория современной Республики Саха. Племя баргузинских эвенков в середине XVII в. насчитывало около тысячи человек и по родовому составу делились на лимагиров, баликагиров, намегиров, почегоров, някугиров и др. Северо-западное побережье Байкала заселяли эвенки киндигирского рода, а среднюю и верхнюю часть долины Верхней Ангары – эвенки чильчагирского рода. [8]

В настоящее время информации о погребальном обряде, конструкции погребальных сооружений эвенков недостаточно. Но благодаря фактическому материалу мы можем говорить о разных типах эвенкийских погребений, сопутствующем инвентаре, сооружениях и некоторых особенностях их конструкций. [4, 7]

Традиционной религией эвенков так же, как и бурят, является шаманизм. Слово "шаман" имеет эвенкийское происхождение. Главное и характерное в шаманизме - обожествление сил природы и умерших предков, гадание, вера в то, что в мире существует множество богов и духов и что с помощью шаманов можно влиять на них для обеспечения счастья, здоровья, благополучия и здоровья, отворачивания беды.

По данным исследователей, до обращения в христианство тунгусы-оленоводы практиковали воздушное захоронение - на деревьях или лабазах, устроенных на обрубленных деревьях или столбах. Применялось как заворачивание (зашивание) тела в кожу или бересту, так и положение тела в гроб, которым служила выдолбленная колода. Тело без гроба прикрывалось ветвями, либо над ним водружали шалаш или «балаган». В большинстве случаев покойников ориентировали головой на запад. [7]

Смерть эвенки объясняли уходом души (дыхания) из тела человека. Были попытки вернуть человека к жизни путём согревания или путём вдвухания воздуха (дули покойнику в рот и в нос). Если же умирал младенец, то мать, держа его на руках, звала душу обратно и соблазняла её, подставляя разные лакомства. Боязнь покойников, по-видимому, возникла после появления представления о мире мёртвых, когда изменилось отношение к душе: её стали бояться, и покойнику начали закрывать не только глаза, но и затыкали нос, рот и другие отверстия, некоторые завязывали нос, рот, уши и глаза платком.

Удские эвенки в XVIII в., например, после наступления смерти раздевали покойника, вытягивали его руки вдоль тела, ноги связывали, лицо покрывали платком и всего обмывали кровью жертвенного животного. Эта традиция сохранялась ещё и в XIX в. Позже кровь была заменена порошком охры или сурика, которым посыпали всё тело. У забайкальских эвенков долго продолжала сохраняться традиция обмазывания гроба изнутри кровью и устилания дна можжевельником. К концу XIX в. усопшему слегка обмывали горячей водой грудь и живот. После одевали в заранее приготовленные и богато орнаментированные одежды, ничего не завязывая и не застёгивая. Одетого покойника укладывали на новую шкуру или кумалан. Прежде жена клала на грудь покойного свою прядь волос (муж укладывал свою ей в подмышку). Около мужчин клали пальму или отказ, лук, стрелы, охотничий нож, лыжи, котелок, огневой припас, трубку с кисетом и др.; около женщины – орудия обработки шкур, женский посох, трубку с кисетом и мелкие личные вещи. Обычно, одев покойника, все садились вокруг и приступали к трапезе, время от времени подбрасывая кусочки еды в воздух, остатки бросали в огонь. На следующий день сородичи заготавливали долбленую колоду из высушенного дерева или гроб из трёх досок (нижней и боковых). Уложив покойника в гроб, его выносили головой вперёд через специально открытое отверстие, расположенное около того места, где находилась его голова перед смертью (некоторые выносили тело умершего через дверку головой вперёд). Другие в это время заготавливали помост (гирамкин) на двух или четырёх столбах и обмазывали всё кровью убитого оленя. Мужчину несли мужчины, женщину – женщины, ребёнка – отец. Гроб ставили на помост и под ним разводили огонь, в который лили жир для окуривания. Внизу, рядом с помостом ставили сосуд с жиром, а на деревьях вокруг развешивали одежду и другие вещи покойного, слегка поломав или порвав их. Затем убивали верхового оленя (лошадь – забайкальские эвенки) и оставляли его под настилом, а шкуры убитых «для крови» животных вешали на дерево около захоронения. Мясо съедали в варёном виде около помоста. После трапезы покойного накрывали шкурой или кумаланом, некоторые прибавляли ещё сверху доску. Окончив обряд, пятась, отходили на небольшое расстояние и возвращались домой. Чужеродцам запрещено было смотреть на труп, лежащий на лабазе, поэтому они, зная это, увидев издали лабаз, обходили его стороной. [3]

Обряд похорон производился без шамана. Обряд отправления души умершего в мир мёртвых производился шаманом примерно через год после разложения трупа.

К сожалению, до последнего времени на Северном Байкале оставались неизвестными археологические памятники, которые можно было бы датировать XII- XIX в., поэтому огромный пласт, соотносимый с монгольским и ранним русским периодом его истории, оставался для ученых белым пятном. Но, как это иногда бывает, случай оказал исследователям свою неоценимую услугу.

Пополнить наши представления о культуре обитателей Северного Прибайкалья в XVIII-XIX в.в. позволили спасательные раскопки 2013 г. в с. Байкальское Северобайкальского района Республики Бурятия на памятнике археологии Байкальское XXXIII (Приложение 1, 2). Захоронение было обнаружено случайно местными жителями у здания администрации села во время вкапывания рекламных щитов.

Спасательные работы были проведены отрядом школьников во время межрегиональной исследовательской экспедиции «Байкальское кольцо». Раскопки были организованы Центром развития дополнительного образования детей Иркутской области совместно с краеведами г. Северобайкальска, Лабораторией Археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов северной Азии и Восточно-Сибирским отделением Русского географического общества.

Цель данного исследования: основываясь на полученных в результате раскопочных работ на археологическом объекте Байкальское XXXIII материалов,

попытаться описать и проанализировать некоторые элементы погребального обряда эвенков киндигирского рода Северного Байкала.

Задачи исследования:

2. Описание и анализ археологического материала, полученного в ходе полевых раскопочных работ.

3. Поиск аналогий полученного археологического материала среди находок погребально-ритуальных комплексов Прибайкалья, а также идентификация захоронения по принадлежности к известным древним культурам.

Методы исследования:

1. Полевые археологические исследования.
2. Работа с литературой.
3. Изучение и описание археологического материала.
4. Сравнительно-типологический метод.

Результаты полевых исследований 2013 года

Захоронение №1 объекта археологического наследия (ОАН) Байкальское ХХХІІІ было обнаружено в центре с.Байкальское в 1,5 км к юго-востоку от берега Байкала (Приложение 2). Тот факт, что в центре поселений, обычно, никого не хоронили, позволяет сделать предположение, что к моменту захоронения село имело значительно меньшие размеры.

Судя по сохранившимся остаткам деревянной конструкции, погребение было совершено в деревянном срубе. К моменту раскопок сруб был разрушен, но, по словам местных жителей, ранее на месте погребения был земляной холмик примерно 15 сантиметров высотой. Останки погребенного залегали на глубине около 20 см от современной дневной поверхности. Вдоль костяка нами зафиксированы деревянные остатки сруба. При расчистке дерна был зафиксирован костяк. Труположение - вытянутое на спине, руки вытянуты вдоль тела. Головой погребенный ориентирован на юго-запад (Приложение 3). В области груди зафиксирована курительная трубка с остатками кисета и металлической пуговицей (Приложение 4). У левой лучевой кости зафиксированы остатки железного лезвия ножа очень плохой сохранности, что не позволяет определить ни форму, ни точные размеры изделия. Судя по предварительным определениям, погребен был мужчина пожилого возраста (55-60 лет).

Для сравнения мы рассмотрели эвенкийское погребение - Иннокен I, исследованное на Северном Байкале в 2000 году экспедицией Лаборатории древних технологий Иркутского государственного технического университета (ИрГТУ). Оно располагалось в 3,5 км к юго-западу от с. Байкальское, на восточном склоне горы, спускающейся к покосу Иннокен, в 2 км от берега Байкала (Приложение 1). Погребальная конструкция представляла собой четырехугольную камеру из бревен, ориентированную длинными стенами по линии с азимутом 15°. В основании сооружения располагались два поперечных бревна диаметром 33-35 см и длиной 130 см. Концы бревен отпилены. Поперек них по центру уложены два продольно расколотых бревна, образующих дно сруба длиной 2,5 м. Длинные стенки конструкции образованы бревнами длиной 2,65 м. Каждая стенка состояла из трех уложенных друг на друга бревен. Высота стенок 70 см. Торцевые стенки образованы продольно расколотыми на две части брёвнами. Первоначально погребальная камера располагалась на двух вертикально установленных деревянных столбах. Впоследствии столбы сгнили, и она вместе с останками умершего оказалась на земле. [8]

Погребенный располагался вытянуто на спине, головой на юг – юго-запад. С левой стороны от умершего зафиксированы остатки лука. На кистях обеих рук были надеты бронзовые браслеты. Также были найдены пиала, пять железных наконечников стрел. У левой бедренной кости найдена бронзовая курительная трубка, которая схожа

с курительной трубкой, найденной на Байкальском XXXIII (Приложение 5). Захоронение исследователями было отнесено к первой половине XIX века. [8]

В XVIII-XIX вв. на северо-западном побережье Байкала проживали представители тунгусского (эвенкийского) рода киндигиров. В это время здесь еще не фиксируется бурятское и русское население. И погребальный обряд этих народов тоже отличался от эвенкийского. Русские хоронили своих покойников в деревянных гробах, которые устанавливали в яму и сверху засыпали землей. Буряты, жившие в Приольхонье, в XVII-XIX вв. хоронили умерших тремя способами: труположение в грунте; труположение на поверхности земли; трупосожжение на поверхности земли. Грунтовые захоронения имели овальную или прямоугольную могильную яму глубиной до 0,7 м, перекрывавшуюся сверху жердями, досками или камнями. Над ямой сооружалась сплошная одно-двухслойная кладка, преимущественно, овальной формы. Погребенные располагались вытянуто, на спине, головой на северо-восток, с отклонениями на запад и восток. [8] Наземные захоронения производились на поверхности земли у отдельно стоящего скального останца или у гряды скальных выходов. Погребенный помещался в четырехугольную камеру, примыкавшую к скальнику. Три стенки камеры состояли из вертикально установленных каменных плит, подпиравшихся снаружи наклонно и горизонтально уложенными камнями. Сверху камера перекрывалась жердями, досками или деревянными саями, на которые укладывались камни. В большинстве случаев умерший располагался вытянуто на спине, головой на северо-восток. Кроме этого, в единичных случаях отмечена ориентировка на запад или восток. При трупосожжении умершего помещали в деревянный сруб, а затем поджигали. Ни один из бурятских способов захоронения умершего нельзя сравнить с погребальным обрядом Иннокена I. Несопоставим он и с погребальным обрядом, распространенным среди русских. Это позволило специалистам считать иннокенское захоронение эвенкийским. [8]

Таким образом, форма погребальной конструкции, положение умершего, головой ориентированного на юго-запад, сопроводительный инвентарь (бронзовая курительная трубка с остатками кисета, железный нож и металлическая пуговица), позволяют нам сделать предположение о том, что наше погребение тоже относится к эвенкийским, и наиболее приемлемой датой для захоронения Байкальское XXXIII так же, как и для Иннокена I, считается первая половина XIX в.

Заключение

Таким образом, по форме погребальной конструкции, положению умершего и сопроводительному инвентарю мы предположили, что захоронение Байкальское XXXIII относится к эвенкийскому.

Ориентировочной датой для захоронения Байкальское XXXIII является первая половина XIX в.

Сведения об обычаях и обрядах, производимых эвенками с момента смерти до поминок включительно, представляют большую ценность. Но, к сожалению, отсутствие подробных описаний погребальных конструкций и обрядов значительно затрудняют вопрос интерпретации эвенкийских захоронений. Материалы, обнаруженные во время спасательных работ 2013 года на объекте археологического наследия Байкальское XXXIII, позволили нам реконструировать некоторые элементы погребального обряда эвенков киндигирского рода Северного Байкала.

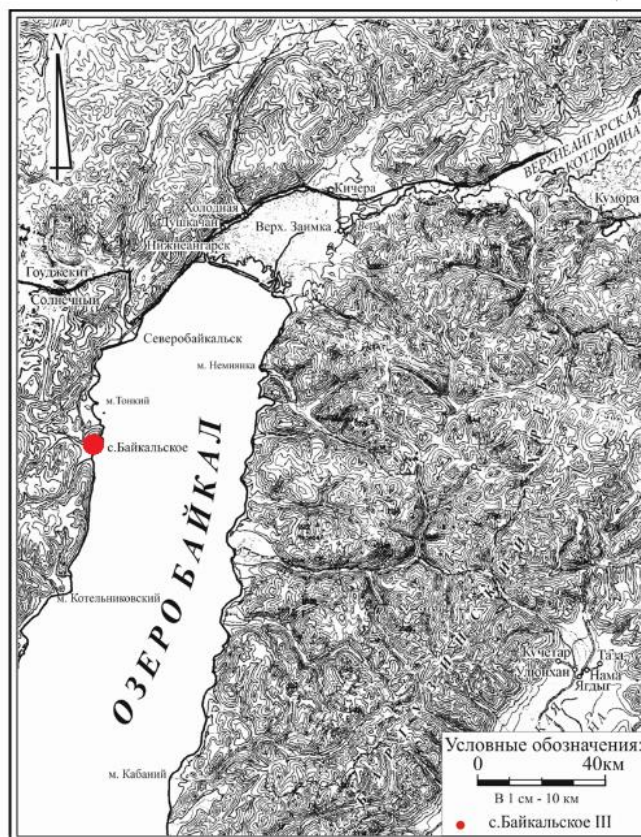
Дальнейшие работы по изучению материальной и духовной культуры обитателей Северного Прибайкалья XVII – XIX в.в. позволят нам полнее представить их жизнь, культурные традиции и, следовательно, дадут возможность ближе подойти к решению вопросов, связанных с этнической историей эвенков.

Литература

1. Арбатский А.И. Конструкция погребальных сооружений эвенков-орочонов Среднего Витима // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Ирк.ун-та, 1982. - С.140-148.
2. Асеев И.В. Археология Западного побережья Байкала и проблемы этногенеза кочевников Прибайкалья // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1974. - № 11: Сер. обществ, наук. Вып. 3. - С. 108-114.
3. Варавина Г.Н. Древний погребальный обряд эвенов // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: Сборник научных трудов / под ред. А.В. Харинского. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С.469 – 474.
4. Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (конец XIX — начало XX в.). — Л.: Изд-во «Наука», 1969. — 304 с.
5. Пастухова А.Ю. Этнографическое направление в деятельности лаборатории археологии ИГПУ // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. — Иркутск, 2003. — С.107–108.
6. Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке (расселение, организация среды, жизнедеятельности). — М., 1995. — 200 с.
7. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Изд-во «Наука», 1985. – 284 с.
8. Харинский А.В. Оружие эвенков северного побережья озера Байкал XVIII-XIX вв. // Известия Лаборатории древних технологий, Изд-во ИрГТУ, 2003, Вып. 1. - С.113-122.

Приложение 1

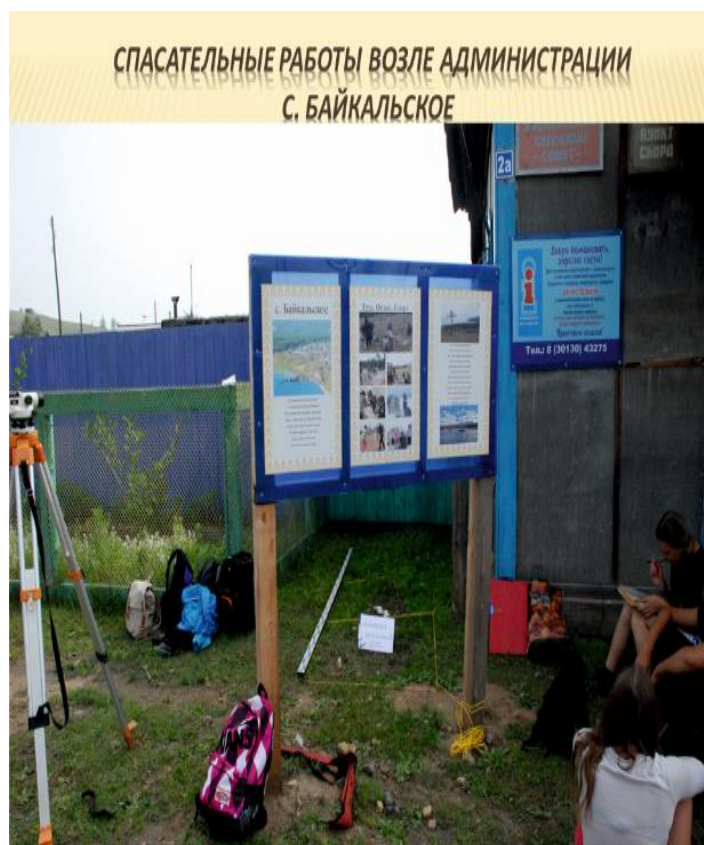
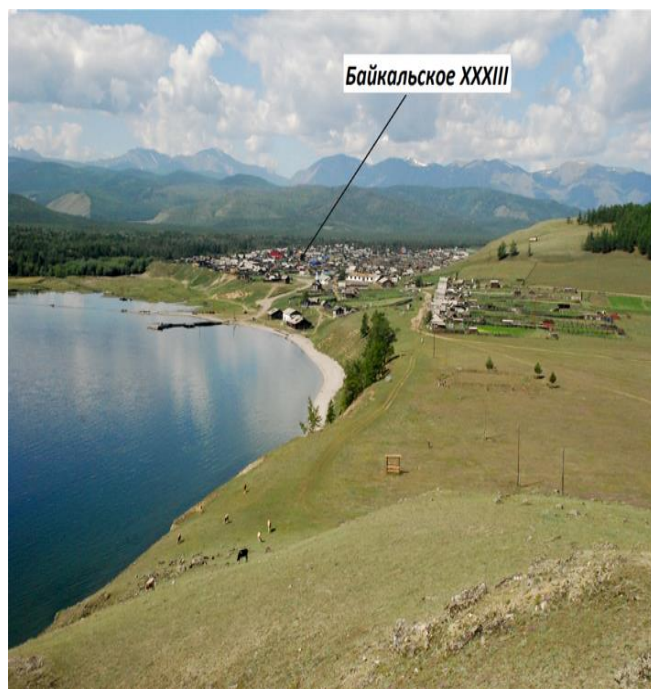
Карта района исследований

Приложение 2

Объект археологического наследия Байкальское XXXIII

Фотографии: местонахождение ОАН Байкальское XXXIII, с.Байкальское, Северобайкальский район, Республика Бурятия,

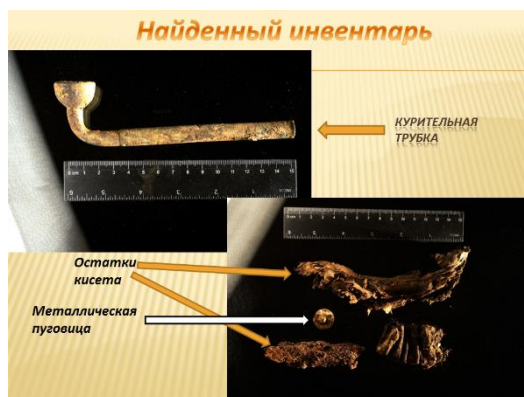

Приложение 3. Фотография: Байкальское XXXIII, погребённый

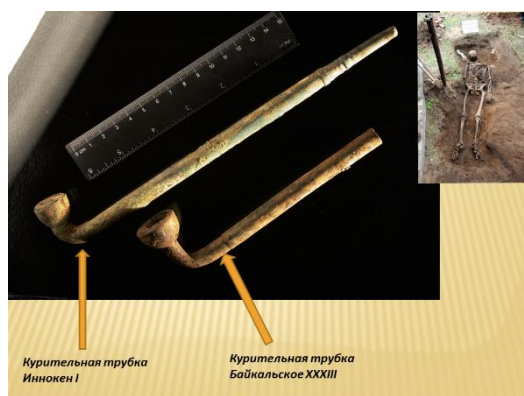

Приложение 4

Фотография: Байкальское XXXIII, сопроводительный инвентарь

Приложение 5. Фотография: курительные трубки с ОАН Иннокен I и Байкальское XXXIII

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ №2 МОГИЛЬНИКА БАЙКАЛЬСКОЕ VII (Северобайкальский р-н)

(по результатам раскопок 2006 года)

Сидоров Алексей, выпускник МОУ СОШ № 45 г. Иркутска, ОЦДЮТиК.

Руководитель: *М.Л. Бородина*.

Научный консультант: *А.М. Коростелёв*

На северном побережье озера Байкал археологические памятники - явление довольно распространенное. С начала XX в. изучено много стоянок, городищ, могильников. Накоплен обширный материал по бронзовому и железному векам данного региона. Исследования на могильниках позволяют интерпретировать погребальный обряд древнего населения байкальского побережья.

Памятник Байкальское VII был открыт в 1988 году сотрудником Иркутского государственного университета М.А. Зайцевым. Зафиксирована одна каменная искусственная кладка круглой формы, сделано ее описание.

В 1995 году экспедиционным отрядом под руководством А.В. Харинского памятник Байкальское VII был вновь обследован. Выявлено несколько искусственных кладок. Вскрыт комплекс № 1. Материал был представлен фрагментом рога благородного оленя, фрагментами костей животных и остатками сосуда с оттисками шнура с внешней стороны стенок.

В 2006 году на памятнике Байкальское VII были произведены археологические раскопки. Они явились результатом совместной работы Центра детско-юношеского туризма и краеведения и Иркутского государственного технического университета. В раскопках принимали участие и учащиеся лицея №6 города Северобайкальска.

Памятник Байкальское VII расположен в 0,45 км к северо-востоку от с. Байкальское, в юго-западной части мыса Лударь, на небольшой выположенной площадке, северо-восточная часть которой поросла сосновым лесом. Высота площадки над уровнем озера Байкал 45-50 метров. К востоку от нее располагается ЛЭП, идущая из с. Байкальское к маяку на мыс Лударь.

В 2006 году на могильнике Байкальское VII был разбит раскоп, размером 4 x 5 м, в 2 м к северо-востоку от раскопа 1995 года. В результате проведенных работ удалось установить, что погребение оказалось грабленным в древности, так как каменная конструкция над могильной ямой была потревожена, камни были разбросаны.

Во время проведения раскопочных работ на комплексе № 2 было обнаружено 492 фрагмента керамики, бронзовая поясная пластина, железное изделие, фрагмент кости оленя и несколько человеческих костей.

Обратимся непосредственно к интерпретации полученного археологического материала.

Бронзовая поясная пластина имеет прямоугольную форму, размером 12 x 5,5 см, толщина – 0,3 см. Пластина литая, о чем свидетельствуют остатки литейной формы по краям пластины. Внутри пластина разделена на две равные симметричные части. Они представлены четырьмя чередующимися зигзагообразными линиями.

Подобные изделия были обнаружены на о-ве Осинском (Братское водохранилище) в прибрежной зоне. При раскопках погребения №4 найдены три бронзовые ажурные прямоугольные пластины. Их рамки украшены изображением ушастых грифонов. На одной из пластин изображение сцены борьбы двух хищников семейства кошачьих со змеем или драконом (Смотрова, 1991). Такое изображение на бляхах встречено в погребении №100 Иволгинского могильника в Забайкалье, относящегося к хуннскому времени (Давыдова, 1971). Ажурные пластины, датирующиеся рубежом эр, имеют аналогии в материалах Забайкалья, Монголии, Минусинской котловине, Ордосе, то есть в областях, которые в начале нашей эры находились под контролем державы хунну. В 2003 году при раскопках комплекса №19 памятника Цаган-Хушун II в комплексе №5 тоже найдена бронзовая ременная пластина

(Харинский, 2004). Пластина имеет прямоугольную рамку с углублением по центру, представляющим линию. В рамку замкнут волнистый орнамент из четырех линий, располагающихся горизонтально. Линии по краям представлены изображением змей. Идентичная пластина обнаружена в могиле № 4 Куркутского комплекса II и датирована автором раскопок хуннским временем (Асеев, 1980).

Железное изделие в виде разорванного кольца имеет диаметр 3,8 см. Толщина 0,3 см его концы сужаются. Изделие предположительно являлось накосником.

Подобные вещи обнаружены на памятнике Байкальское XXXI (Северобайкальский район), в комплексе №3. Но, в отличие от обнаруженного нами изделия, те кольца (3 шт.) были меньше диаметром и шире.

Обнаруженные человеческие кости не имели анатомического порядка, но, судя по пропорциям могильной ямы, погребённого хоронили с подогнутыми ногами.

В конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н. э. в Предбайкалье существовала, помимо других групп, елгинская группа захоронений, выделенная О.И. Горюновой (Горюнова, 1993). Все «елгинские» могильники располагались на расстоянии 30-100 м от берега Байкала. Могильники находились у юго-восточного или восточного подножья горы или гряды скальных выходов. Чаще всего они локализовались на мысах. Захоронения располагались в один или несколько рядов, ориентированных по линии юго-запад – северо-восток. Погребенные располагались на правом или левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. В погребения всегда клали сопроводительный материал. Но большинство захоронений ограблено ещё в древности.

Также этот период характеризуется окончательным переходом к железу, как к основному металлу, используемому для изготовления орудий труда. И если первые железные изделия в Прибайкалье появляются уже во второй четверти I тыс. до н.э., то к концу I тыс. до н.э. они становятся преобладающими в хозяйственной сфере. Бронза же продолжает использоваться преимущественно для изготовления украшений. Поэтому период с VII по III вв. до н.э. для побережья Байкала можно определить, как ранний железный век, на смену которому в конце I тыс. до н.э. приходит развитый железный век.

На северном побережье Байкала впервые захоронения этого времени обнаружены в 1976 г. П. Е. Шмыгуном на памятнике Курла II. Погребение датируется серединой и концом I тыс. до н. э. Позднее А.В.Харинским были открыты памятники Байкальское XXVII (1996 г.) и Байкальское XXXI (2000 г.) (Харинский, 2003).

В настоящее время изучено более 80 захоронений «елгинского» типа в 5 районах Прибайкалья: Ангарская долина, Баргузинская долина, Северный Байкал, низовья Селенги и Приольхонье.

Находки «елгинских» захоронений в Приольхонье, на северо-западном берегу Байкала и в Приангарье свидетельствуют о широком и синхронном распространении на значительной территории одного погребального обряда. (Харинский, 2001).

Предварительное время бытования погребений «елгинского» типа на северо-западном побережье Байкала определяется II в. до н. э. – X в. н. э.

Погребение №2 могильника Байкальское VII относится к развитому железному веку и датируется рубежом эр.

В первую очередь это подтверждает «елгинский» тип захоронения: могильная яма была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, судя по ее пропорциям, погребённого хоронили с подогнутыми ногами.

Носители «елгинских» погребальных традиций распространяются на северном побережье Байкала в III в. до н.э., переселяясь сюда из Приольхонья и Баргузинской долины. Вероятно, их появление не сопровождалось полной ассимиляцией или вытеснением местного населения.

Во-вторых, обнаруженная поясная пластина относится к хуннскому времени. И хотя байкальское побережье располагалось за пределами хуннской державы, ее

культурное и экономическое влияние было столь значительным, что нашло свое отражение в материальной и духовной культуре его обитателей.

Исходя из вышесказанного, можно сделать некоторые выводы: обряд захоронения древних людей, выделенный в «елгинскую» группу, имел широкое распространение по всему побережью Байкала. Однако из-за большого расстояния от эпицентра распространения, на Северное побережье Байкала он проникает на пару веков позже.

Появление на северном побережье Байкала носителей елгинского погребального ритуала знаменует начало нового культурно-исторического этапа, характеризующегося широким распространением изделий из железа и появлением вещей «хуннского» облика, свидетельствующих о сильном культурном и, возможно, политическом влиянии державы хуннов на жителей байкальского побережья.

Литература

1. Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. - Новосибирск, 1980. - 149 с.
2. Горюнова О.И. Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. – Улан-Удэ, 1993. – С. 76-80.
3. Горюнова О.И., Пудовкина Е.А. Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья//Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск, 1995. - С.154-174.
4. Коростелев А.М. Украшения населения северного побережья озера Байкал во второй половине I тыс. до н.э. // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: Материалы I (XLV) Российской с международным участием археологической и этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радан», 2005. – С. 205-207.
5. Коростелев А.М. Предметы звериного стиля в материалах погребений Предбайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2006. – Т. 1. – С. 131-136.
6. Смотров В.И. Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище)//Палеоэтнологические исследования на юге средней Сибири. Сб. научных трудов. – Иркутск, ИГУ, 1991. – с.136 - 143
7. Харинский А.В. Погребальный обряд Приольхонья на рубеже эр//Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. - Владивосток, 2002. – С.112 – 125.
8. Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. - Иркутск, 2001. – 198 с.
9. Харинский А.В. Северное побережье озера Байкал в конце I тыс. до н. э.–начало I тыс. н. э. (по материалам погребальных комплексов)//Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы международной конференции «Из века в век.- Новосибирск, 2003. – С.291 - 295.

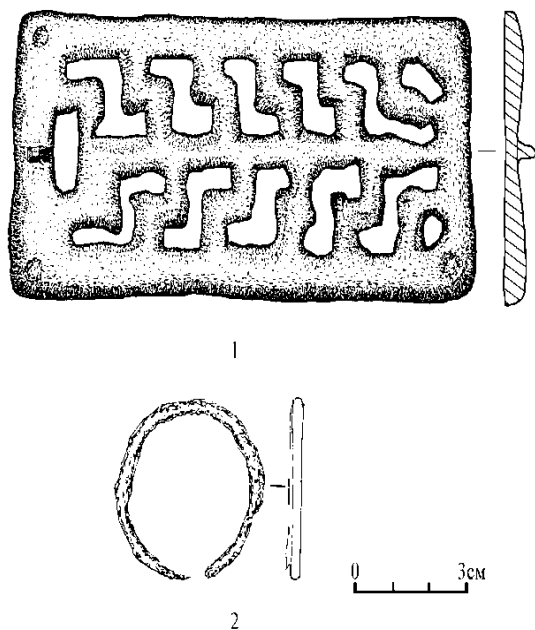

Рис. 1. Материал из комплекса №2 могильника Байкальское VII:
1 - бронзовая поясная пластина; 2 - железное изделие.

Из истории деревни Талой.

Гришук Дмитрий, выпускник МБОУ «Лицей №6» 2008 года.

(опубликовано в газете «Северный Байкал» - №48 от 25 июня 2008 года).

С 59 по 70-е годы 20 века в связи с политикой укрупнения колхозов, а также строительством гидроэлектростанций исчезли тысячи деревень нашей страны, в эти же годы прекратила свое существование деревня Талая.

Деревня Талая располагалась в 4-х км к юго-востоку от села Байкальское на северо-западном побережье Байкала в устье реки Горемыка. Деревня просуществовала до 1976 года.

Первые сведения о деревне Талой находим в трудах Черского, где он упоминает о бурятах, которые проживали в 19 веке в Талой. В селе Горемыка (Байкальское) располагались их Летники, в Талой – Зимники. Слово «Талая» в переводе с бурятского языка означает «степь, равнина, поле, открытое пространство». По мнению А.В. Харинского, профессора ИрГТУ, в 7-8 веках на северо-западном побережье Байкала обосновались предки эвенков, и только в 17-19 веках в районе Талой появились эхериты-буряты. Тогда же появились и первые русские переселенцы. Путь заселения Северобайкалья русскими проходил с Лены, вдоль нынешней трассы БАМа. Буряты заселили край с Прибайкалья с острова Ольхон в зимний период по льду Байкала. Остепненные участки на северо-западном побережье Байкала были пригодны для ведения полукочевого скотоводства. Особенно благоприятные пастбища были в низовьях рек Горемыки и Рели. Особый микроклимат в деревне Талой способствовал земледелию. Жители выращивали даже пшеницу, овощи.

Я постараюсь восстановить историю Талой по воспоминаниям ее жителей Макеевской В.П., Нардуевой Н.А., Бутаковой Л.П., Лобановой А.И., Пашковой Л.А.

Надежда Андреевна Нардуева была направлена на работу в деревню Талая после окончания Улан-Удэнского педучилища. В 1967 году в сельском детском саду была разновозрастная группа, которую посещали дети от полутора до семи лет. Из рассказов

Надежды Андреевны удалось выяснить, что первое переселение людей из Талой началось в 1974 году. Не пожелал переезжать на новое место только вышедший на пенсию Пашков Федор Николаевич, который прожил в деревне до 1992 года.

Хорошо помнит деревню в годы Великой Отечественной войны Бутакова Людмила Павловна. Она сама и её мама Анна Георгиевна (1891 года рождения) родились и проживали в Талой. Людмила Павловна работала дояркой, была депутатом Верховного Совета Бурятской АССР 9 созыва. Она удостоена Ордена Славы и имеет звание «Заслуженный животновод республики Бурятия». «Местное население в деревне в основном было русское, - вспоминает Людмила Павловна. – Однако в эти годы в Талой проживали 5 немецких семей, 4 цыганских, 3 семьи крымских татар и 1 башкирская семья. Были и смешанные семьи (русские-эвенки). Это Татарниковы М.И. и В.И., Нардуевы В.И. и К.П., Черных Н.П.... Около фермы в юртах проживали буряты».

Женщины не помнят, чтоб между людьми возникали ссоры на национальной почве.

«Люди были музыкально одаренные, ставили пьесы, пьяных не было, было веселье». (Нардуева Н.А.)

«Играли на гармониях, балалайках. Татарникова лечила людей местными травами». (Бутакова Л.П.)

Лобанова Александра Ивановна, 1931 года рождения, вспоминает: «Семья наша в 30-е годы из Душкачана перебралась в Талую. Мне в Талую охота. Места там brave. Росли хорошо овёс, ячмень, пшеница. Хлеба росли так хорошо, что не было видно всадника на коне. Мололи свой хлеб. На огороде выращивали картофель, капусту, свёклу. Воду брали из ключа. Деревня была brave. На конеферме было много лошадей. В каждом хозяйстве по 2-3 коровы. Вокруг деревни хорошие пастбища, выгоны для скота. Места ягодные: на горе – брусника, внизу - голубика. Все праздники встречали без пьянки. После работы все бежали в клуб. Мы плакали, когда переезжали из Талой. В селе Байкальском одни камни, лопатой не копнешь». Александра Ивановна всю жизнь проработала дояркой: с 1956 г. по 1976 г. – в Талой, с 1976 г. по 1981 г. – в селе Байкальское.

Бутакова Людмила Ивановна рассказала о том, что в 1930 году в Талой организовали колхоз «Объединенный труд». В 1937 году из деревни выслали братьев Татарниковых. Жили они в доме, где впоследствии была школа. Николая выслали в Баргузин, Степана - в Нижний. Александр в Курунгуе поставил дом, а после войны уехал в Улан-Удэ. Курунгуй располагался перед деревней Талой и просуществовал до 1967 года. Часть жителей переехали в село Байкальское, некоторые уехали за пределы района.

В местности Курунгуй было всего 9 домов, ближе к реке Горемыка располагалась мельница, а между Курунгуем и Талой – кирпичный завод. На заводе до и после войны работали китайцы, они делали кирпичи для печей. Они также выращивали овощи.

Удалось восстановить список жителей Курунгуя на основании воспоминаний Бутаковой Л.П.

1. Орлова Ефросинья.
2. Гусевская Кристина.
3. Климешова Пелагея.
4. Климешов Георгий.
5. Гладких Клавдия Васильевна.
6. Савина Надежда.
7. Сокольников Арсентий.
8. Сокольников Иннокентий.

9. Горбунова Александра.

В Талой существовала своя оросительная система, по деревянным желобам вода из Горемыки попадала в деревню. Жители поливали свои огороды и сенокосные угодья. Оросительная система, которую местное население называло «утук», проходила через всю деревню.

В администрации сельского совета удалось ознакомиться с похозяйственными книгами основных производственных показателей хозяйств колхозников за 1934 – 37 годы. Из материалов фонда № 15, опись №2, единица хранения 2610 следует, на 1937 год население Талой состояло из 40 мужчин, 35 женщин, 86 подростков. В эти годы в деревне проживало 28 семей. Самой многодетной была семья Непомнящих Арсентия, 1895 года рождения. У него было 3 сына и 6 дочерей. У Макеевского Павла Иннокентьевича и его жены Анны было 6 дочерей и сын Виктор. Семьи в основном были многодетными, имели по 4-6 детей. К этому времени в деревне насчитывалось 22 колхозника и 6 единоличных хозяйств.

В 1967-68 годах в деревне, по воспоминаниям Нардуевой Н.А., проживало 39 семей. В Талой были детский сад, клуб, магазин, медпункт. Под горой Кивиля располагались контора, ферма, молокопункт, гараж, кузница, склады, конеховская с телефоном. Ближе к берегу Байкала находились песцеферма, баня.

История деревни Талой и их жителей ещё не закончена. Но даже то, что я смог изучить и обобщить, поможет моим сверстникам и взрослым по - новому взглянуть на прошлый 20 век.

Деревня Талая. 1967 год.

Тыя – село в одну улицу.

Мирошниченко Елена, выпускница МБОУ «Лицей №6».

(опубликовано в газете «Северный Байкал», № 46 от 18 июня 2008 года).

Пусть это будет трудно, но я постараюсь восстановить историю деревни Тья - ведь о ней почти ничего не сказано в архивных документах. К сожалению, все архивные документы, которые находились в поселке Нижнеангарск, сгорели. Историю деревни я восстанавливала из воспоминаний местных жителей и газетных статей. Я не остаюсь равнодушной к истории своего края, так как знать историю, знать прошлое – значит, во многом понять настоящее и предвидеть будущее. Статья посвящается памяти Ключихина И.П., который проживал в деревне Тья.

Деревня Тья располагалась на 4 км от Северобайкальска, где в настоящее время находится детский лагерь отдыха «Радуга».

«Тья» с эвенкийского языка переводится как «узкое место». Появление деревни на территории Северного Байкала приходится приблизительно на 1913-1914 годы, а после коллективизации люди стали бежать на Север, думая, что колхозов здесь не будет. Известно, что в деревне в 1921 году насчитывалось 14 дворов, а к 1953 году – около 49 дворов.

Занятия жителей были самыми разными: занимались рыболовством, охотой и сельскохозяйственными работами. Зимой рыбачили на удочку, летом ставили сети. Рыбу везли в магазин, сдавали ее на целевое снабжение. Также в деревне Тья был зафиксирован рекорд: семья Снегиревых, отец и сын, за два дня выловили удочкой одиннадцать центнеров рыбы.

Одежда жителей была самая разная. Телогрейка «восьмирублевка», так называли ее местные жители, была основной в будничные дни. Обувь жители шили сами – ичиги, чирки, волочахи. Одевались не хуже всех, когда были праздники.

Деревня жила, сама себя кормила. Существовал календарь годовых работ для жителей северо-западного побережья Байкала, который, в основном, соблюдается по настоящее время:

- сев зерновых – 2 – 3 мая;
- конная нерповка по таящему льду – 4-10 мая;
- пахота паров под посев будущего урожая – 27-28 мая;
- посадка картофеля, полив покосов паводковыми водами – 28-30 мая;
- добыча рыбы неводом - (летница с 15 по 25 июня).

В это время сев зеленки-петровки для корма скоту;

- сенокос – с 15 августа по 10 сентября;
- охота на тарбаганов, жатва хлеба и посев озимых – с 14 сентября по 1 октября;
- вывоз снопов с полей и складирование их в клады – с 1 октября;
- охота на белку – с 15 по 31 октября;
- рыбалка на омуля в Верхней Ангаре после нереста – с 1 по 20 ноября;
- полив водой гуменников для обмолота хлебов с 1 по 10 декабря;
- вывоз снопов с полей на гуменники и их обмолот с 10 по 30 декабря;
- подледная рыбалка на бормаша – с 1 января;

- ямщина лошадьми на Лену за хлебом – январь-февраль;
- заготовка дров на зиму, вывоз навоза на поля – март-апрель;
- ремонт сох, борон, подготовка к посевной – март-апрель.

С середины 1950-х годов в советском государстве наметился существенный переворот. В связи со строительством Иркутской ГЭС на Ангаре произошел значительный подъем воды на Байкале. В результате этого в зону затопления попала деревня Тья. Было приказано перевести жителей в село Байкальское. Всю деревню на машине перевозил Буженов Николай Васильевич, первый водитель. В селе Байкальское до сих пор есть улица Тыйская, названная в честь деревни.

Изучая историю деревни, её быт и хозяйство, мне посчастливилось встретиться со старожилом этих мест - Ниной Кирсантьевной Киселевой, которая предоставила мне план деревни Тья и список её жителей. Этот план находится в краеведческом музее поселка Нижнеангарск.

Воспоминания Киселевой Нины Кирсантьевны: «Я работала с 1 сентября 1946 года в деревне Тья, сразу же после войны туда приехала. Жители там жили очень бедно. Нигде такой бедноты не было, как в Тые. Поразила меня эта нищета, беднота. Запомнилась одна семья – Зеленовские. Как-то зашла к ним с проверкой, а у них «шаром покати», так было пусто. Самая бедная семья, но ничего жила, трудилась. Я одновременно вела второй и четвертый классы. Дети были, конечно, хорошие, добрые. Чтоб не было им скучно, стали проводить вечера, ёлки устраивать. В 1949 году стали жить лучше. Учителям выдавал колхоз продукты. Все ученики помогали колхозу урожай собирать: по четыре, по пять часов после уроков.

В Тые мне понравилось – природа очень красивая.

Ещё запомнилось, когда в Тые выборы проходили. Для людей это был праздник. На выборы шли все нарядные, с гармошкой, и вставали так в шесть утра, чтобы успеть проголосовать. Так люди любили свое правительство. Я хоть молодая была, но мне не скучно было. Дружно жили между собой жители деревни Тья».

Воспоминания Ключихина И.П.: «Я родился в 1920 году, до тринадцати лет жил в Иркутской области. В 1933 году переехали, как сейчас помню 20 марта, устроились у друзей отца в деревне Тья. В 1930 году организовался колхоз «Труд». До колхоза были только земли Татарниковские, Сафроновские, Лобановские, Толстихины, Саниевы – все эти земли объединились в один колхоз. Колхоз имел в своем распоряжении около тридцати рабочих лошадей, крупнорогатый скот, восемьдесят овец, две крупные свиньи. Работали всем, чем придется. До колхоза вспахивали двести гектаров пахотной земли, потом её использовали. Сенокосные участки были огромны - от реки Тья до самого берега Байкала. Колхоз сеял яровую рожь, пшеницу, коноплю. Всё вручную молотили. Коноплю обрабатывали, делали верёвки, шили рубахи, а из семени делали масло. Имел колхоз также шесть печей, где выжигали известь – снабжали Нижнеангарск. Тягловые силы в основном были только лошади. У колхоза впоследствии появились теплый конный, скотный дворы, овчарни. В колхозе зарабатывали трудовни. Самый урожайный год был 1938. Нерпу добывали. Хлеб пекли сами, правда, мололи не в Тые, молотье ездили в Талую или в Горемыку. В годы, когда хлеба не хватало, ездили в Лену, обменивали рыбу на хлеб. Мой отец был полеводом колхоза. А я с 1936 года - счетоводом. Был в Красной Армии. Жена моя родилась в деревне Тья. Познакомились с ней в 14 лет, потом поженились. Между Байкалом и деревней было два озера, но потом эти озера размыло. Были магазин, начальная школа».

На вопрос о свободном времени Иван Перфильевич отвечал так: «Свободного времени не было! Какое может быть свободное время? Всё делали вручную, мололи, даже кузница своя была. Бездельников и пьяниц в деревне не было. Даже выходных не было, а потом выходной стал – воскресенье».

Я выбрала эту тему, потому что люблю узнавать то, что еще не исследовано, потому что хочу пополнить свои знания об истории нашего района.

Моя цель – восстановить историю деревни Тья по воспоминаниям её жителей, зафиксировать всё, что они хранят в своей памяти, так как очевидцев событий, которые происходили в те давние времена, с каждым годом становится все меньше.

Как возводили город.

Мясникова Анастасия, выпускница МБОУ «Лицей № 6» 2003 года. (опубликовано в газете «Северный Байкал», 7 февраля 2003 года).

Монумент первопроходцам Байкало-Амурской магистрали – строителям «Ленинградбамстроя» - воздвигнут на привокзальной площади Северобайкальска. Каждый приезжающий в город восхищается красотой и необычностью скульптурной композиции. Это десятиметровая железобетонная стела с бронзовым парусником и фигурой строителя.

Молодых строителей не покидала инициатива и чувство азарта. Строительные бригады соревновались друг с другом в качестве и скорости сдачи объектов, старались работать лучше других, с большей отдачей. Особенно прославилась ведущая бригада под руководством Владимира Денисенко. Так, в первом квартале 1985 года его коллектив занял первое место среди строительных бригад. На тот момент генеральным директором ПМК «Ленинградбамстрой» был Валерий Михайлович Анисимов.

По решению горкома партии на текущую пятилетку была поставлена задача создания памятника в честь ленинградцев – первопроходцев БАМа и строителей Северобайкальска. В.М. Анисимова командировали в Ленинград. Он взял с собой фотографию лучшего бригадира, которую показал скульптору Г. Ястребецкому. Скульптору и архитектору В. Сохину она понравилась. По рассказам коллег, В. Сохин был интереснейшим человеком, великодушным, с большим чувством юмора. Он многое сделал не только для Северобайкальска, но и для Санкт-Петербурга. Архитектор и скульптор единогласно решили, что бригадир В. Денисенко вполне подходит как прототип скульптуры памятника. Заказ был подан в 1985 году на Ленинградский завод «Монументскульптура». В городе на Неве за очень короткий срок был отлит памятник, затем его в разобранном виде доставили в Северобайкальск. С берегов Невы была привезена к нам и капсула с землей. На капсуле отгравировано послание молодежи XXI века, точного текста которого никто уже не помнит.

Открытие памятника явилось для горожан большим событием. Собралось много людей, большинство из которых были строителями. На фоне нового здания вокзала памятник, привезенный с ленинградской земли, стал не только новой ступенью в развитии города, но и его главной достопримечательностью.

Сборку и установку монумента провела бригада В.М. Яковлева. В бригаде работало тогда 18 человек, некоторых из них, к сожалению, уже нет в живых.

Работая над данной, темой я узнала несколько интересных фактов.

Во-первых, когда памятник отливали в городе Ленинграде, не хватало средств, и вместо запланированного фонтана на центральной площади города Северобайкальска

заложили цветочную клумбу. Во-вторых, к 60-летию СССР на привокзальной площади была установлена стела в честь 15 союзных республик, своего рода благодарность за помощь в строительстве БАМа. Но так как она мешала движению автотранспорта, по многочисленным жалобам государственной автомобильной инспекции и водителей стелу пришлось перенести на дорогу Нижнеангарск - Кутузовка. Но и там стела помешала, и по указанию горкома партии ее совсем убрали. Дальнейший след ее потерян.

Из воспоминаний Валерия Михайловича Анисимова – генерального директора ПМК «Ленбамстрой»: «Перед рабочими поставили лимит времени. Работали над памятником в предельно короткие сроки. Выполнили фигуры: корабль – «летучий голландец», силуэт Денисенко (фигуры полые), доску – все из бронзы. Отдельная проблема возникла с добычей бронзы. На предприятии «Монументскульптура» была в те годы страшная ее нехватка. Объяснялась эта нехватка тем, что заказов много, на всех бронзы не хватает. ПМК «Ленбамстрой» сам добыл около 2 тонн отборной бронзы, переплавив ее в круги – «чушки». Кусочек бронзы отвезли в Ленинград на пробу, оказалось, она не подошла. Завод «Монументскульптура» выкупил эту бронзу для своих нужд, но денег все-таки не хватало, пришлось использовать бронзу с добавлением. Была создана художественная комиссия, которая прибыла в Северобайкальск в полном составе и проживала у меня. Архитектор Г. Ястребецкий привез с собой чертежи постамента будущего памятника, транспортировали и изготовленные уже их бронзовые составляющие монумента. Решили изготовить постамент из бетона с добавлением мраморной крошки, отливку которого произвели на производственной базе. Весом он получился 5-6 тонн.

В открытии монумента первопроходцам БАМа у привокзальной площади участвовали представители горкома партии, начальники многих организаций и, конечно, те самые люди, чьими руками был выполнен и установлен памятник».

Я поинтересовалась дальнейшей судьбой Владимира Денисенко. Выяснилось, что во время строительства города он трудился на возведении домов 122 серии, вокзала, других жилых комплексов. По возвращении в Ленинград Владимир Денисенко устроился на работу в домостроительный комбинат, после открыл свое частное предприятие по сантехническим услугам.

Вот такими оказались воспоминания Валерия Михайловича Анисимова. А на просьбу рассказать какой-нибудь курьезный случай из истории строительства памятника, я услышала следующее.

Фотография Владимира Денисенко вполне подходила, нашли костюм, в котором будет «памятник», но возникла проблема с обувью. Ничего не могли подобрать.

Искали обувь в Ленинграде: валенки, галоши, кирзовые сапоги – всё не то. И поэтому пришлось Анисимову ехать в Северобайкальск за сапогами. Валерий Михайлович привез меховые сапоги на молнии, и они оказались именно той обувью, которую архитектор Сохин хотел видеть на бронзовом первопроходце.

В ходе поиска и подбора информации об истории установления памятника первопроходцам БАМа я встретилась с определенными трудностями. Ни в редакции «Северного Байкала», ни в архиве города, ни в музее БАМа не нашла я подшивки газет за 1986 год. Не удавалось узнать из воспоминаний участников тех событий точную дату установления монумента. Сопоставляя рассказы старейших работников «Ленбамстроя», исследуя фотографии из личных архивов, я выяснила, что памятник был установлен 29 октября 1986 года, в день рождения ВЛКСМ, хотя открытие наметили на 7 ноября.

Хотелось бы выразить благодарность всем, кто с пониманием отнесся к моей просьбе, вспоминая давно забытые случаи из жизни, кто безвозмездно отдавал фотографии, юбилейные значки, памятные вымпелы, буклеты.

Большую помощь в работе оказали мне В.М. Анисимов, генеральный директор «Ленбамстрой». В.А. Федин, главный инженер этой же организации, бывшие работники монтажной бригады СУ-4 В.В. Говорин, А.С. Сычев, В.Н. Осокин, А.В. Шаронов и другие - все те, кто возводил на севере Байкала белый город мечты.

Установка памятника.

Из истории СМП – 708.

Донцов Ян, выпускник 2007 года МБОУ «Лицей № 6».

Строительно-монтажный поезд №708 был образован на основании приказа Минтрансстроя № 13 от 4 февраля 1981 года. За первые годы существования СМП – 708 была проделана определенная работа по укомплектованию рабочих кадров и их закреплению. Основным источником пополнения рабочих кадров являлся прием местных жителей. Принято было всего 305 человек, в том числе 108 рабочих по переводу из других организаций. Уволены 41 человек, 16 из них – по собственному желанию. 50% рабочих СМП – 708 составляла молодежь до 30 лет. На 1 января 1982 года личный состав составлял 325 человека, из них: 264 – рабочие, 16 – служащие, 36 – ИТР, 9 – МОП. Членов и кандидатов в члены КПСС – 31 человек, 62 – члена ВЛКСМ, 66 – женщин.

СМП – 708 являлся основной движущейся силой в строительстве крупных объектов города Северобайкальска. В его состав входили следующие инженерно-технические кадры: инженеры – 18 человек, техники – 18. Помимо строительства зданий, также была необходимость в обустройстве города и улучшении условий жизни в нем. Важным моментом была асфальтоукладка автомобильных дорог. В этом нелегком деле особенно ярко проявила себя бригада В. Кудлы, состоящей из 22 человек, в которой каждый асфальтоукладчик работал за двоих-троих. Ребятам приходилось также работать и в поселке Нижнеангарск. Они достаточно профессионально сделали покрытие площадки перед памятником. В итоге, в районе, в котором протяженность дорог составляла двадцать километров, было проложено первоклассное асфальтированное шоссе. Вся эта работа проделана благодаря таким работникам, как

Кривонос А., Волкодав Г., Владимиров В., Калашников М., Завальнюк В. и многими другими, выполнявшим свое дело дисциплинированно и ответственно.

Комсомольско-молодежные бригады Суркова В., Дементьева А. и Горбатенко В. работали на строительстве электровозного депо. Коллективы неоднократно занимали призовые места в социалистическом соревновании по СМП – 708. По результатам работы за 1982 год хозрасчетная комплексная бригада Дементьева А. заняла 1 место в социалистическом соревновании среди бригад треста «Нижнеангарсктрансстрой». Средняя выработка на одного работающего составляла 46 тысяч рублей. Все работники бригад, внедряя прогрессивные методы труда, добивались высоких производственных показателей.

Главной производственной задачей СМП – 708 было строительство автобазы для треста «НАТС» на 450 автомашин, сданной в эксплуатацию 27.12.90 г. Возведение промбазы, объединенного электровозного депо, строительство объектов соцкультбыта и жилья. Основные работы:

- Студлагерь ССО «Вертикаль» на 40 человек, сдан в 30.08.81г.
- Общежитие 6/1 - 30.10.81г.
- Жилые дома на 10 квартир - в период 23.02.82 – 30.06.82 г. г.
- Детский сад «Теремок» - 29.10.82 г.
- Лицей № 6 - 1.09.87 г.
- Стадион «Строитель» - 28.12.89 г.
- Профилакторий «Подлеморье» - 2001г.
- Учебный корпус ИрИИТа - 27.12.90 г.

Были сданы в эксплуатацию также типовые средние школы на станциях Кичера и Ангоя, ПЧ – 24. В 2005 году работники СМП – 708 выполняли работы в Саха-Якутии на станциях Андриановка, Шахтерская, Шерловая гора, в поселке Амга. Отсыпались дороги под полотно железной дороги. В 2006 году в Северобайкальске велись работы по строительству 48 квартирного дома по улице Полиграфистов, гимназии № 5, православной церкви, промбазы СМП – 708.

Многие строительные организации в 90-х годах прекратили свое существование, обанкротились. СМП – 708 не только выжил, но и сохранил свои кадры, продолжил свое развитие в условиях рыночной экономики. Здесь, прежде всего, сработал человеческий фактор:

- Руководители СМП – 708 и кадровый состав состоял из молодых профессионалов, смекалистых, хватких, целеустремленных людей.
- Руководители, инженерный состав, рабочие постоянно повышали свою квалификацию.
- Среди бригад СМП – 708 царил всегда соревновательный дух.
- Работники перенимали и использовали передовой опыт других строительных поездов.
- В СМП – 708 был создан комитет по внесению рационализаторских предложений при строительстве объектов, которые использовались в работе.
- Руководители СМП – 708 уделяли огромное внимание бытовой, культурно-массовой работе среди своих рабочих, которая организует и сплачивает людей в отдыхе и в труде.

Начальник СМП – 708 Липаткин Семен Егорович (начальник поезда с 1981 по 1984 г. г.) огромное внимание уделял воспитанию молодежи. Ежегодно проводились спортивные состязания по всем видам спорта: настольный теннис, футбол, хоккей,

волейбол. Семен Егорович постоянно посещал все мероприятия. Часто приглашались лекторы из Иркутска, Москвы и других городов. Управление поезда каждую субботу выделяло машину для поездки на горячие источники «Дзелинда», «Солнечный». Воспитательной работой в общежитиях в 80-е годы ведала моя мама - Надежда Васильевна Донцова. А отец, Донцов Анатолий, в составе бригады Горбатенко работал монтажником-высотником. Многие работники поезда переехали в город Белгород, выезжали на строительные работы по всей России, а в данное время задействованы на строительстве второй ветки БАМа.

Бригада Владимира Горбатенко (Ибрагимов Захир, Поздеев Геннадий, Беллев Сергей, Сапрунов Александр, Мангибаев Валерий)

Михаил Муратов – главный механик СМП-708

Историю вершат личности.

Каримова Мадина Назаровна, учитель истории и обществознания МБОУ «Лицей № 6» с 1987 по 2018 г.г.

Мы постоянно ругаем прошлое и настоящее, но сделать сами, к сожалению, мало что можем. Хочется в связи с этим вспомнить Человека, который жил по принципу: «времена не выбирают, в них живут и созидают». Антон Иннокентьевич Кетров – личность выдающаяся. Он всей душой болел за свой родной колхоз «Победа», бессменным руководителем которого был 20 лет. О нём с уважением и глубокой признательностью вспоминают жители не только села Байкальское, но и всего Северобайкальского района. В 70-ые годы Антон Иннокентьевич вывел колхоз в число лучших рыболовецких хозяйств Республики.

Но без цифр и фактов вспомнить об этом выдающемся Человеке не получится. В них вся его жизнь и судьба. В апреле 1992 года на заседании правления, когда ставился вопрос о колхозной собственности, которое приобреталось на протяжении нескольких десятилетий, сердце Антона Иннокентьевича не выдержало. Созидается долго, рушится быстро. Сегодня ничего не осталось от бывшего величия колхоза «Победа»: нет многих людей, материально-технической базы, документов. Чудом сохранил папку с отчетом председателя колхоза «Победа» Кетрова А.И. за 1971 год житель села Шубин Федор Никитич. Итак, что же собой представляло объединенное хозяйство на 1971 год? Исчерпывающие данные мы находим в вышеупомянутом отчете Кетрова А.И.: «На добыче рыбы было занято 8 единиц моторного флота, более 30 единиц гребного флота, 40 рыбаков. Получено доходов от реализации шкур нерпы 49874 рублей, сала – 15871 рублей, всего 65745 рублей. Произведено затрат 29425 рублей, получено чистого

дохода 36320 рублей. Вся посевная площадь убрана полностью, зерно отработано, засыпаны семена и оставшееся зерно реализовано. Таким образом, по сбору и урожайности зерна колхоз с планом справился. Колхоз получил высокий урожай картофеля, по плану предполагалось 3 га, но фактически было посеяно 3,2 га, урожай получили 430 ц, с 1 га – 134 ц при плане 100. Урожай кормовых корнеплодов составил с га по 117,5 ц, при плане 100. Урожай капусты на площади 2,5 га составил всего 18,5 ц при плане 100 ц, неудачно был подобран участок под капусту, не удобрен должным образом и впоследствии капусту повредил червь. Зеленки получено с площади 100 га по 38,2 ц или 3824 ц. Урожай хороший!».

Далее Кетров А.И. отмечает и ряд недостатков, имевших место в жизни хозяйства: так, иные колхозники некачественно убрали зерновые, устанавливали высокий срез на жатке, что приводило к значительным потерям урожая. Что касается животноводческой отрасли, то на балансе колхоза имелось 84 головы крупного рогатого скота. Хозяйством продано государству 1240 ц молока, внутри колхоза – 138, на фураже – 213. За сверхплановое молоко получена прибыль в размере 13375 рублей.

Задание по сдаче мяса государству выполнено на 139%: при плане 130 центнеров, сдано 181, в том числе конины - 33. За сверхплановое мясо получен доход в размере 3187 рублей. Колхоз занимался и табунным коневодством. Так, на 1 января 1971 года численность лошадей составляла 148 голов.

Руководство «Победы», думая о завтрашнем дне, активно закупало сельскохозяйственную технику. Например, в 1971 году приобретено 2 сенокосилки за 322 рубля, 1 сепаратор – 251 рубль, 2 деревообрабатывающих станка – 1875 рублей, 2 электронагревателя – 265 рублей, жиротопильное оборудование – 650 рублей, трактор «ГДТ-40» – 5623 рубля, трактор «ДТ- 75» – 5320 рублей, трактор «МТЗ-50(1)» – 3930 рублей, автомашина «УАЗ- 452(1)» – 1900 рублей, м/пила «Дружба» - 340 рублей. Также были приобретены бычки-производители – 1100 рублей. За счет средств капремонта перевезен и перестроен цех для обработки шерстопродукции.

За два года денежные доходы увеличились с 298903 рублей до 345541, значительно выросли основные фонды и проведена механизация многих трудоемких работ, повысилось материальное положение колхозников, принимались меры по расширению лугов и пашен, колхоз активно участвовал в электрификации. Несмотря на очевидные успехи, Антон Иннокентьевич самокритично замечает, что правление колхоза допускало и ряд просчетов, ошибок и промахов, которые отрицательно сказались на развитии экономики колхоза, что не все имевшиеся возможности были реализованы. Так, в 1970 и 1971 годах колхоз не справился с планом добычи рыбы, в 1971 году не выполнен план по надою молока и снижен надой на фуражную корову, также не выполнен план по пушнине. Председатель колхоза признает, что он недостаточно занимался организационной работой, внедрением рационализации, организацией производства на научной основе, внедрением в производство всего нового и передового.

У колхоза была своя звероферма, где выращивали лисиц: на первое января 1972 года их количество составляло 100 голов, получено приплода 273 головы, пало два животных, забито на шкуры 267 голов. Доходы от лисофермы составили 3045 рублей. Второй год лисоферма приносила убыток, поэтому правление колхоза принимает решение лис заменить на песцов, так как они менее прихотливы к рыбному корму.

На будущий 1972 год колхоз наметил следующие планы:

1. На добыче рыбы зимой опробовать трактор «Т-25» со специальными теплыми будками, ледобурами. Это даст возможность увеличить производительность

труда в два раза в рыболовстве, а также необходимо провести испытания по отлову рыбы с помощью электролова.

2. На сеноуборке необходимо уже в 1972 году полностью перейти на навесные сенокосилки. Для этого дополнительно уже куплены три сенокосилки. Для уборки соломы, сена, раздачи кормов дополнительно приобретен специальный агрегат «КУ-10» с двумя площадками. Это агрегат типа стогометателя, но более совершенной конструкции, надёжный в эксплуатации, более адаптирован к северным условиям.
3. В 1971 году запущена дизельная электростанция, поэтому перед колхозом открыты широкие перспективы в механизации. Этот фактор позволит осуществить настоящую техническую революцию в производстве.

Затем А.И. Кетров подробно остановился на статистических данных: по списку членов колхоза - 151 человек; наличие дворов – 95, население 317. Трудоспособных мужчин от 16 до 60 лет – 61 человек, 22 женщины до 55 лет. Мужчин и женщин пенсионного возраста – 68 человек, оформлено на пенсию в 1971 году – 11 человек.

В поселке есть своя школа, сад - ясли, почта, аэропорт, дом культуры, где имеется возможность просмотра широкоформатного кино, поселок получил постоянную электроэнергию.

Колхоз имел крепкую материально-техническую базу. В данной же папке был найден акт от 4 апреля 1981 года. В активе колхоза значилось 13 автомобилей, 18 тракторов, 11 единиц самоходного флота, 13 единиц несамоходного, из них 3 баржи. Из акта следует, что в активе хозяйства имеется собственность на сумму 1.738.287 рублей. Это значит, что Антон Иннокентьевич за 10 последующих лет смог вывести колхоз в миллионеры. Во всех этих цифрах чувствуется забота об односельчанах. Мне, к сожалению, не удалось встретиться с Антоном Иннокентьевичем, но знакома с его дочерью Анной Антоновной, которая много делает на благо нашего города. Думаю, что найдутся знакомые, близкие и еще поведают о жизни этого удивительного Человека.

Кетров А. И.

Лагерь – школа жизни.

Колосова Татьяна, выпускница МБОУ «Лицей №6» 2009 года,
участница археологических экспедиций 2008, 2009 г. г.

У всех нас когда-то начинается взрослая жизнь. Я имею ввиду, что в какой-то определенный момент возникают ситуации, в которых мы вынуждены действовать самостоятельно, ситуации, после которых мы меняемся – становимся взрослее. У кого-

то они возникают раньше, у кого-то - позже, а у меня первые шаги к самостоятельности начались в археологическом лагере, который я посещала несколько лет вместе с ребятами из школы с нашей учительницей истории Мадиной Назаровной.

Не хочу сказать, что до лагеря я была несамостоятельной – нет, просто там впервые возникает ощущение ответственности за себя. Какую одежду надеть, чтобы не замерзнуть? А завтра нужно не забыть взять головной убор, потому что солнце печет. И тут нет постоянного мамино: «Таня! Одень что-нибудь на голову!» Надо выбрать время, чтобы постирать. Нагреть воду, чтобы помыться. Убраться в палатке. Успеть поваляться на берегу и посидеть у костра. Для всего этого я научилась планировать свой день – это действительно очень важно.

Но еще острее я вспоминаю сейчас чувство ответственности за других. Больше всего оно проявлялось, конечно же, во время дежурства. Как важно было успеть приготовить обед! А главное – организовать работу. Дежурило по 3 человека, но понятно же, что мальчишки-то нужны для помощи, а ты должна все распланировать: почистить картошку, принести воду, покрошить капусту, открыть тушенку и нарезать хлеб. Но самое главное не только успеть, но и сделать это качественно. До сих пор все бабушкины сомнения по поводу моих кулинарных способностей разбиваются о тот факт, что я готовила на весь лагерь. Да тут и не в количестве человек дело – когда мы ходили на дальний раскоп, не всегда удавалось возвращаться на обед в лагерь, поэтому готовили прямо там на 5-6 человек. Зато какое чувство удовлетворения и гордости собой потом испытываешь! И вот я уже знаю, как варить манку, чтоб она не была комочками, и сколько картошки надо на 20 человек.

А еще, чуть позднее, появляется чувство сплоченности коллектива. Приятное, надо сказать, чувство. И ты понимаешь, что ты - часть этого коллектива, и что именно ты внесла непосредственный вклад в его сплочение. Ведь все мы с самого рождения живем в обществе, нас окружают люди: родители, группа в детском саду, одноклассники, однокурсники, коллеги и так далее. Наш лагерь – это тоже общество, и на тот момент оно отличалось от привычного мне понятия «общество». Здесь я жила с людьми, с которыми раньше виделась пару часов в день, а теперь - круглосуточно. Здесь я жила со своей учительницей истории, которая видит меня вне школы, которая учит меня бытовым вещам, а в сентябре я уже буду рассказывать ей о причинах Великой Октябрьской революции. Здесь общество не то, что в городе, здесь другая жизнь, другие люди, другие правила и привычки. И к этому надо привыкать. Тут-то и появляется возможность проявить свою коммуникабельность, а где надо – терпение.

Сейчас я с улыбкой на лице вспоминаю все свои удачи и промахи в лагере. Все это мне напоминает такую маленькую школу жизни, где за 2 недели можно научиться колоссальным вещам.

Спасибо. Спасибо, что у меня была возможность все это пережить.

Содержание.

Предисловие.....	3
Каримова Диана. Погребальные обряды на Северном Байкале в эпоху поздней бронзы и раннего железа.....	6
Каримова Диана. Население культуры плиточных могил на севере Байкала.....	13
Киреев Игорь. Погребения эпох бронзы и раннего железа на северо- западном побережье Байкала.....	19
Каримова Диана. Байкальские писаницы.....	27
Ледянкина Ирина. Наскальные рисунки северо-западного побережья Байкала...	30
Лебедев Владимир. Керамика мыса Писаный Камень.....	40
Евсеенко Ульяна. Археологические объекты мыса Красный Яр.....	49
Стаценко Ульяна. Удивительный мыс Лударь.....	57
Юдин Даниил. Каменные наконечники стрел.....	69
Евсеенко Ульяна. Тайны мыса Писаный Камень.....	79
Киселева Светлана. Курительная трубка из с. Байкальское.....	86
Данилевская Валерия, Емельянова Юлиана Андреевна, Бородина Маргарита Львовна. Эвенкийское захоронение в с. Байкальское.....	89
Сидоров Алексей, М.Л. Бородина, А.М. Коростелёв. Археологический материал из погребения №2 могильника Байкальское VII.....	96
Грищук Дмитрий. Из истории деревни Талой.....	99
Мирошниченко Елена. Тья – село в одну улицу.....	101
Мясникова Анастасия. Как возводили город.....	104
Донцов Ян. Из истории СМП – 708.....	106
Каримова М.Н. Историю вершат личности.....	108
Колосова Татьяна. Лагерь – школа жизни.....	110

Краеведы города Северобайкальска.

Ответственная за выпуск: М.Н. Каримова, учитель истории и обществознания МБОУ «Лицей № 6» города Северобайкальска с 1987 по 2018 г.г.

В сборнике использованы фотографии Г.В. Бурдина, М.Л. Бородиной, М.Н. Каримовой.

г. Северобайкальск. 2020.

